А. И Соболевскій

Славяно-Русская

ПАЛЕОГРАФІЯ.

КУРСЪ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. П. Лопухина. Тележная ул. д. № 5.
1902

Z
115

Академия наук СССР
Институт научной информации
и фундаментальная библиотека
по общественным наукам

955
70

I.

Образованность. Русь въ XI—XIV вв.

Старую Русь часто обвиняютъ въ томъ, что она была малограмотна и не любила книги. И совершенно напрасно.

Стоитъ заглянуть въ первый попавшійся подъ руку старый русскій сборникъ, и мы найдемъ какую-нибудь статью о пользѣ чтенія книгъ или о томъ, какъ должно читать книги. „Почитаніе книжное“ усердно рекомендуется русскому человѣку и цѣлый рядъ словъ ему посвященныхъ, съ именами то Іоанна Златоустаго, то Ефрема Сирина, то просто святыхъ отецъ, словъ по большей части переведенныхъ съ греческаго, старательно переписывается русскими писцами отъ XI вѣка до XVIII вѣка. Написанный въ 1076 году, при великомъ князѣ Святославѣ Ярославичѣ, сборникъ назидательныхъ статей для мірянъ начинается „словомъ нѣкоего калугера (монаха) о четьи (чтеніи) книгъ“. „Добро есть, братіе, говоритъ авторъ, почитанье книжное. Узда—коневи (для коня) правитель есть и воздержаніе; праведнику же—книги. Не составить бо ся корабль безъ гвоздій, ни праведникъ—безъ почитанія книжнаго. Красота воину — оружіе и кораблю — вѣтрила (паруса); тако и праведнику — почитаніе книжное“. Составленный въ XIII или XIV вѣкѣ другой сборникъ назидательныхъ статей для мірянъ, дошедшій въ рядѣ списковъ XIV—XVII вѣковъ, Измарагдъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько словъ о чтеніи книгъ. „Подобны суть книги глубинѣ морской, читаемъ мы въ одномъ изъ нихъ: ныряя въ которую износятъ дорогой бисеръ“. Популярнѣйшій изъ обращавшихся въ Россіи сборниковъ, Прологъ также имѣетъ подобныя слова. Въ одномъ изъ нихъ (подъ 16 сентября), съ заглавіемъ: „Слово св. Іоанна Златоустаго, како подобаетъ чтенья св. книгъ послушати и съ прилежаніемъ чисти (читать) и внимати“, мы нахо-

димъ такое наставленіе: „Со многимъ прилежаніемъ прочитай словеса, а не тщися листы токмо обращати. Аще ти (тебѣ) есть требѣ (нужно), не лѣнися, но и двакраты прочитай словеса, да разумѣеши силу ихъ".

Русскіе авторы не пропускали случая указать на значеніе чтенія книгъ. „Велика бываетъ польза отъ ученія книжнаго, говоритъ, напримѣръ, нашъ первый лѣтописецъ. Книгами кажеми (наставляемы) и учими есмы пути покаянью. Мудрость обрѣтаемъ и воздержанье — отъ словесъ книжныхъ. Се бо суть рѣки напояюще вселенную, се суть исходища (истоки) мудрости. Книгамъ бо есть неисчетная глубина. Аще поищеши въ книгахъ мудрости прилежно, то обрящеши велику пользу души своей. Иже бо книги часто чтеть, тотъ бесѣдуетъ съ Богомъ или съ святыми мужи".

„Мнози непочитаніемъ божественныхъ писаній съ праваго пути совратишася, заблудиша и погибоша, говоритъ русскій авторъ слова: „Како не лѣнитися чести книгъ". Аще кто мудръ есть, а не умѣетъ книгъ, таковый подобенъ есть оплоту безъ подпоръ стоящу; аще вѣтръ будетъ, то падетъ. Тако мудруя не книжникъ; аще нань грѣховный вѣтръ пахнетъ, то падетъ, не имѣя подпоръ — книжныхъ словесъ. Мудрость бо и книги аще обое то случится въ человѣцѣ, то аки обѣ очи (оба глаза) въ тѣлѣ: совершенно имуть зрѣніе".

При взглядѣ русскихъ людей на чтеніе книгъ какъ на дѣло большаго значенія, понятно, учитель, обучившій ученика грамотѣ, разсматривался какъ его благодѣтель. „Аще кто въ бѣдѣ пособіе отъ кого пріимъ, говоритъ какой-то архіепископъ Кириллъ въ своемъ поученіи, или книгамъ отъ кого научился будетъ, подобаетъ въ сердци си (своемъ) таковыхъ удержати и во умѣ, и до дни исхода (кончины) имя его въ мольбахъ своихъ поминати".

Книги.

Число сохранившихся до насъ русскихъ книгъ за *періодъ отъ XI до XIV вѣка* включительно—болѣе 500. Но несомнѣнно, эта цифра не можетъ дать намъ даже приблизительнаго представленія о числѣ книгъ написанныхъ и обращавшихся въ это время въ Россіи. Татарскій погромъ, нападенія Половцевъ, Татаръ, Литвы, княжескія междоусобія, пожары должны были вести, между прочимъ, къ гибели книгъ. Передъ нашествіемъ на Москву Тохтамыша въ 1382 году, разсказываетъ лѣтопись, множество книгъ со всего города и изъ селъ было свезено „сохраненія ради" въ Кремль и здѣсь въ соборныхъ церквахъ „до стропа" (до потолка) наметано, и всѣ онѣ сгорѣли при взятіи Москвы. Позднѣйшія войны и неурядицы, пожары въ Москвѣ и въ другихъ русскихъ городахъ должны были также уничтожить множество древнихъ книгъ. Нельзя наконецъ не упомянуть о заведенномъ въ московской типографіи XVII вѣка обычаѣ оклеивать типографскіе станки пергаменными листами и для этого покупать и уничтожать древнія книги.

По мѣсту написанія дошедшія до насъ русскія книги XI—XIV вѣковъ съ датами принадлежатъ Кіеву, Новгороду, Пскову, Ростову, Рязани, Москвѣ, Переяславлю Залѣсскому, Ярославлю, Галичу сѣверному. Изъ нихъ несомнѣнно кіевскихъ—только двѣ, обѣ XI вѣка (Сборники 1073 и 1076 годовъ); несомнѣнно новгородскихъ относительно много; старшія—XII вѣка; несомнѣнно псковскихъ — пять, всѣ XIV вѣка; книгъ, несомнѣнно ростовскихъ — двѣ, обѣ начала XIII вѣка; книгъ, несомнѣнно написанныхъ въ Рязани, Москвѣ, Ярославлѣ, Галичѣ, мы

имѣемъ лишь по одной, или конца XIII вѣка (Рязанская Кормчая 1284 года), или XIV вѣка. Ни одной книги, несомнѣнно написанной въ Смоленскѣ, въ Полоцкѣ, въ Черниговѣ, въ Галичѣ южномъ въ XI—XIV вѣкахъ мы не имѣемъ.

Но конечно, цифры въ данномъ случаѣ лишены значенія. Мы можемъ сказать навѣрное, что книгъ, написанныхъ за это время въ Кіевѣ, было не только много, но даже очень много. Великій князь Ярославъ, сообщаетъ намъ лѣтописецъ, „собра писцѣ многи и прекладаше (переводилъ) отъ Грекъ на словѣнское письмо, и списаша книги многи". По словамъ того же лѣтописца, „Ярославъ бѣ любимъ книгамъ, и многи, написавъ, положи въ св. Софьи (въ Кіевѣ)". Никола Святоша, одинъ изъ князей Ольговичей, постригшійся въ XII вѣкѣ въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ, имѣлъ много книгъ; эти книги послѣ его кончины находились въ томъ же монастырѣ. Вѣроятно, не мало книгъ было написано въ Ростовѣ и въ Смоленскѣ. По крайней мѣрѣ, лѣтописецъ подъ 1229 годомъ сообщаетъ, что ростовскій епископъ его времени Кириллъ былъ богатъ всѣмъ, между прочимъ и книгами. Житіе св. Стефана Пермскаго говоритъ, что въ XIV вѣкѣ въ ростовскомъ монастырѣ св. Григорія Богослова „книги многи бяху". Изъ житія Авраамія Смоленскаго мы узнаемъ, что этотъ святой въ концѣ XII или въ началѣ XIII столѣтія написалъ много книгъ, „ово своею рукою, ово многими писцы".

По своему происхожденію сохранившіяся до насъ русскія книги XI—XIV вѣковъ относительно разнообразны. Большая ихъ часть— переводы съ греческаго, сдѣланные славянскими первоучителями, ихъ учениками и ихъ послѣдователями въ Болгаріи IX и X вѣковъ, и переписанные русскими писцами. Небольшая часть — переводы также съ греческаго, сдѣланные въ Россіи, главнымъ образомъ повидимому въ Кіевѣ. Мы уже привели слова лѣтописца, что Ярославъ „прекладаше отъ Грекъ на словѣнское письмо" и при помощи многихъ писцовъ изготовилъ много книгъ. Никола Святоша, о которомъ мы уже упомянули, также заказывалъ переводы съ греческаго. Нѣтъ сомнѣнія, что благодаря частымъ сношеніямъ до-татарской Руси съ Греціею, было довольно людей, Русскихъ и Грековъ, способныхъ переводить съ греческаго. Наконецъ еще небольшая часть — оригинальныя произведенія и компиляціи русскихъ авторовъ. Это — довольно многочисленныя поученія, нѣсколько житій русскихъ святыхъ, нѣсколько лѣтописей, произведенія рѣдко съ именами составителей, обыкновенно анонимныя.

По содержанію дошедшія до насъ русскія книги XI—XIV в. мало разнообразны. Большинство ихъ—богослужебныя; затѣмъ сравнительно много житій святыхъ и твореній святыхъ отцевъ. Книгъ свѣтскаго содержанія очень немного; изъ нихъ стоитъ отмѣтить лишь два списка лѣтописей, оба XIV вѣка.

Грамоты.

Кромѣ книгъ, Русь XI—XIV вѣковъ имѣла грамоты (документы), правительственныя и частныя.

Число тѣхъ и другихъ дошедшихъ до насъ въ подлинникахъ, по преимуществу XIV вѣка, около 100. Но по этой цифрѣ трудно заключать о числѣ грамотъ написанныхъ въ Россіи XI—XIV вѣковъ. Тѣ постигавшія ее бѣдствія, которыя вели къ гибели книгъ, вели также и къ гибели грамотъ. До насъ не дошло даже клочковъ изъ большей части княжескихъ архивовъ. Кромѣ нѣсколькихъ договоровъ съ тверскими

князьями, исчезъ весь новгородскій архивъ, перенесенный въ концѣ XV вѣка въ Москву. Совсѣмъ безслѣдно исчезъ псковской архивъ. Отъ архива московскихъ князей сохранилось до насъ лишь нѣсколько духовныхъ и договоровъ этихъ князей; а между тѣмъ въ половинѣ XV вѣка въ немъ находились, какъ видно изъ договора Дмитрія Шемяки съ удѣльными князьями, „грамоты докончальныя (договоры), и ярлыки, и дефтери, и иныя грамоты“ (*Собр. гос. гр. и дог.*, I, стр. 150). Архивы митрополитовъ, епископовъ, монастырей, церквей, за ничтожными исключеніями, также погибли; даже архивъ московскихъ митрополитовъ XIV вѣка не дошелъ до насъ; „грамоты всѣ церковныя сгорѣли“, говоритъ митрополитъ Фотій въ своей духовной 1431 года.

Тѣ грамоты, которыя мы имѣемъ отъ XI—XIV вѣковъ, показываютъ намъ, что письменный документъ въ русской жизни того времени игралъ значительную роль. Князья, даже братья, уславливаясь о чемъ-нибудь между собою, составляли письменные договоры; умирая и завѣщая все дѣтямъ, они прибѣгали къ письменнымъ завѣщаніямъ; ихъ судебные приговоры излагались письменно. Частныя лица слѣдовали за князьями. Такъ называемыя двинскія грамоты, самаго конца XIV вѣка или даже самаго начала XV вѣка, написанныя въ Двинской землѣ (въ нынѣшней Архангельской губерніи), показываютъ, что даже въ самомъ глухомъ углу тогдашней Россіи, при продажѣ земли, крестьяне считали нужнымъ писать грамоты. Рядная двухъ Псковичей, конца XIII вѣка, даетъ понять, что въ это время при заключеніи брака письменный договоръ о приданомъ былъ дѣломъ обычнымъ.

Приведенныя данныя говорятъ, что грамотныхъ людей въ Россіи XI—XIV вѣковъ было достаточно.

Простая грамотность повидимому мало цѣнилась. Она открывала путь къ священническому сану (Владимирскій соборъ 1274 г. велитъ ставить въ попы лишь тѣхъ, кто грамоту „добрѣ“ знаетъ; *Русск. Достопам.* I, 111; Кормчая, переведенная съ греческаго, требуетъ, чтобы даже въ „причетники“ ставились люди „добрѣ“ разумѣющіе грамоту; Рязанская Кормчая 1284 года, л. 231). И только. Лѣтописцы и авторы житій умалчиваютъ о грамотности, когда говорятъ о достоинствѣ тѣхъ или другихъ лицъ. Они отмѣчаютъ только „хитрость“, большую или меньшую ученость. Обыкновенно ихъ указанія относятся къ духовнымъ лицамъ. Такъ, въ Никоновской лѣтописи о митрополитѣ Климентѣ Смолятичѣ (въ половинѣ XII вѣка) мы читаемъ: „бысть книжникъ и философъ такъ (такой), якоже въ русской земли не бяшеть (было)“. Или, въ той же лѣтописи о любимцѣ Димитрія Донскаго архимандритѣ Митяѣ (умеръ въ 1379 году) говорится: „грамотѣ гораздъ зѣло и книгами премудръ зѣло; никтоже обрѣташеся таковъ“. А другая лѣтопись этого Митяя хвалитъ въ такихъ выраженіяхъ: „грамотѣ гораздъ, пѣти гораздъ, чести гораздъ, книгами говорити гораздъ“. Но немало лѣтописныхъ указаній имѣетъ своимъ предметомъ мірянъ, главнымъ образомъ князей. Объ Ярославѣ мы читаемъ, что онъ „книгамъ прилежа и почитая я (ихъ) часто, въ нощи и въ дне“. О Владимирѣ Васильковичѣ Волынскомъ (умеръ въ 1288 году),—что онъ былъ „книжникъ великъ и философъ, акогоже не бысть во всей земли и ни по немь не будетъ“. Епископъ Прохоръ, авторъ житія митрополита Петра, сообщаетъ, что Иванъ Калита былъ „гораздъ святымъ книгамъ“. Преп. Кириллъ Бѣлозерскій въ посланіи къ Юрію Дмитріевичу, сыну Димитрія Донского,

пишетъ: „слышу, что божественное писаніе самъ въ конецъ разумѣешь и чтешь“. Можно еще указать, что два князя XII вѣка, Владиміръ Мономахъ и его внукъ Андрей Боголюбскій, выступили на литературное поприще, а одинъ изъ русскихъ проповѣдниковъ XI вѣка (какъ думаютъ, митрополитъ Иларіонъ) писалъ, какъ онъ говоритъ, для людей „преизлиха насытившихся сладости книжной“.

Школы.

Гдѣ и какъ учились Русскіе въ XI—XIV вѣкахъ?

Наши свѣдѣнія объ этомъ очень скудны. Несомнѣнно, ни правительственныхъ, ни общественныхъ училищъ тогдашняя Русь не имѣла; въ ней были лишь частныя школы. Ихъ имѣетъ въ виду лѣтописецъ, разсказывая, подъ 988 годомъ, что Владиміръ Святой „нача поимати у нарочитое чади (у знатныхъ людей) дѣти, и даяти нача на ученье книжное“. Объ одной изъ нихъ говоритъ Несторъ въ житіи Ѳеодосія Печерскаго (XI вѣкъ); по его словамъ, святой, еще ребенокъ, былъ отданъ матерью „единому отъ учителей“, города Курска и у него „извыче вся граматикія“; какъ видно, Несторъ полагаетъ, что въ маленькомъ Курскѣ этого времени могло быть нѣсколько школъ.

Всѣ наши свѣдѣнія объ обученіи грамотѣ относятся къ дѣтямъ. Какъ мы сейчасъ видѣли, Владиміръ Святой велѣлъ обучать дѣтей; Ѳеодосій Печерскій былъ отправленъ къ учителю въ дѣтскомъ возрастѣ. То же мы знаемъ о преподобныхъ Варлаамѣ Хутынскомъ, Авраміи Смоленскомъ, митрополитахъ Петрѣ и Алексѣѣ. Житіе княжны Евфросиніи Полоцкой (XII вѣкъ) сообщаетъ, что она была обучена книжному писанію, не достигши совершеннаго возраста.

О предметахъ школьнаго обученія и школьныхъ порядкахъ въ Россіи XI—XIV вѣковъ мы можемъ лишь догадываться. Судя по всему, они были тѣ же, что въ Россіи XV—XVII вѣковъ. Повидимому, первою книгою чтенія была псалтырь; какъ будто ее имѣетъ въ виду житіе Варлаама Хутынскаго, словами: святой „грамотѣ извыче и книги вся и псаломская толкованія навыче“. Повидимому, суровое обращеніе учителей съ учениками было обычно. По крайней мѣрѣ изъ житія Авраамія Смоленскаго видно, что ученики иногда „унывали“, а изъ житія Сергія Радонежскаго (XIV в.),—что этотъ святой былъ отъ учителя „томимъ“. Греческій сборникъ изреченій, переведенный въ Россіи въ XI—XII вѣкахъ, Пчела отлично характеризуетъ тяжесть школьнаго ученія въ Греціи. „Въ трехъ нужахъ (бѣдахъ) былъ есмь, говорится въ ней,—въ грамотикіи (въ начальной школѣ), въ убожіи, у люты жены; да двою нужу (отъ двухъ бѣдъ) убѣжахъ, а злы жены не могу утечи“. Школа называется здѣсь бѣдою и приравнивается къ нищетѣ и къ несчастной семейной жизни. Надо думать, что въ школьномъ дѣлѣ, какъ и во многомъ другомъ, старая Русь слѣдовала за Греціей какъ за образцомъ.

Возможно, что немногіе русскіе юноши, конечно, изъ знатныхъ и богатыхъ, отправлялись въ Грецію и обучались у греческихъ учителей разнымъ наукамъ. На это, кажется, намекаетъ Даніилъ Заточникъ (XII или XIII вѣкъ), говоря о себѣ: „азъ ни за море ходилъ, ни отъ философъ научился“. Но такіе юноши, если были, — считались единицами.

Русь XV—XVII вѣковъ.

Книги.

Число дошедшихъ до насъ русскихъ книгъ (рукописей) за *періодъ отъ XV до XVII вѣка* включительно—около 15.000. И здѣсь цифра не можетъ дать намъ яснаго представленія о числѣ книгъ, написанныхъ и обращавшихся въ это время въ Россіи. Если мы ее увеличимъ въ десять разъ и признаемъ, что девять десятыхъ написанныхъ тогда книгъ исчезло, и тутъ мы едва ли достаточно приблизимся къ истинѣ. Не распространяясь о бѣдствіяхъ, постигавшихъ Россію послѣ XIV вѣка и ведшихъ къ гибели книгъ, упомянемъ о двухъ страшныхъ московскихъ пожарахъ—1737 года, когда сгорѣлъ старый московскій дворецъ съ библіотекою московскихъ царей XVII вѣка, и 1812 года, когда погибли собранія рукописей (преимущественно позднѣе XIV вѣка) графа Мусина-Пушкина, графа Бутурлина, профессора Баузе и Демидова.

По мѣсту написанія дошедшія до насъ русскія книги XV—XVII вѣковъ съ датами отличаются значительнымъ разнообразіемъ. Конечно, большая ихъ часть была изготовлена въ Москвѣ и другихъ большихъ городахъ; но мы знаемъ цѣлый рядъ такихъ, которыя написаны въ отдаленныхъ отъ центра городахъ и деревняхъ. Пергаменная Тріодь постная 1410 года (М. Арх. Мин. Ин. д.) написана въ селѣ Петровскомъ, близь Вологды; Учительное Евангеліе 1516 года (Имп. Публ. Библ.)—въ Иваньгородѣ; Евангеліе 1527 года (Имп. Публ. Библ.)—въ селѣ Новомъ, близь Вязьмы; Уставъ церковный 1607 года (Имп Публ. Библ.)—въ Верховажской волости (Архангельской губ.); Сборникъ статей противъ лютеранъ 1646 года—въ Якутскомъ острогѣ. Стоитъ отмѣтить лишь то обстоятельство, что книгъ происходящихъ изъ сѣверо-восточной, московской Руси до насъ дошло значительно больше, чѣмъ книгъ изъ юго-западной, литовской Руси.

О происхожденіи русскихъ книгъ XV—XVII вѣковъ прежде всего слѣдуетъ повторить сказанное ранѣе о происхожденіи книгъ предшествующаго періода, такъ какъ эти послѣднія, за немногими исключеніями, продолжали переписываться русскими писцами и находить себѣ читателей. Во второй половинѣ XIV и въ первой XV вѣка въ Россіи появилось большое число новыхъ книгъ, по большей части переведенныхъ съ греческаго въ Болгаріи и Сербіи въ XIII—XIV вѣкахъ; они быстро распространились. Съ половины XVI вѣка до конца XVII-го, особенно во второй половинѣ послѣдняго столѣтія, въ Россіи былъ переведенъ цѣлый рядъ книгъ съ латинскаго, нѣмецкаго, польскаго, греческаго языковъ. Наконецъ число русскихъ оригинальныхъ произведеній и компиляцій, написанныхъ въ XV—XVII вѣкахъ, можетъ быть названо значительнымъ. Это—поученія, житія святыхъ, лѣтописи, хронографы, историческія повѣсти.

По содержанію дошедшія до насъ русскія книги XV—XVII вѣковъ сравнительно разнообразны. Большинство ихъ—богослужебныя, житія святыхъ, творенія святыхъ отцевъ. Меньшинство—книги свѣтскаго содержанія; иногда они имѣютъ своимъ предметомъ исторію, географію, медицину, астрономію и т. п.; иногда это—романы, повѣсти, сборники смѣшныхъ анекдотовъ.

Грамоты.

Если Русь XI—XIV вѣковъ любила писать грамоты, то объ Руси XV—XVII вѣковъ можно сказать, что она не могла обходиться безъ грамотъ, записныхъ книгъ и т. п. Знатокъ хозяйства, авторъ Домостроя приказываетъ все пересчитывать, перемѣривать и записывать, и въ богатыхъ боярскихъ домахъ XVI—XVII вѣковъ дѣйствительно нерѣдко велись всему книги. Мы знаемъ одну изъ нихъ — приходо-расходную книгу боярина Морозова 1668 года. Число дошедшихъ до насъ грамотъ и разныхъ дѣловыхъ тетрадей и книгъ XV—XVII вѣ-

ковъ такъ велико, что мы не въ состояніи его опредѣлить даже приблизительно. Но сколько ихъ погибло и погибаетъ!

Грамотность въ *сѣверо-восточной Руси* XV—XVII вѣковъ была явленіемъ вполнѣ обычнымъ. Сѣверо-восточн Русь

Прежде всего было грамотно духовенство.

Бѣлые священники были поголовно грамотны. Московское пра- Грамотность.
вительство XVI и XVII вѣковъ постоянно приказываетъ крестьянамъ и посадскимъ людямъ, если они не знаютъ грамотѣ, давать расписываться за себя отцамъ духовнымъ; слѣдовательно, считаетъ священниковъ, какія бы мѣстности ни имѣлись въ виду, всѣхъ безъ исключенія грамотными. Ни на одномъ изъ извѣстныхъ намъ документовъ мы не находимъ ни указанія на отказъ священника подписаться по безграмотству, ни какого-либо другаго свидѣтельства объ его безграмотствѣ. Напротивъ того, даже документы, составленные въ отдаленныхъ концахъ московскихъ владѣній въ XVII вѣкѣ—въ Енисейскѣ (1640 года) и въ Селенгинскѣ (1687 года), скрѣплены подписями тамошнихъ священниковъ.

Относительно бѣлыхъ дьяконовъ и дьячковъ у насъ мало данныхъ. Но всѣ данныя, которыми мы располагаемъ, свидѣтельствуютъ исключительно объ грамотности; мы не имѣемъ никакихъ указаній на существованіе неграмотныхъ дьяконовъ и дьячковъ.

Черное духовенство представляло нѣкоторый процентъ неграмотныхъ. Челобитная братіи Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря 1582—1583 года, писанная отъ имени 48 монаховъ, подписана только 34-мя. Конечно, нѣкоторые могли не подписаться по слабости зрѣнія, потому, что умѣя читать, разучились писать; но очевидно, нѣкоторое число безграмотныхъ было. Житія угодниковъ, подвизавшихся въ монастыряхъ сѣверо-восточной Руси въ XV—XVII вѣкахъ, говорятъ объ значительномъ процентѣ грамотныхъ въ лучшей части монастырской братіи. Относительно большинства ихъ, какого бы происхожденія они ни были, въ ихъ житіяхъ сообщается, что они были грамотны; лишь немногіе (какъ Геннадій Костромской, XVI вѣка) не знали грамотѣ.

Правда, новгородскій архіепископъ Геннадій (въ концѣ XV вѣка) и отцы Стоглаваго собора 1551 года свидѣтельствуютъ о маломъ числѣ достаточно грамотныхъ кандидатовъ на священническія мѣста; но здѣсь рѣчь идетъ не о томъ, что грамотныхъ людей было мало, а о томъ, что люди хорошо знавшіе грамоту, даже изъ священническихъ дѣтей, не хотѣли идти на малопривлекательную и маловыгодную даже и теперь должность сельскаго священника, а предпочитали идти въ подьячіе многочисленныхъ канцелярій. Князь Курбскій (XVI вѣкъ) сообщаетъ, что довѣренные царскіе дьяки его времени избирались царемъ—„не отъ шляхетскаго рода, ни отъ благородна, но паче (по преимуществу) отъ поповичевъ или отъ простаго всенародства“. Авраамій Палицынъ (начало XVII вѣка) говоритъ такъ: „Чинъ убо церковный, иже разумъ имущеи, не восхотѣша по отцѣхъ служити алтарю Господню, но бывающе судіи и книгочія (дьяки и подьячіе) земстіи; невѣжда же и не наученіи, тіи церковное правленіе воспріемляху“.

Если мы обратимся къ великимъ князьямъ и царямъ, то увидимъ, что они были или по своему хорошо образованы, или по крайней мѣрѣ грамотны. Князь Катыревъ-Ростовскій (первая половина XVII вѣка) такъ характеризуетъ извѣстныхъ ему царей и царскихъ

дѣтей. Иванъ Грозный былъ „въ наукѣ книжнаго поученія доволенъ и многорѣчивъ зѣло“; Ѳедоръ Борисовичъ Годуновъ „наученъ бѣ книжному почитанію; о вѣрѣ же и поученіи книжномъ со усердіемъ прилежа“; Ксенія Борисовна была „писанію книжному навычна“; Разстрига былъ „въ наученіи книжномъ доволенъ“; Василій Шуйскій — „книжному поученію доволенъ“. Всѣ цари и царевичи XVII вѣка были хорошіе грамотеи. Собственноручно написанныя книги и письма царевенъ XVII вѣка свидѣтельствуютъ объ ихъ грамотности. Правда, есть указанія, что Василій Темный былъ „не книженъ“, что Борисъ Годуновъ „писанія божественнаго не навыкъ“; но это значитъ лишь то, что они не были образованными людьми; грамоты съ подписью Бориса до насъ дошли. Любопытно, что даже казанскій царь Магметъ-Аминь, переселившись въ Россію, подписывалъ свои грамоты не только по-татарски, но и по-русски (конецъ XV вѣка).

Что до бояръ и вообще высшаго сословія, то и въ ихъ средѣ грамотность была достаточно распространена. На соборной грамотѣ объ избраніи на царство Бориса Годунова 1598 года изъ 22 бояръ подписалось 18, изъ 15 окольничихъ—13, изъ 42 стольниковъ—36, изъ 98 дворянъ—64, изъ 40 жильцовъ—38. Само собою разумѣется, нѣтъ основанія думать, что всѣ не подписавшіеся подъ этою грамотою были безграмотны. Подъ показаніемъ псковскихъ помѣщиковъ, числомъ около 90 человѣкъ, по дѣлу о злоупотребленіяхъ кн. Пожарскаго 1631 года, подписалось 59. Конечно, и здѣсь нельзя говорить о безграмотствѣ всѣхъ не подписавшихся. Боярыни и боярышни XVII вѣка зачастую оказываются грамотными; между ними можно назвать извѣстную ревнительницу раскола боярыню Морозову. Князь Курбскій упоминаетъ о многихъ юношахъ (его, конечно, сословія) „тщаливыхъ къ наукѣ, хотящихъ навыкати писанія“.

Купечество рекомендуетъ себя съ самой лучшей стороны. Упомянутая выше грамота объ избраніи Бориса Годунова подписана изъ 28 гостей—21-мъ. Челобитная московскихъ торговыхъ людей о притѣсненіяхъ иноземцевъ 1646 года подписана изъ 168 челобитчиковъ—163-мя. Два путешественника XV вѣка—купецъ Аѳанасій Никитинъ (по востоку и Индіи) и гость Василій (по Святымъ мѣстамъ) оставили описанія видѣннаго ими. Путешественникъ XVII вѣка купецъ Василій Гагара (Святыя мѣста) сдѣлалъ то же. Между купцами XVII вѣка было не мало большихъ книголюбцевъ и своего рода меценатовъ. По желанію одного изъ нихъ переводчикъ Посольскаго приказа Гозвинскій перевелъ въ 1608 году съ польскаго такъ называемый Тропникъ (О презрѣніи къ міру, папы Иннокентія). На счетъ другого, Ивана Короткаго, Грекъ іеродіаконъ Козьма перевелъ въ 1698 году съ греческаго риторику Софронія Лихуда. Писецъ Хронографа 1641 г. (М. Арх. Мин. Ин. д.) подробно разсказываетъ, какъ одинъ купецъ, „книголюбитель сый“, пожелалъ имѣть списокъ хронографа и „на многобогатыхъ своихъ трапезахъ честно почитая съ честными сотрапезники“, заставилъ искуснаго писца, уже больнаго старика, написать ему книгу.

Между посадскими людьми, по нашему—мѣщанами, грамотность также не была рѣдкостью. На грамотѣ объ избраніи Бориса Годунова изъ 16 сотскихъ черныхъ сотенъ подписалось пять; подъ показаніемъ псковскихъ посадскихъ и торговцевъ по дѣлу кн. Пожарскаго изъ 231 человѣка подписалось 38. Мы имѣемъ рядъ книгъ, написанныхъ посадскими людьми въ XVII вѣкѣ или принадлежавшихъ посадскимъ людямъ. Такъ, Сборникъ 1689 г. (Рум. М. № 378) написанъ посад-

скимъ Борисоглѣбской слободы Ярославскаго уѣзда; сборникъ конца XVII вѣка (Имп Публ Библ., Толст. II, № 70) написанъ—соликамскимъ посадскимъ. Одинъ Хронографъ въ 1646 году принадлежалъ посадскому въ Яренскѣ; Сказаніе Авраамія Палицына въ концѣ XVII вѣка было въ рукахъ холмогорскаго посадскаго; и т. п. Стоитъ отмѣтить списокъ діалектики и риторики XVII вѣка (Рум. М. № 2778), которымъ патріархъ Іоакимъ въ 1673 году „благословилъ“ Каргопольца посадскаго человѣка Семена Купріянова и который потомъ принадлежалъ другому Каргопольцу, тоже посадскому.

Даже между крестьянами, казаками, стрѣльцами и солдатами были грамотные Изъ житій святыхъ XV вѣка мы узнаемъ, что крестьяне родомъ, преподобные Антоній Сійскій, Александръ Свирскій, Александръ Ошевенскій, Зосима Соловецкій, Серапіонъ архіепископъ новгородскій еще въ дѣтствѣ были обучены грамотѣ. Учительное Евангеліе 1516 года написано въ Иваньгородѣ пушечникомъ. Неизвѣстный по имени житель „веси ростовскихъ областей“ временъ Ивана Грознаго составилъ такъ называемую Тверскую лѣтопись. На Псалтыри XVI вѣка (М. Общ. Ист. и Др. № 318) сдѣлалъ въ 1663 году приписку донской казакъ. Подписи крестьянъ, казаковъ и проч на документахъ XVII в. не представляютъ большой рѣдкости и грамотные между ними оказываются даже въ Енисейскѣ, Селенгинскѣ, Якутскѣ. Уложеніе царя Алексѣя Михайловича 1649 г. предполагаетъ существованіе грамотныхъ среди холоповъ.

Понятно, простая грамотность не могла сколько-нибудь цѣниться. Къ сочиненіямъ просто грамотныхъ людей, даже важнымъ по содержанію, современники относятся съ нѣкоторымъ презрѣніемъ: они, говорятъ, писаны „просторѣчіемъ, якоже поселяне“, „безъ украшенія“ и т. п. Цѣнилось лишь то, что было написано „благохитростнѣ“. Изъ дѣятелей XVI вѣка въ Максимѣ Грекѣ цѣнили то, что онъ былъ „словеснаго любомудрія зѣло преисполненъ, священныя же философіи до конца навыклъ“; одного его современника, бывшаго митрополита Спиридона хвалили за „мудрость“ въ литературномъ дѣлѣ и полное знакомство съ „писаніями ветхими и новыми“; о другомъ современникѣ, боярынѣ Тучковѣ отзывались, что онъ „издѣтска навыкъ вельми божественнаго писанія“.

Московская Русь XVI—XVII вѣковъ могла похвалиться цѣлымъ рядомъ ученыхъ по тому времени людей, выступившихъ на литературное поприще, и не только духовныхъ, но и мірянъ. Стоитъ упомянуть объ царѣ Иванѣ Грозномъ, его старшемъ сынѣ Иванѣ Ивановичѣ, князѣ Курбскомъ, боярынѣ Тучковѣ, князѣ Токмаковѣ, князѣ Шаховскомъ, князѣ Катыревѣ-Ростовскомъ, муромскомъ губномъ старостѣ Дружинѣ (или Калистратѣ) Осорьинѣ, о воеводѣ Олферьевѣ, о дьякѣ Грамотинѣ, наконецъ о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

Школы.

Свѣдѣнія о школахъ въ сѣверо-восточной Руси XV—XVII вѣковъ болѣе многочисленны, чѣмъ о школахъ болѣе ранняго времени.

Нѣтъ сомнѣнія, что ни правительственныхъ, ни общественныхъ школъ до половины XVII вѣка въ ней не существовало. Но частныхъ школъ, мелкихъ, было такъ много, что лицо, желавшее обучить своихъ дѣтей грамотѣ, не имѣло надобности ихъ разыскивать. Изъ житій святыхъ мы видимъ, что въ XV вѣкѣ св. Серапіонъ, потомъ архіепископъ новгородскій, научился грамотѣ въ своей родной деревнѣ близь

Москвы; для преп. Александра Свирскаго нашлась школа въ родной деревнѣ въ Обонежьѣ; для преп. Александра Ошевенскаго — въ селѣ близь Бѣлаго озера; для преп. Антонія Сійскаго — въ селѣ близь Бѣлаго моря. Слѣдовательно, въ этомъ столѣтіи даже на далекомъ сѣверѣ въ школахъ не было недостатка. Въ XVI и XVII вѣкахъ, особенно послѣ предписаній Стоглаваго собора 1551 года, число школъ должно было увеличиться. Они содержались „учителями“ или „мастерами“, главнымъ образомъ изъ среды духовенства. Стоглавъ предписываетъ открывать училища священникамъ, дьяконамъ и дьячкамъ; житія говорятъ объ учителяхъ по преимуществу дьячкахъ. Учителя монахи были рѣдко, отчасти, можетъ быть, потому, что въ тѣ времена вообще воспрещался дѣтямъ входъ въ монастырь; Стоглавъ, напримѣръ, требуетъ, чтобы „молодые отроки отнюдь никакоже никоторыми дѣлы въ монастырь не входили“. Учителя изъ мірскихъ людей („мужики“, какъ ихъ называетъ архіепископъ новгородскій Геннадій) были тоже, повидимому, не часто, но существовали.

Число учениковъ было, конечно, разнообразно. Житіе новгородскаго архіепископа Іоны (XV вѣкъ) говоритъ о „многихъ соученикахъ“ святаго; изъ житія преп. Іосифа Волоцкаго мы узнаемъ, что онъ „учашеся разумно и всѣхъ сверстникъ превзыде“; въ житіи Антонія Сійскаго разсказывается, что этотъ святой „во училищи паче всѣхъ сверстникъ преуспѣваше въ книжномъ ученіи“. Въ лицевомъ житіи преп. Сергія нач. XVII вѣка (два списка—Троицкой Лавры и Академіи Наукъ) есть изображеніе школы съ учителемъ и 11 учениками. Въ лицевомъ житіи преп. Антонія Сійскаго 1648 года (списокъ Щукина), во 2-мъ изданіи Азбуки Бурцева (напечатанномъ въ Москвѣ въ 1637 году), въ Букварѣ Ѳ. Поликарпова (напечатанномъ въ Москвѣ въ 1701 году) также имѣются изображенія школы, всѣ съ небольшимъ числомъ учениковъ.

Школьнымъ возрастомъ, для XV—XVI вѣковъ наиболѣе обычнымъ, былъ семилѣтній. Въ житіи Іосифа Волоцкаго (XV вѣкъ) мы читаемъ: „егда бысть седми лѣтъ, родители его даша на ученіе грамотѣ“; въ житіи его современника архіепископа новгородскаго Сераіона: „седмаго лѣта достигшу, вданъ бываетъ въ наученіе грамотѣ“, и т. п. Но въ XVII вѣкѣ нерѣдко, повидимому, учились въ школѣ уже „недоросли“, подростки 15—16 лѣтъ. Полный курсъ наукъ проходился обыкновенно въ два года. Способные ученики обучались „спѣшнѣ нѣкако“; другіе напротивъ—„косно и нескоро“; многіе, вѣроятно, послѣ долгихъ усилій наставниковъ, оставляли школу, не усвоивъ грамоты.

Побои въ школѣ были, конечно, въ обычаѣ. Щадить жезлъ при обученіи не полагалось. Но свѣдѣній въ нашихъ источникахъ мало. Очевидно, побои не выходили изъ нормы того времени. Можно указать на наставленіе митрополита Михаила учителямъ въ Степенной книгѣ, имѣющее въ виду, конечно, учителей временъ составленія этой книги (XVI вѣкъ): „учите не яростію, ни жестокостію, ни гнѣвомъ, но радостовиднымъ страхомъ, и любовнымъ обычаемъ, и сладкимъ поученіемъ, и ласковымъ разсужденіемъ, противу (сообразно) коегождо (каждаго) силы и со ослабленіемъ, да не унываетъ“. Но болѣе любопытна челобитная подьячихъ одного изъ московскихъ приказовъ царю Ѳедору Алексѣевичу; въ ней говорится, что правительство отправляетъ подьячихъ изъ Москвы къ разнымъ дѣламъ, а ихъ дѣтишки и недоросли безъ нихъ учатся грамотѣ и письму, и этихъ дѣтишекъ „молодоумныхъ“ и недорослей отъ „мастеровъ“ сманиваютъ въ боярскія помѣстья, а нѣкоторые и сами съ молодоумія своего „бѣгаютъ отъ мастерскаго

ученія“ (*Владим. Губ. Вѣд.* 1857 г., № 6). Очевидно, ученики находили болѣе пріятнымъ поступать къ помѣщикамъ въ крѣпостные люди, чѣмъ обучаться у строгихъ наставниковъ.

Главными предметами обученія въ московской школѣ XV—XVII вѣковъ были чтеніе, письмо и пѣніе.

Первоначальное обученіе производилось по азбукѣ. Азбуки или буквари въ XV—XVI вѣкахъ были рукописныя; онѣ продавались на рынкахъ. Съ первой половины XVII вѣка появляются азбуки печатныя. Какъ великъ былъ спросъ на эти послѣднія, можно видѣть изъ приходо-расходныхъ книгъ московской типографіи; оказывается, въ Москвѣ въ теченіе четырехъ лѣтъ (1647—1651 годы) азбука была напечатана три раза, всего въ количествѣ 9600 экземпляровъ. Но печатная азбука не вытѣснила рукописныхъ; нѣсколько роскошныхъ рукописныхъ азбукъ второй половины XVII вѣка (въ видѣ огромныхъ столбцовъ, съ орнаментомъ) до насъ дошло.

За азбукою слѣдовалъ часословъ или псалтырь; они выучивалися учениками наизусть. Спросъ на эти книги былъ еще больше, чѣмъ на азбуки, и московская типографія напечатала „учебный“ часословъ въ теченіе семи лѣтъ (1645—1652 гг.) восемь разъ, а „учебную“ псалтырь въ теченіе шести лѣтъ (1645—1651 гг.) — девять разъ. Архіепископъ Геннадій находилъ, что для учениковъ достаточно изучить азбуку и псалтырь; послѣ нихъ можно „канархати (пѣть) и чести всякія книги“.

Послѣ азбуки „нѣціи“, какъ говоритъ предисловіе къ печатной грамматикѣ 1721 года, переходили къ апостолу; и эта книга заучивалась учениками. Далѣе слѣдовало евангеліе. Въ концѣ XVI вѣка уже были школы, гдѣ преподавалась „книга философская“, или общая грамматика, будто бы Іоанна Дамаскина (раньше она, вѣроятно, изучалась только взрослыми); съ половины XVII вѣка вошла въ нѣкоторое употребленіе грамматика Мелетія Смотрицкаго, перепечатанная въ Москвѣ въ 1648 году „въ наученіе православнымъ, паче же дѣтемъ сущимъ“; должно замѣтить, что другаго изданія этой грамматики въ теченіе всей второй половины XVII вѣка не понадобилось. Вѣроятно, преподавались и другія сочиненія по грамматикѣ и орѳографіи, встрѣчающіяся въ спискахъ конца XVI и всего XVII вѣка. Во второй половинѣ XVI вѣка незнакомство съ грамматикой уже считалось признакомъ невѣжества; такъ, извѣстный печатникъ Иванъ Ѳедоровъ въ 1574 году называетъ своихъ московскихъ враговъ не неучеными, наискусными въ разумѣ, „ниже грамматическія хитрости навыкше“. Повидимому, въ нѣкоторыхъ школахъ конца XVI вѣка преподавалось что-то изъ ариѳметики, можетъ быть, одна таблица умноженія или, какъ называется она въ рукописяхъ, — „счетъ греческихъ купцовъ, учатъ младыхъ дѣтокъ считати“; а во второй половинѣ XVII вѣка была въ ходу даже полная ариѳметика (четыре дѣйствія); списокъ ея 1684 года (Имп. Публ. Библ.) изготовленъ для жителя Нижняго Новгорода „въ наученіе сыну его“. Наконецъ, съ половины XVII вѣка кое-гдѣ обучали катехизису; въ 1649 году въ Москвѣ была перепечатана кіевская книжка „Собраніе науки объ артикулахъ вѣры“, „ради ученія и вѣдѣнія всѣхъ православныхъ христіанъ, наипаче же дѣтемъ учащимся“; другаго ея изданія не понадобилось.

Такимъ образомъ въ школахъ сѣверо-восточной Руси обучались только грамотѣ и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ еще кое-чему. Желавшій получить высшее образованіе долженъ былъ самостоятельно читать и изучать книги, вникая въ смыслъ непонятныхъ мѣстъ и обращаясь за

объясненіями къ свѣдущимъ людямъ. „Аще ли еси грубъ и несмысленъ, говоритъ одна изъ статей такъ называемаго Азбуковника (XVII вѣка), то помяни великаго свѣтильника Ивана Златоустаго глаголы, иже рече: не лѣнися, шествуя къ премудрѣйшему, не стыдися вопросити его, и онъ научитъ тя, егоже ищеши". Какъ высоко цѣнились и какимъ уваженіемъ пользовались свѣдущіе люди, видно изъ житія преп. Евфросина Псковскаго (XV вѣка), изъ его разсказа о псковичѣ Іовѣ Столпѣ, бывшемъ священникѣ, промѣнявшемъ священническій санъ на „гостебное (купеческое) житіе": „вси людіе, читаемъ мы здѣсь, купно же и священници и причетъ церковный, прихождаху къ нему и вопрошаша отъ него о всякомъ писаніи неразрѣшенѣмъ и о церковномъ устроеніи, купно же и о законныхъ вещехъ; онъ же убо протолкуя, и сказоваше имъ вся по ряду, о чемъ же кто вопрошаше его, и въ сласть его послушаша ученія людіе и церковници, да того ради ото всѣхъ честенъ бысть и знаемъ всѣми".

Юго-западная Русь.

Грамотность.

Сѣверо-восточная Русь XV—XVII вѣковъ находилась подъ властію православныхъ государей и іерарховъ, принимавшихъ къ сердцу интересы просвѣщенія. *Юго-западная, или литовская Русь* входила частію въ составъ Польскаго королевства (Галиція), частію великаго княжества Литовскаго; польскіе короли, вмѣстѣ и литовскіе великіе князья, были исключительно католики, иногда враждебно расположенные къ православію и ко всему, что тѣсно связано съ православіемъ. Митрополиты, епископы, настоятели богатыхъ монастырей въ юго-западной Руси часто назначались королями изъ среды русскихъ пановъ не потому, что были достойны высокаго сана, а потому, что оказали какія-нибудь услуги и желали награды; иногда это были люди очень сомнительной нравственности.

Галиція только въ первое время по присоединеніи къ Польшѣ (во второй половинѣ XIV-го и въ первой XV вѣковъ) могла пользоваться русскимъ языкомъ и письмомъ для грамотъ; потомъ, когда въ Польшѣ состоялось сеймовое постановленіе, чтобы документы писались исключительно на латинскомъ языкѣ, она должна была перейти къ этому послѣднему. Въ литовской Руси русскій языкъ держался твердо и въ XV, и въ XVI вѣкахъ. Статуты (въ ихъ числѣ и послѣдній, напечатанный въ Вильнѣ въ 1588 году) предписывали употреблять въ оффиціальныхъ документахъ только русское письмо («литеры») и языкъ. Но въ концѣ XVI вѣка, послѣ Люблинской уніи, стало уже допускаться въ оффиціальныхъ документахъ употребленіе польскаго письма и языка (впрочемъ вступительныя и заключительныя фразы писались обыкновенно еще по-русски), а въ концѣ XVII вѣка (съ 1697 г.) оно сдѣлалось уже обязательнымъ; иначе говоря, въ это время пользоваться въ оффиціальныхъ документахъ русскимъ письмомъ и языкомъ было воспрещено.

Въ литературѣ латинскій и польскій языки имѣли такое значеніе, что знаніе ихъ было необходимо для образованнаго Южно-русса или Западно-русса. Уже въ XV вѣкѣ мы встрѣчаемъ авторовъ Русскихъ («Ruthenus»), печатающихъ свои труды по-латыни. Въ концѣ XVI и особенно въ XVII вѣкахъ произведенія православныхъ Русскихъ (и духовныхъ, и мірянъ) на польскомъ языкѣ — вполнѣ обычное явленіе. Кажется, ихъ больше, чѣмъ произведеній на русскомъ или церковно-славянскомъ языкѣ. Даже такія книги XVII вѣка, какъ описаніе достопримѣчатель-

ностей Кіево-Печерской лавры («Терапургима», Кальнофойскаго), или Печерскій Патерикъ, были изданы на польскомъ языкѣ. Уніаты и католики Русскіе XVI—XVII вѣковъ писали исключительно на польскомъ языкѣ.

Грамотные по-русски люди не были рѣдкостью.

Дворяне были грамотны едва ли не всѣ, и не только мужчины, но и женщины. Въ XVI вѣкѣ они свободно подписываются на русскихъ документахъ по-русски; съ конца этого вѣка появляются на русскихъ документахъ подписи по-польски; послѣднія распространяются въ XVII вѣкѣ, вмѣстѣ съ ополяченіемъ юго-западно-русскаго края.

О горожанахъ (мѣщанахъ) мало свѣдѣній; можно предполагать, что грамотность и среди нихъ была широко распространена; во всякомъ случаѣ подписи ихъ на документахъ—обычное явленіе. Вѣроятно, горожанъ читателей главнымъ образомъ имѣли въ виду Скорина въ первой половинѣ XVI вѣка и Тяпинскій во второй половинѣ этого столѣтія, издавая книги священнаго писанія въ своихъ переводахъ.

О простыхъ людяхъ (крестьянахъ, казакахъ) также мало свѣдѣній. Стоитъ отмѣтить одинъ фактъ. Кіевскій митрополитъ Сильвестръ въ 1562 году въ поученіи новопоставляемому (въ селс) іерею запрещаетъ допускать „простыхъ“ людей читать и пѣть въ церкви. Очевидно, на это были охотники, иногда плохіе грамотеи, производившіе своимъ неискусствомъ мелкіе скандалы въ церкви.

Школы.

Школъ въ юго-западной Руси, повидимому, было также много, какъ и въ Руси сѣверо-восточной, до половины XVI вѣка исключительно частныхъ. Учителями были по преимуществу дьячки и преподаваніе начиналось азбукою и псалтырью. По мѣрѣ усиленія вліянія Польши и Запада, стали появляться школы болѣе или менѣе общественныя.

Въ 1567 году литовскій гетманъ Григорій Ходкевичъ основалъ школу въ своемъ имѣніи Заблудовѣ (Гродненской губ.). Назначая средства („фундушъ“) на содержаніе заблудовской православной церкви, основатель требовалъ, чтобы при церкви былъ постоянно человѣкъ хорошо знающій грамоту и ревностный къ церкви. Онъ и „мистръ“ (учитель) католической церкви должны „держать на наукѣ“ дѣтей и обучать ихъ одинъ—славянской грамотѣ, другой—польской или латинской. Въ 1572 году знаменитый князь Острожскій далъ одному лицу землю въ Туровѣ съ условіемъ прислуживать въ церкви и держать школу. Въ 1577 году нѣкто Загоровскій, находясь въ татарскомъ плѣну, завѣщалъ въ одну изъ церквей Владимира Волынскаго деньги; изъ нихъ часть на содержаніе дьяка, для обученія дѣтей; у этого дьяка должны были учиться и дѣти завѣщателя.

Всѣ упомянутыя школы, очевидно, были мелкія, низшія; ни объ одной болѣе значительной школѣ до открытія школы въ Острогѣ мы не знаемъ. Когда іезуиты, ради пропаганды католичества, открыли въ западной Руси свои школы и Русскіе стали отдавать имъ на воспитаніе своихъ дѣтей, такой ревнитель православія, какъ князь Курбскій, и тотъ далъ совѣтъ своей знакомой русской княгинѣ послѣдовать общему примѣру. Говорить объ школахъ конца XVI вѣка въ Острогѣ, во Львовѣ, въ Вильнѣ, о знаменитой школѣ XVII вѣка въ Кіевѣ мы не будемъ. Можно упомянуть, что онѣ были организованы по гречс-

скимъ и западнымъ образцамъ и приближались то къ среднимъ, то къ высшимъ западнымъ школамъ того времени. Они, безъ сомнѣнія, увеличили число учителей низшихъ школъ и ихъ научный цензъ.

Изображеніе западно-русской школы находится въ „Грамматикѣ“ (точнѣе: въ Азбукѣ), напечатанной въ Вильнѣ въ 1621 году.

Южные Славяне.

Сказанное о старой Руси, съ незначительными измѣненіями относится къ *южному славянству*, къ Болгарамъ и Сербамъ. Тѣ слова о чтеніи книгъ, переведенныя съ греческаго, которыя обращались въ Россіи, были извѣстны и у южныхъ Славянъ и у нихъ переписывались. Южно-славянскіе авторы, подобно русскимъ, указываютъ на значеніе чтенія книгъ. Болгарскій писатель X вѣка пресвитеръ Козьма, въ словѣ на богомильскую ересь, такъ говоритъ своимъ читателямъ: „видите ли, въ колико зло вводить ны (насъ) непочитаніе и невѣдѣніе книжное? Почитайте часто святыя книги, да погубите грѣхи своя... Откуду же си вся (суевѣріе, пьянство и т. п.) ражаются? Не явѣ ли, яко отъ непочитанья книжнаго и отъ лѣности іерейскія?“

Книги

Число дошедшихъ до насъ южно-славянскихъ рукописныхъ книгъ XI—XVII вѣковъ сравнительно очень не велико. Изъ нихъ большинство книгъ XI—XIV вѣковъ—болгарскія; большинство книгъ XV—XVII вѣковъ—сербскія. Тѣ книги XV—XVII вѣка, которыя имѣютъ въ языкѣ и орѳографіи болгарскія особенности, почти всѣ написаны въ Молдавіи, Валахіи и Трансильваніи, гдѣ Румыны пользовались церковно-славянскимъ языкомъ въ богослуженіи и литературѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что у южныхъ Славянъ были большія собранія рукописей. Есть извѣстіе, что болгарскій царь конца IX и начала X вѣковъ Симеонъ любилъ книги и наполнилъ ими свой дворецъ. Пресвитеръ Козьма (X вѣкъ) укоряетъ одного изъ своихъ современниковъ за то, что онъ собралъ у себя множество книгъ и никому ихъ не давалъ читать. „Вскую (зачѣмъ), говоритъ онъ, затворяеши спасеный путь предъ очима человѣкомъ, крыя (скрывая) словеса божественая отъ братія своея? Того бо ради писана быша, да и ти (тѣ) спасутся ими (благодаря имъ), а не на изѣденіе плѣсни и червемъ на пищу“. Но никакихъ слѣдовъ подобныхъ собраній неизвѣстно. Войны съ Греками, внутренніе раздоры, наконецъ турецкій погромъ уничтожили ихъ, и только славянскіе монастыри Аѳонской горы (Зографъ и Хиландарь) сохранили, и то не вполнѣ, свои древнія библіотеки.

Значительная часть обращавшихся у южныхъ Славянъ книгъ—переводы съ греческаго, сдѣланные славянскими первоучителями, ихъ учениками и послѣдователями въ Болгаріи IX и X вѣковъ. Особенно много было переведено книгъ въ кружкѣ упомянутаго уже царя Симеона, гдѣ находился знаменитый Іоаннъ Экзархъ Болгарскій. Старая Русь, принявъ крещеніе, получила отъ Болгаръ готовою цѣлую литературу на церковно-славянскомъ языкѣ. Меньшая часть южно-славянскихъ книгъ — оригинальные труды и компиляціи авторовъ Болгаръ, часто неизвѣстныхъ намъ по имени.

Въ XIII и XIV вв. у южныхъ Славянъ явился рядъ новыхъ переводовъ и оригинальныхъ произведеній, принадлежащихъ отчасти Болгарамъ, отчасти (меньше) Сербамъ; эти новыя книги, почти всѣ, постепенно также перешли въ Россію и вошли въ составъ русской литературы.

Со второй половины XV вѣка южные Славяне вполнѣ подчинились Туркамъ и должны были довольствоваться старымъ книжнымъ добромъ, почти не имѣя возможности его пополнять.

По содержанію южно-славянскіе книги XI—XVII вѣковъ ничѣмъ не отличаются отъ русскихъ книгъ XI—XV вѣковъ.

Грамоты

И южные Славяне имѣли грамоты (документы); ихъ дошло до насъ также немного, главнымъ образомъ сербскаго и молдавскаго (точнѣе: вообще румынскаго) происхожденія.

Грамотность.

Свѣдѣній о образованности и школахъ у южныхъ Славянъ почти совсѣмъ нѣтъ. Можно думать, что у нихъ было то же, что у ихъ сосѣдей Грековъ, подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ которыхъ они находились. Греческое высшее духовенство и вельможи всѣ были болѣе или менѣе образованы. То же, вѣроятно, было и у южныхъ Славянъ.

Во всякомъ случаѣ, сыновья сербскихъ государей (жупановъ и кралей) имѣли нѣкоторое образованіе; изъ нихъ св. Савва Сербскій и его братъ Стефанъ Первовѣнчанный написали два житія своего отца Стефана Немани, очень недурныя въ литературномъ отношеніи. Деспотъ Стефанъ Лазаревичъ, сынъ краля Лазаря, убитаго на Косовомъ полѣ (XV в.), любилъ книжное дѣло и заказывалъ на Аѳонѣ переписывать для него книги и дѣлать переводы; одна книга его собственноручнаго письма до насъ дошла. Житіе краля Уроша Храпаваго, XIII вѣка, такъ говоритъ объ ученіи кралевскаго сына: „родители отдали его въ ученіе святыхъ книгъ, и онъ вскорѣ научился, такъ сказать, художественно и разумно“.

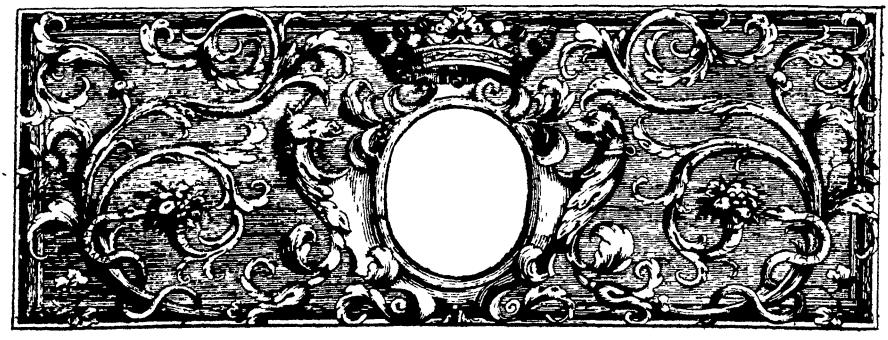
Простые люди въ Греціи были въ пренебреженіи. То же, повидимому, было и у южныхъ Славянъ. Но и между ними были грамотные. Такъ, св. Петръ Коришскій, Сербъ, крестьянскій сынъ (XIV вѣкъ), по словамъ его житія, былъ отданъ родителями „въ наученіе книгъ“.

Школы.

Свѣдѣнія о южно-славянскихъ школахъ, учителяхъ, школьномъ возрастѣ и т. п. такъ скудны, что почти нечего сказать. Вотъ имѣющіяся у насъ данныя. Родители сербскаго архіепископа Евстаѳія I нашли „нѣкоего учителя“ и ему отдали сына „въ наученіе книгъ“; отрокъ „въ мало время“ навыкъ имъ. Другой сербскій архіепископъ Даніилъ II, авторъ ряда житій, былъ отведенъ родственникомъ, тайно отъ родителей, „къ учителю нѣкоему“ и этимъ послѣднимъ принятъ. Могленскій (въ Македоніи) епископъ Иларіонъ (XII вѣкъ), по словамъ составленнаго въ XIV вѣкѣ житія его, былъ отданъ учиться „священнымъ письменамъ“, когда былъ „воспитанъ“, т. е. когда подросъ.

Въ южно-славянскихъ Кормчихъ нерѣдко находится такое правило: „по тремъ причинамъ инокъ можетъ уйти изъ своего монастыря: если игуменъ еретикъ, если женщины бываютъ въ монастырѣ, если въ немъ дѣти мірскія учатся“.

Сербскій писатель XV в. Константинъ Философъ сообщаетъ кое-что объ обученіи азбукѣ и часослову, и то недостаточно ясно.



II.

Орѳографія. Славяне, пользовавшіеся кирилловскою азбукою, въ своей письменности употребляли два языка: 1) церковно-славянскій и 2) свой народный. Первый былъ языкомъ богослуженія и литературы; второй—языкомъ дѣловымъ, языкомъ грамотъ (документовъ) и законодательныхъ памятниковъ. Такимъ образомъ Русскіе, переводя съ греческаго какое-нибудь поученіе или составляя какое-нибудь оригинальное житіе, старались писать по-церковно-славянски; они же, въ княжеской жалованной грамотѣ или въ завѣщаніи частнаго лица, пользовались русскимъ языкомъ. Такъ же поступали Болгары и Сербы; только на мѣсто русскаго языка у Болгаръ являлся болгарскій, у Сербовъ сербскій языкъ. Само собою разумѣется, были случаи появленія литературныхъ произведеній (напримѣръ, поученій) на народномъ языкѣ, а грамотъ (когда онѣ давались церквамъ и монастырямъ) на церковно-славянскомъ языкѣ; впрочемъ такіе случаи немногочисленны.

Церк.-слав. языкъ. Еще недавно ученые спорили о родинѣ церковно-славянскаго языка. Теперь уже всѣ какъ-будто согласны, что этотъ языкъ—не что иное, какъ языкъ древнихъ Славянъ-Болгаръ, занимавшихъ въ IX вѣкѣ бо́льшую часть Балканскаго полуострова, между прочимъ въ предѣлахъ нынѣшней Албаніи и нынѣшней Румыніи. Какъ всѣ языки, употребляющіеся на значительной по пространству территоріи, онъ уже тогда дѣлился на говоры, имѣвшіе другъ отъ друга нѣкоторыя, сравнительно небольшія отличія. Уроженцы Солуня (или Салоникъ), славянскіе первоучители Кириллъ и Меѳодій, сдѣлали переводъ книгъ свящ. писанія и богослужебныхъ на тотъ говоръ церковно-славянскаго языка, которымъ говорили жившіе подъ Солунемъ (отчасти и въ самомъ Солунѣ) Славяне. Ихъ ученики и послѣдователи, жившіе въ другихъ мѣстахъ тогдашней Болгаріи, переводили на другіе говоры церковно-славянскаго языка. Такъ, Іоаннъ Экзархъ Болгарскій и другіе переводчики кружка болгарскаго царя Симеона (конецъ IX-го и начало X-го вѣковъ) писали на говорѣ Славянъ восточной Болгаріи.

Церковно-славянскій языкъ былъ живымъ языкомъ въ Болгаріи IX—X вѣковъ, т. е. не отличался ничѣмъ существеннымъ отъ разговорнаго языка болгарскаго населенія. Послѣдній (какъ всякій языкъ) постепенно измѣнялся; его измѣненія отражались въ написанныхъ въ Болгаріи церковно-славянскихъ текстахъ, но слабо, и вѣроятно, уже въ XII вѣкѣ церковно-славянскій языкъ на столько отсталъ отъ народнаго языка Болгаріи, что сдѣлался какъ бы отличнымъ отъ этого послѣдняго языкомъ; иначе говоря, онъ окаменѣлъ въ своихъ особенностяхъ и превратился въ мертвый языкъ. Въ то время Греки пользовались, какъ литературнымъ языкомъ,—языкомъ древне-греческимъ, уже почти непонятнымъ для народа; народы западной Европы употребляли въ письменности только мертвый и никому, кромѣ ученыхъ, непонятный латинскій языкъ: поэтому образованіе въ Болгаріи, въ качествѣ литературнаго языка,—мертваго церковно-славянскаго языка не представляетъ ничего страннаго.

Воспользуемся данными древнѣйшихъ церковно-славянскихъ памятниковъ и взглянемъ на главныя *особенности церковно-славянскаго языка* и церковно-славянской орѳографіи.

Церк.-славянскіе памятники.

Древнѣйшіе церковно-славянскіе памятники, писанные кириллицею, такъ малочисленны, что мы можемъ назвать ихъ всѣ. Это 1) Листки Ундольскаго, два листа изъ евангелія небольшаго формата; 2) Саввина книга, неполное евангеліе; 3) Листки Хиландарскіе, два листа изъ сборника словъ Кирилла Іерусалимскаго, и 4) Супрасльская рукопись, неполный сборникъ житій святыхъ и поученій за мартъ. Къ нимъ надо присоединить найденную недавно въ Македоніи надпись болгарскаго царя Самуила 993 года.

Наиболѣе важная особенность церковно-славянскаго языка—носовые гласные ѫ и ѧ, являющіеся въ рядѣ корней (въ словахъ, напримѣръ, мѫка, рѫка, сѣдѣ; распѧти, начѧти, тѧжькъ) и во многихъ окончаніяхъ. Между прочимъ ѫ мы находимъ въ окончаніяхъ: винит. над. ед. ч. словъ женскаго рода. водѫ (отъ сущ. *вода*), добрѫ (отъ прилаг. *добръ*); 1-го лица ед. ч. наст. врем.: несѫ, берѫ; 3-го лица мн. ч. наст. врем.: несѫтъ, берѫтъ; 3-го лица мн. ч. имперфекта: несѣахѫ, знаахѫ (отъ *знати*); почти всѣхъ падежей причастій наст. вр.: несѫщи (им. ед. женск. рода), несѫща (род. ед. муж. р.). Что до ѧ, то его мы видимъ въ окончаніяхъ: род. п. ед. ч., им. и вин. пад. мн. ч. женск. рода: душѧ, землѧ; вин. п. мн. ч. муж. р.: врачѧ, конѧ; им. и вин. п. ед. ч. средн. р.: имѧ, сѣмѧ; вин. п. ед. ч. мѣстоименій: мѧ, тѧ, сѧ; 3-го лица мн. ч. настоящ. вр.: любѧтъ; 3-го лица мн. ч. аориста: несошѧ, знашѧ; им. п. ед. ч. муж. и ср. родовъ однихъ и всѣхъ падежей другихъ причастій наст. вр.: плачѧ, глаголѧ; служѧ, служѧщи (им. п. ед. женск. р.), служѧща (род. п. ед. муж. р.) и т. д.

Рядомъ съ ѫ, находящимся во всѣхъ церковно-славянскихъ памятникахъ, Саввина книга, Листки Хиландарскіе и Супрасльская рукопись имѣютъ еще ѭ (іотированный юсъ большой), всего чаще въ окончаніяхъ: вин. над. ед. ч. женск. р.: землѭ, моѭ (отъ мѣстоим. *мой*), тв. п. ед. ч. женск. р.: водоѭ, землеѭ; 1-го лица ед. ч. наст. вр.: знаѭ; 3-го лица мн. ч. наст. вр.: знаѭтъ; почти всѣхъ падежей причастій наст. вр.: знаѭщи (им. п. ед. ч. женск. р.). Впрочемъ въ этихъ памятникахъ послѣ *л*, *н*, *р* встрѣчается не только ѭ, но и ѫ: люблѫ, исплънѫ (=исполню), разорѫ (=разорю) и т. п. Листки Ундольскаго и надпись царя Самуила этой буквы не употребляютъ; на ея мѣстѣ въ нихъ ѫ.

Рядомъ съ ѧ (который въ Саввиной книгѣ, Листкахъ Хиландарскихъ и Супрасльской рукописи не рѣдко пишется въ видѣ

Академія наукъ СССР
Институтъ научной информаціи
Фундаментальная библіотека
По общественнымъ наукамъ

пересѣченнаго треугольника; см. въ 1-мъ курсѣ таблицу I, фиг. 6), Супрасльская рукопись имѣетъ еще ѩ (іотированный юсъ малый), отчасти въ корняхъ: ѩти, чаще въ окончаніяхъ: род. п. ед. ч.: добрыѩ отъ прилагат *добръ*), моеѩ (отъ мѣстоим. *мой*); вин. п. мн. ч. муж. и женск. р: добрыѩ. моѩ; 3-го лица мн. ч. наст. вр.: стоѩтъ; им. п. ед. ч муж. и ср. р. однихъ и всѣхъ падежей другихъ причастій наст. вр.: знаѩ, стоѩ. стоѩщи (им. п. ед ч. ж. р.), стоѩща (род. п. ед. ч. муж. р.).

Употребленіе юсовъ въ церковно-славянскомъ языкѣ можетъ быть названо правильнымъ: ѫ является только тамъ, гдѣ въ русскомъ языкѣ слышится *у* или *ю*; ѧ—тамъ, гдѣ въ русскомъ языкѣ *а* или *я*; иначе говоря, ни ѫ-съ нигдѣ не замѣняетъ собою ѧ-са, ни на оборотъ. Сверхъ того, оно вполнѣ послѣдовательно: гдѣ въ корнѣ, въ окончаніи) ѫ, тамъ нѣтъ ни *у*, *ю*, ни другой какой гласной; гдѣ ѧ, тамъ нѣтъ ни *а*, ѧ, ни *е*, ни другой какой гласной; иначе говоря, форма 1-го лица ед. ч. всегда оканчивается на ѫ, ѭ; она не можетъ оканчиваться на *у*. *ю*; форма род п. ед. ч. женск. р. всегда оканчивается на ѧ, ѩ; она не можетъ оканчиваться на *а*, ѧ, *е*

Другая очень важная особенность церковно-славянскаго языка—ъ. Всѣ церковно-славянскіе памятники употребляютъ букву ъ болѣе или менѣе иначе, чѣмъ употребляемъ ее мы, Русскіе Листки Ундольскаго не знаютъ буквы ѧ и на ея мѣстѣ имѣютъ ъ: ѣко (=яко), дьѣволъ (=дьяволъ), волѣ (=воля); рядомъ: сѣсти, рѣчь и т п Другіе памятники знаютъ обѣ буквы: и ѣ, и ѧ; въ нихъ (на мѣстѣ нашего *я*) мы обыкновенно видимъ въ началѣ словъ и въ серединѣ словъ послѣ гласныхъ—ѧ: ѧко, моѧ; но рядомъ, послѣ *л*, *н*, *р*—ъ: волъ, земль (им п.), учитель (род.), кланѣтисѧ, морь (род:), покарѣтисѧ; сверхъ того, ъ стоитъ послѣ *б*, *в*, *п*, *м*, если опущено *л*: оставѣти (=оставляти), земъ (=земля) и т. п.; въ формѣ вьсь (им. п. ед. ч. женск. р. и им.-вин. п. мн. ч средн. р. отъ *вьсь*) и въ мѣстоименіи вьсѣкъ (русск. всякъ). Всѣ церковно-славянскіе памятники никогда не ставятъ ъ на мѣстѣ *е* или на оборотъ.

Затѣмъ слѣдуетъ отмѣтить употребленіе ѕ и ꙋ. Эти буквы очень часто являются тамъ, гдѣ мы, Русскіе теперь или не слышимъ никакого звука, или слышимъ звуки *о*, *е*: мѕногъ, кѕто, чѣто, вѣсе; сѕнъ (=сонъ, род. п. сѕна), пѣсѕкъ, лѣжь (=ложь), дѣнь, вѣсь (=весь), конѣцъ. Церковно-славянскіе памятники употребляютъ *рѕ*, *рѣ*, *лѕ*, *лѣ* тамъ, гдѣ мы слышимъ *ор*, *ер*, *ол*: трѕгъ, трѣгъ (=торгъ), врѕхъ. врѣхъ (=верхъ), млѣва (=молва). Кириллъ и Меѳодій отличали другъ отъ друга ѕ и ꙋ (вѣроятно, они ставили ихъ такъ, какъ ставило большинство русскихъ писцовъ XI и XII вѣковъ); но въ дошедшихъ до насъ памятникахъ ѕ иногда ставится тамъ, гдѣ мы ожидали бы ꙋ, а ꙋ—тамъ, гдѣ мы ожидали бы ѕ: чѕто (рядомъ: чѣто), шѕдъ (=шедъ; рядомъ: шѣдъ), козѕлъ (=козелъ; рядомъ: козѣлъ), вѕзѧти (рядомъ: вѣзѧти), сѣ нимь (рядомъ: сѣ нимъ). Листки Ундольскаго имѣютъ лишь ѕ (ꙋ нѣтъ совсѣмъ).

Затѣмъ слѣдуетъ обратить вниманіе на употребленіе *а* вмѣсто ѧ въ началѣ словъ и въ серединѣ словъ послѣ гласныхъ: *а*года (рядомъ: ѧгода), моа (им. п. женск. р.; рядомъ: моѧ), добра*а* (рядомъ: добраѧ) и т. под.

Не излишне отмѣтить въ церковно-славянскомъ языкѣ еще: 1) отсутствіе (иногда, безъ послѣдовательности) *л* послѣ *б*, *в*, *п*, *м* въ такихъ словахъ, какъ ослабенъ (рядомъ: ослабленъ), ѧвеніе (рядомъ: ѧвленіе), гдѣ въ русскомъ языкѣ *л* всегда находится на лицо; 2) употребленіе слоговъ *ра*, *ла*, *рѣ*, *лѣ* въ такихъ словахъ, какъ градъ,

глава, брѣгъ, плѣнъ, шлѣмъ, тамъ, гдѣ въ русскомъ языкѣ слышатся слоги *оро*, *оло*, *ере*, *оло*, *ело*: городъ, голова, берегъ, полонъ, шеломъ (находящіяся въ русскомъ литературномъ языкѣ *глава*, *плѣнъ*, *шлемъ* и др. — заимствованы русскимъ языкомъ изъ церковно-славянскаго): 3) употребленіе *жд* (изъ *д*) и *щ* (изъ *т*) въ такихъ словахъ, какъ вижджь (корень вид-), госпожда (корень господ-), хощжь (корень хот-), свѣща (корень свѣт-), гдѣ въ русскомъ языкѣ слышатся *ж* и *ч*: вижу, госпожа, хочу, свѣча.

Наконецъ можно упомянуть, что въ церковно-славянскомъ языкѣ послѣ *г*, *к* *х*, во всѣхъ чисто-славянскихъ словахъ (точнѣе: не въ заимствованныхъ изъ греческаго языка), является *ы*: кыснѫти, враги, духы (= соврем. русск. киснуть, враги, духи), а послѣ *ж*, *ч* *ш*, *щ*, *ц*—*и* (а не *ы*) и *ю* (рѣже *у*): жити, врачи, отьци; мжжю (дат.), врачю, отьцю и т. под.

Болгарскій изводъ

Хотя церковно-славянскій языкъ сдѣлался мертвымъ языкомъ, все таки, употребляясь въ *Болгаріи*, онъ постепенно принялъ въ себя главныя особенности живаго болгарскаго языка XII и слѣдующихъ столѣтій. Эти особенности проникли въ него случайно, у однихъ писцовъ, менѣе грамотныхъ и менѣе внимательныхъ, въ большемъ количествѣ, у другихъ, болѣе грамотныхъ и внимательныхъ, въ меньшемъ количествѣ. Тѣмъ не менѣе онѣ дали ему своеобразную окраску и превратили его изъ собственно-церковно-славянскаго языка въ *церковно-славянскій языкъ болгарскаго извода*, или въ средне-болгарскій языкъ, извѣстный намъ 1) изъ ряда болгарскихъ памятниковъ XII—XIV вѣковъ и 2) изъ ряда молдавскихъ (точнѣе: румынскихъ) памятниковъ XV—XVII вѣковъ.

Въ началѣ XV вѣка церковно-славянскій языкъ болгарскаго извода былъ уже такъ далекъ отъ живаго болгарскаго языка того времени, что сербскій писатель и ученый Константинъ Философъ (или Костенчскій), Болгаринъ по происхожденію, считаетъ церковно-славянскій языкъ русскимъ. Славянскіе первоучители говоритъ онъ, „эти добрые и дивные мужи“, переводя свящ. писаніе, избрали „тончайшій и краснѣйшій русскій языкъ“, прибавивъ къ нему „въ помощь“ языки болгарскій, сербскій, боснійскій и „чешскаго часть“.

Самая важная особенность церковно-славянскаго языка болгарскаго извода—ѫ и ѧ. Они употребляются въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ и въ собственно-церковно-славянскомъ языкѣ, — но до извѣстной степени смѣшиваются. Именно 1) ѫ-съ можетъ находиться на мѣстѣ ѧ-са въ началѣ словъ, въ серединѣ словъ послѣ гласныхъ, послѣ *ж*, *ч*, *ш*, *щ*, *ц*: ѫзыкъ (при ѧзыкъ), моеѫ (род. п. ед. ч. женск. р.; при моеѧ), служѫ (причастіе наст. врем.; при служѧ); начѫти (при начѧти), несошѫ (3 л. мн. ч. аориста; при несошѧ), щѫдѣти (= русск. щадить; при щѧдѣти), овьцѫ (род. п. ед ч.; при овьцѧ), и т. п.; 2) ѧ-съ можетъ находиться на мѣстѣ ѫ и ѣ въ началѣ словъ и въ серединѣ словъ послѣ гласныхъ, послѣ мягкихъ *л*, *н*, *р* (также послѣ *б*, *в*, *п*, *м*, если послѣ нихъ опущено *л*): ѧгль (при ѫгль), моеѧ (твор. п. ед. ч. женск. р.; при моеѫ), землеѧ (тв. п. ед. ч.; при землеѫ), люблѧ и любѧ, исплънѧ, разорѧ (1 л. ед. ч. наст. вр.; при люблѫ, исплънѫ, разорѫ) и т. п. Писцы нѣкоторыхъ памятниковъ (напримѣръ, Охридскаго Апостола XII—XIII в.) не ограничиваются смѣшеніемъ юсовъ въ указанныхъ случаяхъ и пишутъ ихъ одинъ вмѣсто другаго какъ-будто безъ всякой системы.

Должно замѣтить, что лишь въ очень немногихъ старшихъ (XII—XIII вѣковъ) средне-болгарскихъ памятникахъ употребляются ѩ, ѭ и тотъ ѧ, который пишется въ видѣ пересѣченнаго треугольника; огромное большинство памятниковъ обходится двумя буквами—ѫ и ѧ.

Употребленіе ъ въ церковно-славянскомъ языкѣ болгарскаго извода въ общемъ то же, что и въ собственно-церковно-славянскомъ языкѣ.

Нѣсколько средне-болгарскихъ памятниковъ XII—XIII вѣковъ или почти совсѣмъ не имѣютъ буквы ѣ, или употребляютъ ее смѣшанно съ буквою ъ. Такъ, Слѣпченскій Апостолъ не знаетъ буквы ѣ и имѣетъ ъко, моⷬ, волⷬ и т. п. (рядомъ съ сѣсти, рѣчь и т. п.); Паремейникъ Григоровича того же времени: ъкъ (бытиⷬ (род. п. ед. ч.) и т. п. и вѣнецъ (=вѣнецъ), себѣ (=себѣ, дат. п), дѣлати (=дѣлати) и т. п. Повидимому, эти памятники написаны или въ Солунѣ, или въ той области древней Болгаріи, которая была подъ вліяніемъ Солуня.

Остальные средне-болгарскіе памятники, до XVII вѣка включительно, употребляютъ ъ и ѣ такъ же, какъ большая часть памятниковъ собственно-церковно-славянскихъ, какъ Саввина книга и др.

Употребленіе ъ и ь въ средне-болгарскихъ памятникахъ XII—XIV в. не отличается послѣдовательностію. Большая часть писцовъ пользуется и тою и другою буквою; нѣкоторые (писцы Слѣпченскаго Апостола XII—XIII в., Хронографа Манассіи 1345 года и др.) имѣютъ лишь ъ; другіе имѣютъ лишь ь. Около половины XIV вѣка (напримѣръ, въ Сборникѣ 1348 года) замѣчается употребленіе ъ часто въ серединѣ словъ и въ предлогахъ, а ь часто въ концѣ словъ

Остальныя особенности собственно-церковно-славянскаго языка остаются въ средне-болгарскихъ текстахъ безъ существенныхъ измѣненій.

Реформа Евѳимія.

Во второй половинѣ XIV вѣка патріархъ болгарскій *Евѳимій* (жившій въ столицѣ тогдашняго болгарскаго государства Тръновѣ), заботясь объ исправности книгъ свящ. писанія и богослужебныхъ, упорядочилъ средне-болгарскую орѳографію и сдѣлалъ ее однообразною. Этотъ „великій художникъ славянскихъ письменъ", какъ называетъ его современникъ, оставилъ въ началѣ словъ одинъ ѫ; тамъ, гдѣ нужно было писать рядомъ два юса, онъ сталъ писать на первомъ мѣстѣ ѫ, на второмъ—ѧ; ъ-ру было имъ назначено мѣсто въ серединѣ словъ, въ предлогахъ, въ частицахъ, а ь-рю—въ концѣ словъ. Примѣры: ѫзыкъ (=ц.-сл. ѩзыкъ), добрѫѧ (вин п. ед. ч. женск. р.; =ц.-сл. добрѫѫ); влькъ (=ц.-сл. влъкъ, русск. волкъ), въ врьхѣ (русск. въ верхъ). Слова безъ ѧ, въ родѣ ослабенъ, Евѳимій изъялъ изъ употребленія и оставилъ только слова съ ѫ: ослабленъ и т. п. Прочія особонности средне-болгарскихъ текстовъ были сохранены Евѳиміемъ безъ существенныхъ измѣненій.

„Добрые терновскіе изводы" (тексты), т. е. съ исправленіями Евѳимія, славившіеся у южныхъ Славянъ въ концѣ XIV и началѣ XV вѣковъ, не сохранились до нашего времени. Средне-болгарскія книги съ Евѳиміевской орѳографіей, которыя до насъ дошли, относятся къ XV—XVII вѣкамъ и почти всѣ написаны или въ монастыряхъ Аѳона, или въ Молдавіи и вообще румынскихъ земляхъ, куда при турецкомъ погромѣ въ концѣ XIV вѣка бѣжало много Болгаръ; впрочемъ въ нихъ эта орѳографія рѣдко бываетъ выдержана достаточно строго. Печатныя книги (евангелія, псалтыри и т п.), имѣющія тексты на церковно-славянскомъ языкѣ болгарскаго извода (съ двумя юсами), издан-

ныя въ румынскихъ земляхъ въ XV—XVII вѣкахъ,—въ большинствѣ случаевъ слѣдуютъ также *Евѳиміевской орѳографіи.*

Церковно-славянскій языкъ для Сербовъ былъ искони чужимъ языкомъ. Но всѣ славянскія нарѣчія въ IX—XI вѣкахъ были еще близки другъ другу, и Сербъ могъ свободно понимать Болгарина, Русскій—Чеха и т. д. Еще легче было понимать Сербу и Русскому болгарскую книгу, Болгарину сербскую или русскую, и т. д. Каждый Славянинъ могъ читать буквы согласно требованіямъ своего языка, согласно своему произношенію; напримѣръ, Русскій, читая болгарскую книгу, могъ произносить букву ѫ не какъ носовой гласный, а какъ чистое *у* и т. д. Еще легче было понимать Сербу или Русскому болгарскую книгу, переписанную нѣсколько разъ сербскими или русскими писцами, такъ какъ послѣдніе при перепискѣ болѣе или менѣе измѣнили церковно-славянскій языкъ этой книги и приблизили каждый къ своему родному языку. Сербскій изводъ

Значительное большинство памятниковъ, написанныхъ *православными Сербами* въ старшую эпоху ихъ письменности, въ XII—XIV вѣкахъ, хотя восходятъ къ церковно-славянскимъ оригиналамъ, тѣмъ не менѣе отличаются отъ этихъ послѣднихъ. Въ нихъ мы имѣемъ *церковно-славянскій языкъ сербскаго извода*, церковно-славянскій языкъ, измѣненный Сербами согласно особенностямъ ихъ языка. Таковы, между прочимъ, два памятника конца XII или начала XIII вѣка: великолѣпное Мирославово Евангеліе и скромное Волканово Евангеліе.

Сербскій языкъ въ то время уже не зналъ носовыхъ гласныхъ, и на мѣстѣ ѫ-са въ немъ слышалось *у*, *ю*, а на мѣстѣ ѧ-са—*е*, ѥ, и сначала сербскіе писцы смѣшивали 1) ѫ и *у*, *ю*, 2) ѧ и *е*, ѥ, т. е. писали: водѫ (вин. п. ед ч.), несу (1 л. ед. ч наст вр.), знаю—и рабѫ, (дат. п. ед., = ц.-сл. рабу); душе (род п. ед ч.), несоше (3 л. мн. ч аориста), плаче, служе, стоѥ (причастія) и ѧму (= ц.-сл. ѥму, дат п.), нѧсу (= ц.-сл. несѫ, 1 л. ед. ч.). Потомъ сербскіе писцы, за немногими исключеніями (о которыхъ будетъ сказано ниже) совсѣмъ перестали употреблять юсы.

Что до ъ и ь, то всѣ сербскіе писцы до XIV в. включительно, за немногими исключеніями, пользуются лишь второю изъ этихъ буквъ, т. е. пишутъ: сьнъ (= сонъ), пѣсъкъ (= пѣсокъ), трьгъ (= торгъ), млъва (= молва) и т. п., иногда, въ формахъ род. п множ. ч., удвояя ее: сьньъ (= сновъ), трьгьъ (= торговъ), женьъ (= женъ).

Употребленіе ѣ вмѣсто ѧ и на оборотъ искони чуждо сербскому языку. Нѣкоторые сербскіе писцы, списывавшіе съ церковно-славянскихъ оригиналовъ смѣшивавшихъ ѣ и ѧ (солунскихъ или вообще македонскихъ), внесли въ свои списки многія изъ ихъ особенностей; такъ, въ Мирославовомъ Ев. находится и ѣко, вьсиѣ (= всія, 3 л. ед. ч. аориста), и о свѣтѧ (= о свѣтѣ), бѧ (= бѣ) и т. п. Но большинство сербскихъ писцовъ ставитъ ѣ вообще тамъ, гдѣ мы, и при этомъ то чаще, то рѣже смѣшиваетъ его съ *е*: сести, речь и сѣло, рѣку (= село, реку, 1 л ед. ч.) и т. п.

Изъ другихъ особенностей церковно-славянскаго языка сербскаго извода не излишне отмѣтить 1) смѣшеніе *и* и ы, т. е. употребленіе одной буквы вмѣсто другой: ти (= ты), пытаты (= питати) и т. п., и 2) употребленіе *у* вмѣсто *в* передъ согласными и на оборотъ: *у* градѣ = въ градѣ, *в*умрѣти = умрѣти и т. п.

Церковно-славянскія *а* вмѣсто ꙗ въ *а*года, мо*а* и т. п. и *ра*, *ла*, *рѣ*, *лѣ* въ гр*а*дъ, гл*а*ва, бр*ѣ*гъ, пл*ѣ*нъ, остаются у сербскихъ писцовъ безъ существенныхъ измѣненій.

Рядомъ съ церковно-славянскими *жд* и *щ*, изрѣдка встрѣчаются у нихъ *к* и *г* (съ слѣдующими ꙗ, *ю*, ѥ): ви*г*ю, госпо*г*ꙗ (= ц.-сл. ви*жд*ѫ, госпо*жд*а), хо*к*ю, свѣ*к*ꙗ (= ц.-сл. хо*щ*ѫ, свѣ*щ*а). Церковно-славянскія слова безъ *л* (ослабенъ и т. п.) ими не употребляются; они пишутъ только: ослаб*л*енъ и т. п.

Ресавскіе тексты.

Сербскіе памятники позднѣйшей эпохи, XV—XVII вѣковъ, по своимъ особенностямъ могутъ или 1) быть вполнѣ сходными съ памятниками древнѣйшей эпохи, или 2) отличаться отъ послѣднихъ одною важною чертою—употребленіемъ ъ-ра. Орѳографія памятниковъ съ ъ-ромъ—не что иное, какъ передѣлка Евѳиміевской орѳографіи, произведенная въ первой четверти XV вѣка почитателемъ Евѳимія, Константиномъ Философомъ (или Костенчскимъ); по Константину, ъ долженъ былъ ставиться въ серединѣ словъ и въ предлогахъ, а ь только въ концѣ словъ. Такъ какъ тексты съ орѳографіей Константина въ XV вѣкѣ писались по преимуществу въ сербскомъ монастырѣ Манассія на рѣкѣ Ресавѣ, то за ними утвердилось названіе *ресавскихъ*; они славились въ Сербіи какъ наиболѣе исправные, и свѣдущіе люди въ этой странѣ усердно разыскивали ихъ даже въ XVII вѣкѣ. Сербскія печатныя книги XV—XVI вѣковъ напечатаны преимущественно по ресавскимъ оригиналамъ.

Смѣшанные изводы.

Сербы часто (особенно въ XIII—XV вѣкахъ) списывали съ средне-болгарскихъ оригиналовъ, и Болгары иногда (особенно въ XIV вѣкѣ) пользовались сербскими оригиналами. Знатоки дѣла болѣе или менѣе искусно передѣлывали средне-болгарскій изводъ въ сербскій изводъ; обыкновенные же писцы, плохо понимая текстъ или не вникая въ его смыслъ, часто вводили въ сербскія книги средне-болгарскія особенности, а въ средне-болгарскія—сербскія.

Такимъ образомъ получились смѣшанные языки—1) *церковно-славянскій языкъ болгаро-сербскаго извода* и 2) *церковно-славянскій языкъ сербо-болгарскаго извода.*

Главныя особенности перваго—употребленіе 1) *у*, *ю* на мѣстѣ церковно-славянскаго ѧ, средне-болгарскаго ѫ: *у*зикь (= ц.-сл. ѧзыкъ, ср.-болг. ѫзыкъ), сто*ю* (= ц.-сл. стоѩ, стоѧ, ср.-болг. стоѫ, русск. стоя, причастіе наст. вр.) и т. п.; 2) *е*, ѥ на мѣстѣ ц.-сл. ѫ, ѭ, ср.-болг. ѧ: зна*е*, знаѥ (= ц.-сл. знаѭ, ср.-болг. знаѧ, русск. знаю, 1 л. ед. ч.) и т. п.; 3) *ѣ* послѣ *л*, *н*, *р*, какъ въ собственно-церковно-славянскихъ и въ средне-болгарскихъ памятникахъ: вол*ѣ* (им. п. ед. ч.) и т. п.

Главная особенность втораго—употребленіе 1) *у*, *ю*, на мѣстѣ церковно-славянскихъ ѫ, ѭ, средне-болгарскихъ ѫ, ѧ: с*у*дь (= ц.-сл. и ср.-болг. сѫдъ, русск. судъ), зна*ю* (= ц.-сл. знаѭ, ср.-болг. знаѧ), и 2) *е* на мѣстѣ ц.-сл. ѧ, ср.-болг. ѧ, ѫ: им*е* (ц.-сл. и ср.-болг. имѧ, русск. имя), сто*е*тъ (= ц.-сл стоѩтъ, ср.-болг. стоѫтъ, русск. стоятъ, 3 л. мн. ч.).

Боснійскій изводъ.

Сербы, придерживавшіеся богомильской ереси, жившіе въ *Босніи*, выработали въ своихъ книгахъ нѣсколько иной видъ церковно-славянскаго языка сербскаго извода. Изъ ихъ кирилловской письменности

дошло до насъ всего нѣсколько книгъ, всѣ XIV вѣка или начала XV вѣка. Особенности орѳографіи этихъ книгъ слѣдующія. Юсы не употребляются; ѫ не употребляется; ъ употребляется на мѣстѣ нашихъ русскихъ *ъ*, *я*, *и*, *ы* (иногда *е*); на оборотъ *и*, *ы* (иногда *е*) употребляются вмѣсто *ъ*; *и* и *ы* смѣшиваются другъ съ другомъ; *а* нерѣдко на мѣстѣ *ь* и на оборотъ: *сѧнь* (=ц.-сл. *сѧнъ*, русск. *сонъ*), *вась* (=ц.-сл *вьсь*, русск. *весь*), *врѣгъ* (=ц.-сл. *врагъ*); *у* нерѣдко на мѣстѣ *в* передъ согласными, *к* нерѣдко на мѣстѣ церковно-славянскаго *ѥ*; *ъ*, *ю*, *ѥ*, *е* нерѣдко на мѣстѣ церковно-славянскихъ *жда*, *ждѫ*, *жду*, *ждѧ*, *жде* (госпоѫ=ц.-сл. госпо*жда*, им п.; госпою=ц.-сл. госпо*ждѫ*, вин. п. и т. д.).

Изъ мелкихъ чертъ свойственныхъ церковно-славянскому языку южно-славянскихъ книгъ не излишне еще отмѣтить употребленіе: 1) одного *и* нерѣдко тамъ, гдѣ слѣдовало бы быть двумъ *и*: о величи (вм о величии) и т п, и 2) *ю* изрѣдка вмѣсто *у*: ем*ю*, д*ю*ша (вм. ем*у*, д*у*ша) и т. п, рядомъ съ *у* изрѣдка вмѣсто *ю* послѣ *л*, *н*, *р*: ср.-болг. *люблѫ* (вм. *люблѫ*), сербск. *лублу* и т. п.

Южн.-слав. грамоты.

Языкъ южно-славянскихъ грамотъ (документовъ) — обыкновенно не церковно-славянскій того или другаго извода, а болгарскій или сербскій. Главныя особенности этого языка — тѣ же, что и церковно-славянскаго языка болгарскаго и сербскаго изводовъ, только болѣе яркія; кромѣ того, въ немъ много болѣе или менѣе мелкихъ своеобразныхъ чертъ (особенно въ формахъ), рѣдкихъ въ языкѣ книгъ.

Грамоты румынскихъ воеводъ и бояръ XV—XVII вѣковъ—обыкновенно на болгарскомъ языкѣ; тѣ изъ нихъ, которыя написаны въ Валахіи, не чужды себскихъ чертъ; тѣ же, которыя написаны въ Молдавіи, иногда изобилуютъ разнообразными руссизмами (нѣсколько ихъ по языку — вполнѣ русскія). Вообще въ языкѣ румынскихъ грамотъ нерѣдки *ъ* вмѣсто *ѫ* и на оборотъ, *е* и *ъ* вмѣсто *ѧ* и на оборотъ, и неправильныя формы склоненія (что изрѣдка встрѣчается и въ языкѣ румынскихъ книгъ).

Грамоты на сербскомъ языкѣ принадлежатъ не только сербскимъ государямъ и ихъ родственникамъ, но также банамъ и кралямъ босній-скимъ, правительству сербской республики Дубровника (или Рагузы, въ Далмаціи), князьямъ албанскимъ, султанамъ турецкимъ; послѣдніе въ XV—XVI вѣкахъ писали по-сербски не только къ правительству Дубровника, но и къ московскимъ государямъ.

„Законникъ“ сербскаго царя Стефана Душана (XIV вѣкъ) написанъ на сербскомъ языкѣ.

Русскій изводъ въ XI—XIV вв

Русскіе познакомились съ церковно-славянскимъ языкомъ, повидимому, еще въ первой половинѣ X вѣка. Договоръ Игоря съ Греками 945 года упоминаетъ о „соборной“ церкви св. Иліи въ Кіевѣ; жена Игоря, Ольга, какъ извѣстно, была христіанка. Папская булла объ учрежденіи епископіи въ Прагѣ (въ Чехіи), написанная между 965 и 972 годами, требуетъ отъ чешской церкви, чтобы она не слѣдовала за Болгаріей и Русью и не держалась въ богослуженіи славян-

скаго языка („non secundum ritus aut sectam Bulgariae vel Ruziae, aut sclavonicae linguae“); слѣдовательно, Ольга и современные ей русскіе христіане имѣли книги и богослуженіе на церковно-славянскомъ языкѣ. Послѣ принятія крещенія всею Русью церковно-славянскіе тексты появились среди русскихъ христіанъ въ большомъ числѣ; притокъ ихъ въ Россію былъ, повидимому, особенно силенъ въ XI и началѣ XII вѣковъ, ослабѣлъ въ концѣ XII и началѣ XIII вѣковъ и почти совсѣмъ прекратился въ первое столѣтіе татарскаго ига. Мы не знаемъ, какъ они шли: всегда прямо изъ Болгаріи, или иногда при посредствѣ Константинополя; всегда пріобрѣтались они покупкою, или иногда доставлялись византійскими государями, съ половины X вѣка владѣвшими Болгаріею. Стоитъ отмѣтить тотъ фактъ, что великолѣпное Остромирово Евангеліе 1057 года, повидимому, списано непосредственно съ не менѣе великолѣпнаго церковно-славянскаго оригинала, вѣроятно, подареннаго въ какую-нибудь болгарскую церковь однимъ изъ болгарскихъ царей или бояръ; а роскошный Святославовъ Сборникъ 1073 года можетъ быть копіей съ роскошнаго церковно-славянскаго оригинала, изготовленнаго для болгарскаго царя Симеона.

Дошедшіе до насъ церковно-славянскіе памятники, написанные Русскими въ XI и началѣ XII вѣковъ, дѣлятся на двѣ группы: въ одной мы видимъ церковно-славянскій языкъ не безъ руссизмовъ, но сохраняющій значительную часть церковно-славянскихъ особенностей; сюда относятся, между прочимъ, Остромирово Евангеліе и Святославовъ Сборникъ; нѣкоторые изъ памятниковъ этой группы имѣютъ такъ мало русскаго, что даже знатоки смѣшиваютъ ихъ съ собственно-церковно-славянскими; въ другой — передъ нами уже обрусѣвшій церковно-славянскій языкъ, съ довольно яркою русскою окраскою: сюда относятся Архангельское Евангеліе 1092 года и Минеи 1096 и 1097 годовъ. Изъ дошедшихъ до насъ церковно-славянскихъ текстовъ русскаго происхожденія послѣдующаго времени, *до конца XIV вѣка*, лишь очень немногіе сохраняютъ яркія церковно-славянскія особенности; огромное большинство имѣетъ сравнительно однообразный *церковно-славянскій языкъ русскаго извода*, церковно-славянскій языкъ, измѣненный Русскими согласно особенностямъ ихъ языка.

Русскій языкъ въ X—XIV вѣкахъ уже не зналъ носовыхъ гласныхъ, и на мѣстѣ ѫ-са въ немъ было *у*, *ю*, а на мѣстѣ ѧ-са — *а*, *я*. Уже старшіе русскіе писцы, съ писцомъ Остромирова Евангелія во главѣ, смѣшиваютъ 1) ѫ и *у*, *ю*, 2) ѧ и *а*, *я*, т. е. пишутъ воду, знаю и рабѫ; несоша, начати, стоя (причастіе) и ꙗко (=ц.-сл. яко). Послѣдующіе писцы, въ числѣ ихъ писцы Миней 1096 и 1097 годовъ, постепенно совсѣмъ изъяли изъ употребленія ѫ, а ѧ-съ стали употреблять въ одномъ значеніи съ я, или пользуясь этими двумя буквами безразлично, или ставя ѧ послѣ согласныхъ, а я въ началѣ словъ и въ серединѣ ихъ послѣ гласныхъ.

Буква ѣ пишется русскими писцами XI—XIV вѣковъ вообще тамъ, гдѣ ее пишемъ мы. Они смѣшиваютъ ее (какъ сербскіе писцы) съ е, ѥ: сести, сѣло, одни чаще, другіе рѣже: даже писецъ Остромирова Евангелія одинъ разъ написалъ: гнѣвъ Смѣшенія ѣ съ я у нихъ совершенно нѣтъ.

Буквы ъ и ь у русскихъ писцовъ XI—XII вѣковъ являются столь же часто, какъ и у церковно-славянскихъ писцовъ; мы у нихъ находимъ ъ тамъ, гдѣ въ современномъ русскомъ языкѣ слышится *о* или ничего не слышится; ь тамъ, гдѣ слышится *е* или ничего не слышится: сънъ (=сонъ), лъжь (=ложь), дьнь (=день), вьсь (=весь);

мъногъ, къто, чьто, вьсе и т. п. Писцы XIII—XIV вѣковъ уже болѣе скупы на ъ и ь; они часто или пишутъ *о*, *е* вмѣсто ъ, ь: сонъ, день, или опускаютъ ъ, ь многъ. что, все и т. п. Во всякомъ случаѣ русскіе писцы, за немногими исключеніями, прекрасно различаютъ ъ и ь другъ отъ друга и употребляютъ каждый изъ нихъ только въ извѣстныхъ мѣстахъ; мы у нихъ находимъ всегда сънъ (нѣтъ: сонъ), дънь (нѣтъ: день) и т. п. Тамъ, гдѣ церковно-славянскіе памятники имѣютъ *ръ*, *рь*, *лъ*, *ль*: тръгъ, врѣхъ, млъва, — русскіе имѣютъ въ XI—XII вѣкахъ обыкновенно или търгъ, твьрдъ, вьрхъ, мълва, или търгъ, твьрдъ, вьрьхъ, мълъва, въ XIII—XIV вѣкахъ — торгъ, твердъ, верхъ, веръхъ, молва.

Нѣкоторые русскіе писцы XII—XIV вѣковъ смѣшиваютъ между собою ъ и *о* ь и *е* (ѣ), ставя эти буквы одну вмѣсто другой: въда (= вода), грѣхо (= грѣхъ). вѣсти (= вести), ноще (= нощь). У однихъ (какъ у писца Добрилова Евангелія 1164 г.) такое смѣшеніе происходитъ болѣе или менѣе рѣдко; у другихъ. напротивъ. съ нимъ приходится встрѣчаться на каждой строкѣ. Оно извѣстно также у писцовъ XV—XVI вѣковъ (рѣдко).

Употребленія *а* вмѣсто ѧ русскіе писцы XI—XIV вѣковъ избѣгаютъ; мо*а* (женск. р.) у нихъ рѣдчайшее явленіе; обыкновенно у нихъ: мо*ѧ*.

Церковно-славянскіе слоги *ра*, *ла*, *рѣ*, *лѣ* въ гр*ад*ъ, гл*ава*, бр*ѣг*ъ вр*ѣд*ъ, пл*ѣн*ъ, шл*ѣм*ъ, русскими писцами XI—XIV вѣка очень часто сохраняются, причемъ вмѣсто ѣ ими ставится *е*: бр*ег*ъ, вр*ед*ъ, шл*ем*ъ. (Минеи новгородскаго письма 1095, 1096, 1097 годовъ; Мстиславово Евангеліе, вѣроятно, кіевскаго письма. нач. XII вѣка; объ исключеніяхъ см. ниже); но рядомъ съ этими слогами мы изрѣдка встрѣчаемъ чисто русскія сочетанія *оро*, *оло*, *ере*, *ело* и т. п (русское полногласіе): г*ород*ъ, г*оло*ва, *берег*ъ, в*ередъ*, п*олон*ъ, ш*елом*ъ.

Церковно-славянскія *жд* (изъ *д*) и *щ* (изъ *т*) въ ви*ждж*, свѣ*щ*а русскими писцами XI—XIV вѣковъ очень часто сохраняются: ви*жду*. свѣ*ща*; но рядомъ съ ними мы то чаще, то рѣже видимъ чисто русскія *ж* и *ч*: ви*жу*, свѣ*ча* (напримѣръ, въ Святославовомъ Сборникѣ 1076 года: отьца не ро*ждена*, сына ро*жена*).

Употребленіе ы послѣ *г*, *к*, *х*, обычное въ церковно-славянскомъ письмѣ, обычно и въ древне-русскомъ XI—XII вѣковъ; его мы встрѣчаемъ въ XIII, XIV. даже въ XVI и XVII вѣкахъ: к*ы*снути, враг*ы*, дух*ы*; какъ въ словахъ славянскихъ, такъ и въ греческихъ; но съ XII вѣка появляется здѣсь и *и*: к*и*снути, враг*и*, дух*и*; оно дѣлается обычнымъ въ XIV вѣкѣ.

Какъ церковно-славянское письмо послѣ *ж*, *ч*, *ш*, *щ*, *ц* имѣетъ не ы, а *и*, обыкновенно *ю*, а не *у*, такъ и древне-русское XI—XIV вѣковъ; сверхъ того, въ послѣднемъ послѣ этихъ буквъ пишется постоянно ъ, а не ъ.

Отмѣченное нами въ южно-славянскихъ памятникахъ странное употребленіе *ю* вмѣсто *у* изрѣдка встрѣчается и въ русскихъ текстахъ; такъ, въ Пандектахъ Антіоха XI вѣка мы читаемъ: гл*ю*бины, р*ю*цѣ. м*ю*дрость*ж*, н*ю*ждеж и т. п ; въ Богословіи Іоанна Дамаскина XII—XIII в.: с*ю*ть, сын*ю*, лун*ю*, к*ю*питься и т. п.; въ Погодинскомъ Евангеліи XIII в. № 11: р*ю*ку, вѣр*ю* (вин. пад.), кр*ю*пицы, по глаголю и т. п.

Кромѣ этихъ обще-русскихъ особенностей, многіе русскіе памятники XI—XIV вѣковъ имѣютъ еще особенности *мѣстныя* русскія.

Новгородскіе тексты. Писцы *Новгородцы*, согласно своему родному говору, смѣшиваютъ *ц* и *ч*, ставя одну изъ этихъ буквъ вмѣсто другой; отсюда въ новгородскихъ памятникахъ XI—XIV вѣковъ, начиная съ Миней 1095—1097 годовъ, болѣе или менѣе часто: богородича (= богородица), цвѣтъ, цьрькы (= церковь), цьрьтогъ (= чьрьтогъ), цаша (= чаша) и т. п.

Тѣ же писцы часто пишутъ *жг* на мѣстѣ церковно-славянскаго *жд*, и напримѣръ, въ только что названныхъ Минеяхъ читается: дъжгь (= дождь), одъжгити, прѣжге, рожгение, побѣжгенъ и т. п

У новгородскихъ писцовъ XI и XI вѣковъ употребленіе *и* вмѣсто *ѣ* и на оборотъ рѣдко; но у многихъ (не у всѣхъ) писцовъ второй половины XIII и XIV вѣка оно представляетъ обычное явленіе Мы встрѣчаемъ его въ Прологѣ 1262 года въ Евангеліи 1355 года, въ Евангеліи до 1362 года, въ Тактиконѣ 1397 года; вотъ примѣры изъ Евангелія 1355 года: колиномa, человикомъ, желизными, проповидь, къ жени, узри (3 л. ед. ч.), и т. п.

Двинскіе тексты. Если бы до насъ дошли книги написанныя въ *Двинской землѣ* въ XIII—XIV вѣкахъ, то судя по грамотамъ этой новгородской колоніи (по Сѣверной Двинѣ, теперь въ предѣлахъ отчасти Архангельской, отчасти Вологодской губерніи), мы нашли бы въ нихъ тѣ же черты, что и въ новгородскихъ книгахъ, съ присоединеніемъ еще одной—употребленія *у* вмѣсто *в* и на оборотъ

Псковскіе тексты. Писцы *Псковичи*, согласно своему родному говору, смѣшиваютъ не только *и* и *ч*, какъ ихъ новгородскіе собратья, но и *з* и *ж*, *с* и *ш*, ставя одну изъ парныхъ буквъ вмѣсто другой. Отсюда въ псковскихъ памятникахъ XIV вѣка болѣе ранніе до насъ не дошли) болѣе или менѣе часто: богородича, черкы, цаша; погряже (= погрязе, 3 л ед. ч.), тержая (= терзая), вразду (вин. п.), зизнею, многазды, о са позницѣ; предъ вшими (= всѣми), прошить (3 л. ед ч.), скончасташа (= скончастася, въпрасяти, написи (повел. накл.), часю (= чашу), и т. под.

Псковскіе писцы, какъ и новгородскіе, употребляютъ также 1) *жг* на мѣстѣ церковно-славянскаго *жд* и 2) *и* вмѣсто *ѣ* и на оборотъ.

Галиц.-вол. тексты. Писцы въ *Галицко-волынской* землѣ лучше другихъ различаютъ *ѣ* и *е*. Употребленіе *е* вмѣсто *ѣ* у нихъ не рѣдкость и встрѣчается въ однихъ рукописяхъ чаще, въ другихъ рѣже, безъ системы (въ церковно-славянскихъ словахъ въ родѣ брѣгъ, врѣдъ и т. п. *ѣ* очень часто сохраняется ; но обратное употребленіе, употребленіе *ѣ* вмѣсто *е*, подчинено правиламъ. Вообще говоря, *ѣ* вмѣсто *е* ставится ими тамъ, гдѣ въ современномъ малорусскомъ нарѣчіи (потомкѣ древняго галицко-волынскаго говора) обыкновенно слышится *і* и именно въ тѣхъ слогахъ, за которыми слѣдуетъ слогъ съ *г*, *ъ*, *й*: шѣсть вмѣсто шесть (сравни малорусское шість = шесть), пѣщь вмѣсто пещь (ср. малорусск. пічь = печь), зѣлие, зѣлье вм. зелье (ср. мр. зілле), весѣлие, весѣлье вм. веселье (ср. мр. весілле), камѣние, камѣнье вм. каменье (ср. мр. камінне , спасѣние, спасѣнье вм. спасенье, о всѣмь вм. о всемь, и т. п. Рукописи съ употребленіемъ *ѣ* въ этихъ и подобныхъ словахъ начинаются съ XII вѣка (Добрилово Евангеліе относится къ 1164 году) и оканчиваются XIV вѣкомъ.

Другая особенность галицко-волынскихъ писцовъ—употребленіе *у* вм. *в* и на оборотъ: *у*ниде *у* Капернаумъ (= вниде въ—), *у*селися *у* нѣмь; *въ*чити (= учити), *въ*мрѣти (= умрѣти), и т. п. Эта особенность вполнѣ обычна въ рукописяхъ XIII—XIV вѣковъ.

Третья особенность тѣхъ же писцовъ—употребленіе *жч* вмѣсто церковно-славянскаго *жд* (новгородскаго *жг*): дъ*жч*ь, одъ*жч*ити, бе*жч*

чены (= ц-слав. *беж-дены* = безъ жены). Ее мы находимъ въ рукописяхъ XII—XIV вѣковъ.

Наконецъ у галицко-волынскихъ писцовъ XII—XIV вѣковъ изрѣдка встрѣчаются *у* вмѣсто *о* (добров*у*льно), *ю* вмѣсто *е* (июдѣ*ю*мъ, дат. п мн. ч.; чт*ю*нъ = чтенъ, причастіе), *и* вмѣсто *ъ* и на оборотъ (окамен*и*ло = окаменъло, при вечери = при вечерѣ), *ы* вмѣсто *и* и на оборотъ (просыти = просити).

Какъ это ни странно, относительно особенностей писцовъ *Кіевлянъ* ведутся споры. Несомнѣнно написанныхъ въ Кіевѣ рукописей мало; это—два Святославовыхъ Сборника, одинъ 1073 г., другой 1076 г.; два Евангелія первой половины XII вѣка, Мстиславово (написанное по повелѣнію великаго князя кіевскаго Мстислава, сына Мономахова) и Юрьевское (написанное для Юрьевскаго монастыря подъ Новгородомъ), могутъ быть съ большою вѣроятностью признаваемы за написанныя въ Кіевѣ; Тріодь Моисея Кіевлянина XII—XIII вѣка, судя по прозванію писца, въ главной своей части написана не въ Кіевѣ, а повидимому въ Новгородѣ, но можетъ быть причислена къ кіевскимъ памятникамъ; наконецъ небольшая Мстиславова грамота (выше упомянутаго великаго князя) 1130 года—почти несомнѣнно кіевскій памятникъ. Всѣ названныя рукописи отличаются безцвѣтностью своего языка и орѳографіи. Въ нихъ нѣтъ ничего похожаго на галицко-волынское употребленіе *ѣ* вмѣсто *е*, на новгородскую мѣну *ц* и *ч* и т п. Одни ученые говорятъ—и съ ними приходится согласиться.—что кіевскій говоръ XII—XIII вѣковъ былъ очень слабо окрашенъ, не имѣлъ въ себѣ ничего яркаго; другіе,—что кіевскіе писцы отличались тщательностью работы и въ названныя выше рукописи не внесли чертъ своего кіевскаго говора; они считаютъ кіевскими, безъ всякаго впрочемъ основанія, нѣкоторыя изъ тѣхъ рукописей, которыя слѣдуетъ считать галицко-волынскими. Кіевскіе тексты.

Писцы нынѣшней центральной Россіи, Ростовцы, Рязанцы и т. д., писали также безцвѣтно. Впрочемъ рукописей средне-русскаго происхожденія до насъ дошло мало. Мы имѣемъ двѣ ростовскихъ рукописи начала XIII вѣка, одну рязанскую второй половины XIII вѣка, одну московскую первой половины XIV вѣка, двѣ изъ Переяславля Залѣсскаго и одну изъ сѣвернаго Галича половины XIV вѣка, наконецъ Лаврентьевскій списокъ лѣтописи второй половины XIV в., написанный въ предѣлахъ Суздальскаго княжества того времени; сверхъ того, у насъ есть одно евангеліе, написанное, по всей вѣроятности, въ Москвѣ въ 1393 году, одно евангеліе, написанное въ Переяславлѣ Залѣсскомъ или въ самомъ концѣ XIV вѣка, или въ началѣ XV (между 1389 и 1425 гг.), Слова Григорія Богослова, написанныя въ Ярославлѣ въ 1392 г., и Толковая Палея, написанная въ Коломнѣ въ 1406 г. Можно отмѣтить, что въ старшей московской рукописи (Евангеліе 1339 года) есть слѣды московскаго аканья, т е. употребленіе *а* вмѣсто неударяемаго *о* и на оборотъ: дивьн*а* (вм. дивьно), въ *а*пустѣвшии земли, а въ одной рукописи изъ Переяславля Залѣсскаго (Евангеліе 1354 года) встрѣчается въ небольшомъ числѣ случаевъ мѣна *ц* и *ч*. Средне-русскіе тексты.

Ни одной книги, несомнѣнно написанной въ Полоцкѣ, Смоленскѣ или вообще въ западной Руси въ XI—XIV вѣкахъ, до насъ не дошло.

Южно-славянское вліяніе, начавшееся въ половинѣ XIV вѣка и продолжавшееся до половины XV вѣка (о немъ см. курсъ первый, Южно-славянское вліяніе.

стр. 39), вмѣстѣ съ южно-славянскимъ полууставомъ дало русскимъ книжникамъ и южно-славянскую (точнѣе: средне-болгарскую) орѳографію.

Значительную часть южно-славянскихъ (болгарскихъ) книгъ, перешедшихъ въ XIV и XV вѣкахъ въ Россію составляли книги богослужебныя, или съ исправленнымъ по греческимъ оригиналамъ, или съ вновь переведеннымъ съ греческаго текстомъ; затѣмъ было не мало твореній святыхъ отцовъ, богословскаго и учительнаго содержанія, по преимуществу для чтенія монахамъ, также или съ исправленнымъ по греческимъ оригиналамъ, или—что чаще—со вновь переведеннымъ съ греческаго текстомъ; наконецъ небольшое число книгъ составляли житія святыхъ, хронографы и т. п., въ переводѣ съ греческаго. Полученныя отъ южныхъ Славянъ книги освѣжили русскую литературу XIV—XV вѣковъ. Они понравились русскимъ читателямъ и стали усердно переписываться. Такимъ образомъ появились русскіе списки съ средне-болгарскихъ оригиналовъ, сохранявшіе въ большей или меньшей степени языкъ и орѳографію этихъ послѣднихъ. Многіе изъ нихъ имѣютъ въ себѣ такъ много разнообразныхъ средне-болгарскихъ особенностей, что вполнѣ заслуживаютъ названія текстовъ не русскаго, а *болгаро-русскаго извода*. Таковы, напримѣръ, написанный въ Новгородѣ Тактиконъ 1397 года и написанное въ Кіевѣ Евангеліе 1411 года; если бы писецъ втораго изъ этихъ памятниковъ не смѣшивалъ ѫ и *у*, ѧ и ѩ и не вводилъ изрѣдка другихъ руссизмовъ, мы бы признали его текстъ за чистый средне-болгарскій. Въ другихъ спискахъ число средне-болгарскихъ особенностей не такъ велико; это главнымъ образомъ — употребленіе: 1) ѫ рядомъ съ *у* и смѣшанно съ *у*; 2) *ръ*, *лъ*, *рь*, *ль* на мѣстѣ русскихъ *ор*, *ол*, *ер* (въ трьгъ, врьхъ, млъва, врѣхъ, мльва и т. п.); 3) *а* вмѣсто *я* послѣ гласныхъ (въ мо*а* вмѣсто мо*я*, спасени*а*, род. пад., добры*а*, род. п. женск. р, и т. п.); 4) ъ въ концѣ словъ вмѣсто ъ (братъ, сонъ, добрыхъ, род. п. мн. ч., и т. п.). Сверхъ того, иногда мы находимъ слѣды средне-болгарскаго смѣшенія юсовъ, т. е. формы въ родѣ добрѫѧ, добруѩ, вмѣсто: добрую (вин. п. ед. ч. женск р.), твоеѫ, твоею, вмѣсто: твоеѩ (род. п. ед. ч. женск. р.).

Средне-болгаризмы

Изъ списковъ съ южно-славянскихъ оригиналовъ особенности средне-болгарскаго языка и орѳографіи перешли въ тексты русскаго происхожденія или уже обрусѣвшіе и получили въ нихъ болѣе или менѣе широкое распространеніе. Появленіе орѳографической моды относится къ концу XIV вѣка. Евангеліе 1393 года, вѣроятно, московское, и Кіевская Псалтырь 1397 года, написанныя однимъ писцомъ, уже имѣютъ изрѣдка ъ въ концѣ словъ вмѣсто ъ; мы читаемъ въ Евангеліи: домъ твои, торжникомъ (дат. п. мн. ч.); въ Псалтыри: домъ, гнѣвъ, лукъ, вашихъ, на ложихъ и т. п. XV вѣкъ—время ея сильнѣйшаго распространенія; книги вполнѣ свободныя отъ нея—рѣдкость. Въ сѣверо-восточной Руси она ослабѣваетъ въ первой половинѣ XVI вѣка; изъ рукописей второй половины этого вѣка буква ѫ часто встрѣчается лишь въ немногихъ, слоги *ръ*, *лъ* (трьгъ и т. п.)—также; но *а* вмѣсто *я* (мо*а* и т. п.) еще обычно, хотя и не пользуется особенно широкимъ распространеніемъ; въ XVII вѣкѣ, за исключеніемъ мелочей (изрѣдка *а* вмѣсто *я*), южно-славянская орѳографическая мода была уже забыта (сравни курсъ первый, стр. 40); печатныя книги московской типографіи XVII вѣка ея не знаютъ. Въ юго-западной Руси рукописи съ средне-болгаризмами — обычное явленіе въ теченіе всего XVI вѣка и начала XVII вѣка; средне-болгаризмы не рѣдкость также въ печатныхъ книгахъ; ихъ—въ умѣренномъ впрочемъ количествѣ — мы видимъ въ зна-

менитой Острожской Библіи 1581 года: влъсви, пръвосвященникы, еа (=ея), дѣваа, пріати и т. п.; ѫ, ръ, лъ, а вмѣсто я въ довольно значительномъ числѣ находятся въ книгахъ напечатанныхъ въ Кіевѣ въ первой четверти XVII столѣтія (сравни курсъ первый, стр. 40).

Само собою разумѣется, русскіе писцы, стараясь слѣдовать орѳографической модѣ, не рѣдко употребляли ея особенности въ такихъ случаяхъ, гдѣ въ средне-болгарскихъ текстахъ ихъ не было; т. е. ѫ ставился ими тамъ, гдѣ въ этихъ текстахъ стояло у; ръ, лъ, рь, ль — тамъ, гдѣ въ нихъ было ор, ол, ер, ел; а — тамъ, гдѣ въ нихъ было ꙗ, ѧ. Такимъ образомъ мы встрѣчаемъ, напримѣръ, въ Хронографѣ Амартола XV вѣка (Имп. Публ. Б. Q. IV. 35): грько вм. горько, млъба вм. мольба, плъза вм. польза и т. п.; въ Вопросахъ Кесарія того же столѣтія (Моск. Дух. Ак.): грькое вм. горькое, грьняго свѣта, плъзу, плъзѫ вм. пользу, прънатый вм пернатый и т. п.

Особенно много недоразумѣній у русскихъ писцовъ XV—XVI вѣковъ было съ ѫ. Одни изъ нихъ считали его равнымъ по значенію съ у; другіе приравнивали къ ю; московская грамматика 1648 года говоритъ: „ю или ѫ“: третьи употребляли эту букву и въ значеніи у, и въ значеніи я. Въ записи написаннаго въ Москвѣ въ 1461 году Тактикона мы читаемъ: въ обители пречистыѫ Богоматере, раба божіѫ Василіа, въ домъ пречистыѫ Богоматере (ѫ=я), прочитающе книгѫ сію (ѫ=у). Въ великолѣпномъ Пересопницкомъ Евангеліи 1556—1561 г., имѣющемъ евангельскій текстъ въ юго-западно-русскомъ переводѣ, рядомъ съ вытръгнете (2 л мн. ч.), тръплю, съвръшена, пръвѣе, выплънять и т. п., рядомъ съ тишина великаа, четвертаа книга, погребеніа, ученіа (род. п.) и т. п., рядомъ съ ворогъ (=ворогъ), шолъ, былъ, свѣтъ, въ яслехь, мы находимъ: сталосѫ (=сталося), молитисѫ, да будеть волѫ твоѫ, длѫ сорому и т. п. (по изданію Житецкаго стр. 49); здѣсь ѫ употреблено въ значеніи я.

Но бывали—правда, гораздо рѣже - недоразумѣнія и съ ѧ; какъ мы видѣли выше, въ средне-болгарскихъ текстахъ эта буква нерѣдко занимаетъ мѣсто церковно-славянскаго ѭ, ѫ, русскаго у, ю. Напримѣръ, въ сборникѣ русскаго происхожденія Измарагдѣ по списку XVI в. Имп. Публичной Библіотеки (F. I 228), рядомъ съ а вм. я, рядомъ съ ъ вм. ъ въ концѣ словъ, мы находимъ формы 1-го л. ед. ч. на ѧ: славлѧ (=славлю) и т. п.; въ переведенномъ въ юго-западной Руси съ латинскаго описаніи Іерусалима Адрихома (см. о немъ статью г. Долгова) ѧ также встрѣчается на мѣстѣ русскаго у, ю.

Усиленіе церк.-слав. элемента

Южно-славянскія книги, перешедшія въ XIV и XV вѣкахъ въ Россію и понравившіяся русскимъ книжникамъ, конечно, не имѣли руссизмовъ; иначе говоря, въ нихъ были всегда церковно-славянскіе слоги ра, ла, рѣ, лѣ (градъ, глава, брѣгъ, шлѣмъ и т. п.) и буквы жд изъ д (виждѫ и т. п.), щ изъ т (свѣща и т. п.; см. выше стр. 19). Усваивая особенности языка и орѳографіи этихъ книгъ, русскіе писцы начали изгонять изъ своихъ текстовъ русскіе слоги оро, оло, ере, ело (городъ, голова, берегъ, шеломъ) и буквы ж (вижю) и ч (свѣча) и замѣнять ихъ церковно-славянскими. Если мы сравнимъ списки, напримѣръ, Новгородской лѣтописи, одинъ XIV вѣка (такъ наз. Синодальный) и два другіе XV вѣка, то увидимъ, что въ первомъ руссизмовъ гораздо больше, чѣмъ во вторыхъ, или — что то же — въ первомъ церковно-славянскихъ особенностей много меньше, чѣмъ во вторыхъ. Вотъ нѣ-

сколько данныхъ. Списокъ XIV вѣка имѣетъ: въ *город*ѣ, Новѣ*город*ѣ, *пере*же, хочю отвѣчаша, плечи, к ночи, умедляче, рекуче, бьюче; а списки XV вѣка: въ *град*ѣ, Новѣ*град*ѣ, *пре*же, хо*щ*ю, отвѣ*щ*аша, пле*щи*, к но*щи*, умедля*ще*, рку*ще*, бью*ще*. Само собою разумѣется, не имѣя ни грамматикъ, ни словарей церковно-славянскаго языка и не зная, гдѣ именно должно быть по-церковно-славянски *ра*, *ла*, *жд*, *щ*, эти писцы иногда передѣлывали русскія слова въ церковно-славянскія болѣе или менѣе неудачно и писали: о громовохъ и мл*ѧ*ніахъ (Сборникъ XV в. Син Библ. № 951, л. 290 об; ц.-сл. и ср.-болг. мл*ъ*нии, русск. мол*о*нья), пръвую стра*жду* (Апостолъ 1495 г., л. 48; ц.-сл. стра*жа*), погру*жд*аемъ (Учительное Ев. 1514 г., л. 50 об.; ц.-сл. погр*ѫжа*емъ), отъ лица твоего камо бе*жѣ*дю (печатн. Лютеранскій Катихизисъ 1562 г., л. 181; ц.-сл. бѣ*ж*ю = бѣгу), посе*щ*енье, посе*щ*еться (Сборникъ XV в. М. Типогр. Б. № 1321—439, л. 147 об.; ц.-сл. посѣ*ч*-), и т. п.

Новгородск. тексты XV—XVII вв.

Мѣстныя *новгородскія* особенности языка и орѳографіи книгъ, написанныхъ въ Новгородѣ и его колоніяхъ, уже въ концѣ XIV вѣка начинаютъ ослабѣвать. Повидимому, возвышеніе Москвы повело къ возвышенію въ глазахъ Новгородцевъ авторитета московскаго литературнаго языка (безъ мѣны *ц* и *ч* и т. п.) и къ признанію со стороны Новгородцевъ наиболѣе яркихъ чертъ своего языка—провинціализмами. Хотя другія рукописи XIV вѣка новгородскаго происхожденія имѣютъ *ц* вмѣсто *ч* и на оборотъ чуть не на каждой строкѣ, Евангеліе 1355 г. представляетъ до нѣкоторой степени исключеніе. Оно написано въ Новгородѣ по приказанію новгородскаго архіепископа Моисея и имѣетъ красивое письмо, изящный орнаментъ и довольно исправный текстъ; повидимому, это — работа писцовъ состоявшихъ при архіепископѣ Употребленіе *и* вмѣсто *ѣ* не рѣдкость: человиче, на мѣстѣ никоемь, имгние (см. стр. 26); есть также употребленіе *ѣ* вм. *и*. Но употребленіе *ц* вм. *ч* и на оборотъ — исключительное явленіе; писцы стараются его избѣжать, и не безъ успѣха; оно встрѣчается въ ихъ письмѣ всего нѣсколько разъ: отроцищемъ (дат. п. мн. ч.), луце (= лучше, лучше), личемѣри, седмеричею, жерчемъ (дат. п. мн. ч. отъ жрець). Въ Служебникѣ 1400 года, изящнаго письма, написанномъ священникомъ Хутынскаго монастыря по приказанію новгородскаго архіепископа Іоанна, также нѣсколько разъ встрѣчается *и* вм. *ѣ*, но употребленіе *ц* вм. *ч* и на оборотъ совершенно отсутствуетъ.

Мѣстныя новгородскія особенности въ новгородскихъ книгахъ XV вѣка еще слабѣе. Толковая Палея 1477 года, довольно исправно написанная въ Новгородѣ дьякомъ Несторомъ, при наличности нѣкоторыхъ другихъ новгородскихъ чертъ, совсѣмъ не имѣетъ *ц* вм. *ч* и на оборотъ. Исключеніе составляютъ слова рѣдкія, не народныя; ихъ писецъ переписалъ въ томъ видѣ, въ какомъ они были въ его оригиналѣ: оцетъ (вм. оцетъ, оцьтъ) и т. п. Въ Апостолѣ 1495 года, написанномъ въ Новгородѣ причетникомъ одной изъ новгородскихъ церквей, съ очень исправнымъ текстомъ, употребленіе *и* вм. *ѣ* и на оборотъ—не рѣдкость: по стѣни, сумнинія (род. п.), бозѣ снидоша и т. п., а употребленія *ц* вм. *ч* и на оборотъ нѣтъ (нѣсколько случаевъ — случайныя погрѣшности). Въ Библіи 1499 года, написанной въ Новгородѣ тремя дьяками новгородскихъ церквей по повелѣнію новгородскаго архіепископа Геннадія, кое-какія новгородскія черты замѣтны, но мѣны

ц и *ч* нѣтъ (единичныя обмолвки не въ счетъ). Въ сборникѣ Патериковъ XVI вѣка (Синод. Библ. № 216), написанномъ въ Новгородѣ, есть случаи употребленія *и* вм. *ѣ*, а употребленіе *ц* вм. *ч* неизвѣстно.

Впрочемъ между новгородскими текстами XV вѣка еще встрѣчаются такіе, которымъ не чужда мѣна *ц* и *ч* Такъ, въ длинной записи новгородской Трюди 1483 года (Имп. Публ Б.) мы видимъ два случая этой мѣны: конц*а*на бысть книга сия, исправляюц*и* чтите; въ Житіи Іоанна Златоуста XV вѣка (Румянц. Муз. № 150) кое-гдѣ также отмѣчено нами *ц* вм *ч*.

Такимъ образомъ наиболѣе типичная особенность новгородскихъ текстовъ—употребленіе *ц* вм. *ч* и на оборотъ—къ XVI вѣку изчезла; въ новгородскихъ рукописяхъ XVI и XVII вѣковъ лишь изрѣдка мы встрѣчаемъ отдѣльныя ея случаи, очевидно случайныя погрѣшности писцовъ; такъ, въ Домостроѣ XVI вѣка (Моск. Общ. ист и др.) одинъ разъ написано· сите*ц*ко.

Вмѣстѣ съ мѣною *ц* и *ч* исчезло и употребленіе *жг* вм. *жд* (въ до*жг*ь и т п.). Впрочемъ единичные случаи мы отмѣтили въ только что упомянутомъ Житіи Златоуста (до*жг*у велику), въ Вопросахъ Кесарія 1512 года (Синод. Б № 261: до*жг*ь), и друг.

Третья черта новгородскихъ текстовъ—употребленіе *и* вм. *ѣ* и на оборотъ—сохранилась, и мы ее видимъ, то рѣже, то чаще, въ новгородскихъ рукописяхъ какъ XV, такъ и XVI—XVII вѣковъ. Она для этого времени (особенно если *и* вм. *ѣ* и на оборотъ имѣетъ на себѣ удареніе) — наиболѣе важный признакъ того, что памятникъ написанъ въ Новгородѣ, его области или вообще гдѣ-нибудь на нашемъ сѣверѣ (въ нынѣшнихъ Олонецкой, Вологодской, Архангельской губерніяхъ).

Псковскіе тексты XV—XVII вв.

Мѣстныя *псковскія* особенности языка и орѳографіи книгъ, написанныхъ въ Псковѣ, ярко проявляющіяся въ двухъ псковскихъ Паралитикахъ 1369 г. и 1386 г. и въ Прологѣ 1383 г., сохраняются въ псковскихъ текстахъ XV вѣка: въ Евангеліи 1409 г., въ Прологѣ 1425 г. въ Трефолоѣ 1446 г. и въ двухъ спискахъ Толковой Палеи Румянцевскомъ 1494 г. и Ундольскаго 1518 г. Изъ двухъ послѣднихъ рукописей первая—оригиналъ второй; сличеніе ихъ представляетъ большой интересъ, показывая, какъ писецъ второй старался изгнать изъ своего текста псковскія черты первой. Онъ, напримѣръ, находилъ въ своемъ оригиналѣ: утруди*ша* (вмѣсто утрудися) и сначала не догадывался, что въ этомъ словѣ есть нѣчто такое, что нужно измѣнить, и потому писалъ: утруди*ша*, но потомъ спохватывался и подправлялъ или подчищалъ, такъ что утруди*ша* превращалось въ утрудися. Повидимому, онъ былъ плохой грамотей и былъ мало знакомъ съ московскими текстами; во всякомъ случаѣ псковскихъ особенностей у него не мало.

Но такія псковскія черты, какъ употребленіе *ц* вм. *ч*, *з* вм. *ж*, *с* вм. *ш* и на оборотъ, совершенно чужды псковскому Служебнику 1462 г. (Кіево-Печерская Лавра) и псковскимъ рукописямъ XVI и XVII вѣковъ (впрочемъ написанныхъ несомнѣнно во Псковѣ книгъ за эти столѣтія очень мало). Даже въ спискахъ Псковской лѣтописи написанныхъ въ XVI вѣкѣ, повидимому, во Псковѣ (несомнѣнно, съ псковскихъ оригиналовъ), эти особенности—случайное явленіе. Писцы иногда пишутъ пер*ши* вм. перси, когда рѣчь идетъ объ извѣстной части городской стѣны, какъ будто не зная значенія этого слова; въ

другихъ словахъ они употребляютъ буквы *ч*, *ц*, *з*, *ж*, *с*, *ш* правильно, по московскому произношенію

Московскіе тексты XV—XVII вв.

Мѣстныя *московскія* особенности въ многочисленныхъ московскихъ книгахъ XV—XVII вѣковъ не получили развитія. Московскіе писцы вообще оказываются хорошо знакомыми съ традиціонною орѳографіею, и хотя позволяютъ себѣ написать—тамъ, гдѣ нѣтъ ударенія—*а* вмѣсто *о* и на оборотъ, *е* вмѣсто *я*, *а*, *и* и на оборотъ, но лишь изрѣдка и непослѣдовательно. Исключеній мало. Въ числѣ ихъ можно отмѣтить Евангеліе 1527 года, написанное въ селѣ Новомъ, подъ Вязьмою; въ немъ мы читаемъ: ник*а*го, к*а*торого, не до седмь кратъ но д*а* седмьдесятъ, запод*ъ*, дол*е*че, ту будеть сердц*а* ваш*я*, бѣ разрушен*ія* ея вел*ія*, призвати на покаян*ія*, за невѣрств*ія* ваш*а*, продаждь (повел. накл.) имѣн*ія* твое и т. п.

Въ виду изложеннаго понятно, что мѣсто происхожденія рукописей сѣверо-восточной Руси XV—XVII вѣковъ при помощи данныхъ языка и орѳографіи или можетъ быть опредѣлено лишь съ болѣе или менѣе значительнымъ трудомъ, или совершенно не поддается опредѣленію. О цѣломъ рядѣ памятниковъ мы можемъ сказать лишь то, что они написаны въ сѣверо-восточной Руси, безъ опредѣленія, гдѣ именно: въ Москвѣ, Ростовѣ, Новгородѣ, Псковѣ, Вологдѣ.

Зап.-руск. тексты XV—XVII вв.

Мѣстныя особенности языка и орѳографіи *юго-западной* (литовской) *Руси* въ XV—XVII вѣкахъ отличаются однообразіемъ. Ихъ много, и они въ огромномъ большинствѣ случаевъ такъ ярко окрашиваютъ памятникъ, что его юго-западно-русское происхожденіе является внѣ сомнѣній. Между ними особенно обращаетъ на себя вниманіе употребленіе твердаго *р* вмѣсто мягкаго, т. е. слоговъ *ра*, *ро*, *ру*, *ры*, *ръ* тамъ, гдѣ мы ожидали бы *ря*, *ре* (т. е. *рё*), *рю*, *ри*, *рь*: пр*ы*няти, манастыр*ъ*, манастыр*а*, манастыр*ом*ъ (твор. п.), впер*од*ъ (=впер*ед*ъ), *буру* (=бур*ю*, вин. п.). За нимъ слѣдуютъ 1) употребленіе *у* вмѣсто *в* и на оборотъ. *у*стати (=*вст*—), *у* землю (=*въ*—), *вже* (=уже) и т. п., и 2) смѣшеніе предлоговъ-префиксовъ *изъ*, *из*— съ одной стороны и *съ*, *с*— съ другой: *изъ* мужемъ (=съ), *изд*ѣлати (=*сд*—), *ис*казати (=*ск*—), *зъ* облака (=*из* о—), *с*повѣдати (=*исп*—) и т. п. Далѣе можно упомянуть объ употребленіи *кг* вм. *г* (въ польскихъ и вообще не русскихъ словахъ): *кг*ды (=когда), Скирик*г*айло, *кг*валтъ; объ частомъ употребленіи послѣ *ж*, *ч*, *ш*, *щ*, *ц*—буквъ *ы* и *о*: скаж*ы*, ноч*ы*, ч*ому* (дат. п.), слышавш*о* и т. п.; о постановкѣ *е* вм. *я* (главнымъ образомъ безъ ударенія): десеть, в*е*зати и т. п.; объ *ждч* вм. *зж*, *жж* (въ словахъ въ родѣ прі*ѣждч*ати (=пріѣзжать); объ *зд* вм. *з* въ словахъ борз*д*о, борз*д*ый и т. п. (=борзо); объ *ри*, *ры*, *р* вм. *ро* въ словахъ кр*ив*авый, кр*ы*вавый (=кровавый), кр*ве* (род. п. отъ кровь) и т. п. Можно упомянуть также о томъ, что *е* ставится болѣе или менѣе часто на мѣстѣ *ѣ*.

Сверхъ того, многіе юго-западно-русскіе тексты имѣютъ въ своемъ словарѣ вмѣсто церковно-славянскихъ словъ—слова юго-западно-русскія, какъ чистыя русскія, такъ и заимствованныя изъ польскаго

языка. Такъ, въ Четьѣ (сборникѣ житій и поученій), написанной въ 1489 году въ Каменцѣ Литовскомъ поповскимъ сыномъ, находятся слова: крыница (источникъ), мѣшкать (медлить), скляница (сосудъ), скрыня (сундукъ), але (но), завжьды (всегда), нет(д)бать (не обращать вниманія), подлугъ (согласно, по), полецати (обѣщать) и др.

А нѣкоторыя юго-западно-русскія книги XV—XVI вв. (Пересопницкое Ев. XVI вѣка, Новый Завѣтъ въ переводѣ Негалевскаго 1581 года, Псалтырь въ двухъ переводахъ, Познанскій сборникъ повѣстей XVI вѣка и др.) имѣютъ тотъ языкъ, который мы находимъ въ грамотахъ литовскихъ великихъ князей,—западно-русскій съ полонизмами, иногда также и съ малоруссизмами, но болѣе или менѣе свободный отъ церковно-славянскаго элемента.

Южно-русск. тексты XV—XVII вв.

Рукописи южно-русскаго (малорусскаго) происхожденія XV—XVII вѣковъ уже не имѣютъ того *ѣ* вм. *е* (въ шѣсть, весѣлье и т. п.), которое характеризуетъ галицко-волынскія книги XII — XIV вѣковъ. Исключеніе представляютъ лишь Слова Ефрема Сирина, написанныя въ 1492 г. съ галицко-волынскаго оригинала XIII в.; писецъ, очевидно, старикъ, переписалъ текстъ въ томъ видѣ, какъ его нашелъ, т. е. между прочимъ съ галицко-волынскимъ *ѣ*. Въ большинствѣ случаевъ южно-русскія книги XV—XVII вѣковъ отличаются отъ западно-русскихъ (бѣлорусскихъ) тѣмъ, что имѣютъ болѣе или менѣе рѣдко *и* вмѣсто *ѣ* и на оборотъ, *и* вмѣсто *ы* и на оборотъ, *у*, *ю* вм. *о*, *е*. Такъ, въ Пересопницкомъ Евангеліи, написанномъ въ Пересопницѣ на Волыни въ 1556—1561 годахъ, мы читаемъ: въ пу*л*ьночи, тв*у*й (=твой), ст*у*й (=стой, повел. накл.), зъ фарисе*у*вь и иродиян*у*вь (род. п. мн.), в красн*у*мь (=въ к—омъ), по *сю*й и по *т у*й сторонѣ, н*ю*сль (=несъ, прош вр.), уздоровл*ю*нь (=исцѣленъ, выздоровленъ прич.) и др.

Если еще иногда по даннымъ языка и орѳографіи можно опредѣлить, гдѣ именно—въ южной или въ западной Руси—написана рукопись XV—XVII вѣковъ, то уже не представляется возможности сказать, изъ какой именно мѣстности южной или западной Руси она происходитъ; т. е. книга, написанная въ Вильнѣ, ничѣмъ не отличается отъ написанной въ Полоцкѣ, Слуцкѣ, Минскѣ; а книга, написанная въ Кіевѣ, ничѣмъ не отличается отъ написанной въ Галиціи или на Волыни.

Вліяніе оригинала.

Опредѣляя время и мѣсто происхожденія рукописи по даннымъ языка и орѳографіи, мы должны помнить, что писцы, при механической перепискѣ, могли сохранять многія такія черты языка и орѳографіи своихъ оригиналовъ, которыя имъ были не только совершенно чужды, но и непонятны. Такъ, писецъ, переписавшій въ Москвѣ въ 1403 году текстъ Святославова Сборника 1073 года (Синод. библ.), внесъ въ свой списокъ не только многочисленные *ъ* и *ь* въ серединѣ словъ, находящіеся въ его оригиналѣ, но и *шт* (вм. *щ*). Или, писецъ Сборника XV вѣка (М. Общ. ист. и др.) въ текстѣ книги Іисуса Сирахова употребилъ *шт* вм. *щ* и другія древнія особенности, бывшія въ его оригиналѣ XI—XII вѣка, между тѣмъ какъ въ текстѣ другихъ статей, списанныхъ, очевидно, съ менѣе древнихъ оригиналовъ, ничего подобнаго у него нѣтъ.

Возьмемъ еще три примѣра. Евангеліе 1339 года, написанное въ Москвѣ, имѣетъ рядомъ съ словами съ *а* вм. *о* (см. стр. 27) нѣкоторое количество словъ съ употребленнымъ по-галицко-волынски *ѣ*. Ясно,

писецъ взялъ ихъ изъ своего галицко-волынскаго оригинала. Извѣстный Ипатскій списокъ лѣтописи, при огромномъ числѣ случаевъ новгородской мѣны *ц* и *ч* и вообще при обиліи новгородскихъ особенностей, заключаетъ въ себѣ рядъ случаевъ употребленія *у* вм. *в* (*у* Смоленскѣ, *у*незапу и др.) и на оборотъ, небольшое количество случаевъ съ галицко-волынскимъ *ѣ* (учѣнье, изволѣнье и др.) и *жч* въ дожчь и т. п. Надо думать, что его писецъ Новгородецъ внесъ въ свой текстъ многое изъ того, что было въ его галицко-волынскомъ оригиналѣ и что для него самого было совершенно необычно. Въ сентябрьской книгѣ Макарьевскихъ Четьихъ Миней, написанной, если не въ Москвѣ, такъ въ Новгородѣ, въ текстѣ книгъ Іисуса Навина, Судей, Руѳи встрѣчаются псковскія особенности: подноѕе (=подножіе), възлеже (=възлѣзе), свѣшп (3 л. ед. отъ свѣсити) и др. И здѣсь, конечно, мы имѣемъ дѣло съ результатомъ механической работы писца.

Русскія грамоты.

Большая часть того, что сказано объ особенностяхъ языка и орѳографіи написанныхъ въ Россіи книгъ (церковно-славянскихъ текстовъ русскаго извода), относится и къ русскимъ *грамотамъ* (на болѣе или менѣе чистомъ русскомъ языкѣ).

Ни одна изъ русскихъ грамотъ XII—XIV вѣковъ не имѣетъ ни *ж*, *ѫ*, ни *шт* (вмѣсто *щ*), ни словъ съ церк.-слав. слогами *ра*, *ла*, *рѣ*, *лѣ* (за незначительными исключеніями), ни словъ съ церк.-слав. *жд*, *щ* (также за незначительными исключеніями), о которыхъ упомянуто выше (стр. 19).

Употребленіе *ъ* и *ь* въ серединѣ словъ, тамъ, гдѣ въ современномъ русскомъ языкѣ или не слышится никакого звука, или слышится *о* и *е*, извѣстно древнѣйшимъ грамотамъ, хотя и въ слабой степени. Такъ, въ Мстиславовой грамотѣ 1130 года мы читаемъ: Мьстиславъ русьску землю, дьржа (причастіе), въ сьмьрти, дължьни и др.

Смѣшанное употребленіе *ъ* и *ь* съ одной стороны, *о* и *е* (*ѣ*) съ другой находится въ договорѣ Смоленска съ Ригою 1229 года: будѣтъ вѣдомъ (=будеть вѣдомо), что былъ немирно, холъпъ, на берьго (=берегъ), розгнѣвается князь (=князь), свободьный человѣкъ (=свободьный) и др. (очень часто). Мы съ нимъ встрѣчаемся изрѣдка въ грамотахъ XV и XVI вѣковъ. Такъ, галицкая грамота 1409 года имѣетъ: пьрѣдъ насъ и пьрѣдъ землянъ, доброю волью, нашью пячатью и т. п. Въ сѣверно-русской грамотѣ половины XVI вѣка (*А. Ѳедотова-Чеховскаго*, I, № 65) мы читаемъ: вели (мн. ч.) насъ негораздъ, въ Петровъ говѣйно, на Купальничь недѣлъ (=недѣлѣ), къ рѣчекъ и т. п.

Новгородское смѣшеніе буквъ *ц* и *ч* обычно въ новгородскихъ грамотахъ XII—XV вѣковъ. Такъ, въ договорѣ Новгорода съ тверскимъ княземъ около 1265 года мы находимъ: купцина, на цѣмь (=на чемъ), Заволоцье, твоего отця (=отца). Что до употребленія *и* вмѣсто *ѣ* и на оборотъ, то и оно извѣстно этимъ грамотамъ. Такъ, въ только что упомянутомъ договорѣ мы видимъ: Обонижане (жители Обонѣжья, у озера Онѣга).

Объ двинскихъ особенностяхъ сказано выше (стр. 26). Можно добавить, что до насъ дошло около 30 двинскихъ грамотъ XIV—XV в., съ большимъ количествомъ этихъ особенностей.

Псковскія особенности почти не отражаются въ единственной несомнѣнно псковской грамотѣ XIV вѣка; ихъ нѣтъ и въ такъ называе-

мой Рядной Тѣшаты, писанной «Довмонтовымъ писцомъ», повидимому, во Псковѣ въ концѣ XIII в.

Галицкія грамоты второй половины XIV и первой половины XV вѣковъ (старшая 1359 года) имѣютъ *ѣ* вмѣсто *е* относительно рѣдко; зато въ нихъ обычно употребленіе: *у* вм. *в* и на оборотъ: *у* вѣки, *въ* его брата (=*у*—); *у*, *ю* вм. *о*, *е*: Друздъ, Ларив*у*нъ, пр*у*звище, добров*у*льно, на сво*ю*мъ селѣ, на сво*ю*й вотнинѣ; *и* вм. *ѣ* и на оборотъ: л*и*съ, пас*и*ка. слуз*и* (дат. п. отъ слуга). панъ Микола*ѣ* (им. п.); *ы* вм. *и* и на оборотъ: гр*ы*вна, Лоев*ы*чь (фамилія), с*ы*нъ (=сынъ) и т п. Галицкихъ грамотъ на русскомъ языкѣ послѣ половины XV вѣка неизвѣстно.

Что до южно-русскихъ грамотъ второй половины XIV вѣка и слѣдующихъ столѣтій, то онѣ въ большинствѣ случаевъ слѣдуютъ, какъ за образцами, за западно-русскими грамотами того же времени, повторяя всѣ ихъ особенности. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ встрѣчаются тѣ черты, которыя мы только что видѣли въ галицкихъ грамотахъ.

Изъ грамотъ, написанныхъ въ западной Руси, до насъ дошло нѣсколько смоленскихъ и полоцкихъ XII—XIV вѣковъ и рядъ собственно западно-русскихъ, выданныхъ литовскими великими князьями и польскими королями во второй половинѣ XIV вѣка. Въ смоленскихъ и полоцкихъ грамотахъ самая яркая черта—употребленіе *у* вм. *в*; такъ, въ смоленскомъ договорѣ 1229 года мы видимъ: *у*здумалъ (=взд—), *у* Ризѣ (=въ Ригѣ) и т. п. Въ собственно западно-русскихъ грамотахъ XIV в., какъ и въ многочисленныхъ западно-русскихъ грамотахъ XV—XVII вѣковъ, тѣ же особенности, что и въ западно-русскихъ книгахъ (см. стр. 32), только болѣе ярко и послѣдовательно проведенныя. Можно упомянуть, что во многихъ изъ нихъ совсѣмъ или почти совсѣмъ отсутствуетъ *ѣ* (вмѣсто него *е*) и что всѣ онѣ изобилуютъ польскими словами и выраженіями.

Московскія грамоты XIV вѣка отличаются безцвѣтностью своихъ данныхъ. То же можно сказать о грамотахъ всей сѣверо-восточной (московской) Руси XVI и XVII вѣковъ, московскихъ и слѣдующихъ за московскими, какъ за образцами. Лишь немногія изъ нихъ (писанныя малограмотными людьми) имѣютъ мѣстную окраску. Именно, въ нѣкоторыхъ писанныхъ въ Новгородской области и на сѣверѣ Россіи мы встрѣчаемъ употребленіе *и* вм. *ѣ* и на оборотъ; напримѣръ, въ грамотѣ 1588 года: въ новую м*и*ру (=мѣру), хл*и*бъ (*А. Юр.*); въ грамотѣ 1652 года: нас*і*яно ржы (*А. Кал.* II). Въ нѣкоторыхъ писанныхъ около Вологды мы находимъ формы твор. п. ед. женск. р. на *овъ* и *евъ*; напримѣръ, въ грамотѣ половины XVI вѣка: въ межахъ съ монастырск*овъ* деревн*евъ* съ Троецк*овъ* (*А. Θед.-Чех.* I, 125). Въ нѣкоторыхъ писанныхъ вблизи отъ Москвы мы замѣчаемъ употребленіе *а* вм. *о* и на оборотъ, *е*, *и* вм. *я*, *а* и на оборотъ; напримѣръ, въ грамотѣ изъ Муромскаго уѣзда 1636 года: проѣхан*а* во все пол*я* сохами, нехорош*а*му (дат. п.), отъ того *жа* вымола (*А. Кал.* III, 107).

Что до *южно-славянскаго вліянія*, то оно въ языкѣ и орѳографіи русскихъ грамотъ XV—XVII вѣковъ почти не замѣтно. Даже *а* вм. *я* встрѣчается рѣдко. Только въ великокняжескомъ и царскомъ титулѣ московскихъ государей XVI—XVII вѣковъ мы читаемъ постоянно: все*а* Русіи; въ другихъ случаяхъ *а* вм. *я*—рѣдкость. Можно отмѣтить въ грамотѣ в. кн. Василія Ивановича 1516 г.: Васил*а*, розбо*а* (род. п.); въ грамотѣ 1534 г., писанной на сѣверѣ: суді*а* (постоянно); въ грамотѣ 1536 г, писанной въ Бѣжецкѣ: Васил*а* (род. п.), деревня Олексѣев-

ска*а*, деревня церковна*а*, Успенье Пречиста*а* (*А. Юр.*). Объ *ръ* вм. *ор*, *ер* можно сказать, что эта особенность еще болѣе рѣдка. Мы отмѣтили лишь въ грамотѣ 1503 г.: дръжалъ (=держалъ), дръжатъ (*А. Юр.*). Другихъ чертъ южно-славянской орѳографіи въ русскихъ грамотахъ намъ совсѣмъ неизвѣстно.

III.

Качество переводовъ.

Первые дѣятели въ области церковно-славянской литературы Кириллъ и Меѳодій, какъ извѣстно, перевели съ греческаго главныя богослужебныя книги и въ ихъ числѣ евангеліе, апостолъ, псалтырь, паремейникъ. Ихъ переводъ отличается правильностью и ясностью, чему впрочемъ много способствуетъ простота изложенія и содержанія греческихъ оригиналовъ.

Изъ ближайшихъ къ первоучителямъ болгарскихъ переводчиковъ IX—X вѣковъ одни хорошо знали греческій литературный языкъ (который, кстати сказать, въ то время уже сильно отличался отъ народнаго греческаго языка) и были болѣе образованы и развиты; другіе, напротивъ, были мало свѣдущи въ греческомъ литературномъ языкѣ и заботились лишь о томъ, чтобы ихъ церковно-славянскій текстъ былъ какъ можно ближе къ греческому прототипу. Въ то время, какъ у первыхъ (изъ нихъ мы знаемъ по имени Іоанна Экзарха Болгарскаго) переводъ болѣе или менѣе удобопонятенъ, въ зависимости отъ изложенія и содержанія греческаго текста, у вторыхъ получилось нѣчто не только для насъ, но и для ихъ современниковъ мало вразумительное. «Переводъ 13 словъ Григорія Богослова, говоритъ Будиловичъ въ своемъ изслѣдованіи объ этомъ памятникѣ, давно уже поражалъ своею темнотою и неудобопонятностью... Переводчикъ взялся за дѣло, которое было ему не по силамъ. Нерѣдко онъ не понималъ того или другого слова и *очень часто не понималъ оборота*... Въ словорасположеніи онъ слѣпо слѣдуетъ за оригиналомъ, отчего происходитъ *темнота едва ли проницаемая для ума* благочестивыхъ славянскихъ *читателей, даже современныхъ* переводу». Впрочемъ сочиненія Григорія Богослова для самихъ Грековъ представляли затрудненія и ученые люди у нихъ

Ихъ неудобопонятность.

писали къ нимъ толкованія. «Славянскіе переводчики, говоритъ Ягичъ о переводѣ служебныхъ миней, старались перевести минеи, какъ богослужебныя книги, съ буквальною передачею греческихъ словъ славянскими, *не заботясь* при этомъ *нисколько о смыслѣ* подлиннаго *текста* и не задаваясь возстановленіемъ его въ переводѣ». Они «предпочитали угодить формѣ греческаго подлинника болѣе, чѣмъ требованіямъ славянскаго словосочиненія». Должно имѣть въ виду, что церковныя пѣснопѣнія, входящія въ составъ миней, тріодей, октоиха и т. д., въ греческомъ подлинникѣ представляютъ собою стихотворенія съ поэтическимъ подборомъ словъ и необычнымъ словорасположеніемъ.

Убѣжденіе, что надо переводить книги священнаго писанія и святыхъ отцовъ по возможности буквально, въ IX—X вѣкахъ было сильно и уже Іоаннъ Экзархъ долженъ былъ оправдывать себя въ томъ, что онъ иногда употребилъ «не истый глаголъ» (не то славянское слово которое буквально соотвѣтствуетъ греческому), такъ какъ, по его мнѣнію, нѣтъ надобности «прилежати къ стухиямъ (элементамъ) и писменемъ (буквамъ) неразумнымъ и съкладомъ (фразамъ) и глаголомъ (словамъ) невѣдомымъ», которые «шумятъ» лишь «внѣ, о устнахъ и о слусѣхъ» (около губъ и ушей), не проникая въ умъ. Послѣдующіе переводчики, русскіе и южно-славянскіе, также любили буквальную передачу своихъ оригиналовъ, мало обращая вниманія на темноту и неудобопонятность получавшихся текстовъ. Горскій и Невоструевъ такъ характеризуютъ переводъ твореній Діонисія Ареопагита, сдѣланный въ Македоніи около 1371 года: онъ «отличается буквальною точностью, и отъ того мало вразумителенъ, особенно при темнотѣ самаго подлинника». О точныхъ, но черезчуръ близкихъ къ подлинникамъ переводахъ Епифанія Славинецкаго и монаха Евѳимія, второй половины XVII в., можно сказать то же самое.

Неудобопонятность оригинал. трудовъ.

Авторы зачастую слѣдовали за плохими переводчиками. Писать литературное произведеніе «простою рѣчью», «безъ украшенія», въ теченіе всѣхъ X—XVII вѣковъ было не въ модѣ; требовалась «высота словесъ», «извитіе словесъ», т. е. мудреныя слова и многословные и запутанно построенные періоды. Естественно, оригинальныя славянскія житія, поученія и т. п. часто были не менѣе затруднительны для пониманія современниковъ, чѣмъ переводныя; житія сербскихъ святыхъ XIII—XV вѣковъ и русскихъ святыхъ XV — XVI вѣковъ уже получили нѣкоторую извѣстность въ этомъ отношеніи.

Значеніе различія изводовъ.

Сверхъ того, необходимо помнить, что русскій переписчикъ иногда имѣлъ въ рукахъ церковно-славянскій, или средне-болгарскій, или даже— что впрочемъ было рѣдко — сербскій оригиналъ, съ чуждыми для него особенностями въ буквахъ, звукахъ, формахъ, словахъ; что Болгарину и Сербу изрѣдка приходилось имѣть дѣло съ русскимъ оригиналомъ, представлявшимъ для него много страннаго и неяснаго; что Москвичу попадался оригиналъ новгородскаго или галицко-волынскаго происхожденія, и т. д. Мы не можемъ себѣ представить, какъ трудно было въ такихъ случаяхъ работать при перепискѣ, и должны обратиться къ свидѣтельствамъ самихъ добросовѣстныхъ и по своему образованныхъ тружениковъ.

Въ записи сербской Тріоди Цвѣтной (Норова), написанной въ Синайскомъ монастырѣ въ 1374 году двумя Сербами съ болгарскаго оригинала, писцы говорятъ, что они пользовались „изводомъ (текстомъ) святогорскимъ правымъ“ на болгарскомъ языкѣ, и прибавляютъ: „Богъ вѣсть, велма ни (намъ) е било (было) усилно (трудно) прѣставлѣти (передѣлывать) га (его, болгарскій языкъ) на срьбскы езыкъ“.

Въ записи сербскаго списка Бесѣдъ Іоанна Златоуста, въ переводѣ Максима Грека, 1616 года писецъ сообщаетъ: „И паки да вѣсть ваша светыня, отци и братіа, изводь (текстъ), отъ кога (съ котораго) писахъ, велми бѣ тѣжакь (труденъ), почто (потому что) бѣше рускій рукопись, и азь невѣжда езыку тому, и великь трудь подъехь (принялъ)... Аще кто когда начнеть прѣписовати и прочитати, да ванимаеть (уразумѣваетъ) добрѣ и опасно (осторожно)“ (изъ «Отчета» Сырку).

Въ записи сербскаго списка Толковой Палеи 1633 года, хранящагося въ Хиландарѣ (на Аѳонѣ, мы читаемъ: „Простите, отци, Бога ради, чьтуще и прѣписующе, яко много се трудихмо (потрудились) и набѣдихмо (намучились), прѣписующе сію книгу .. Исправляхмо (исправляли), елико могохмо (сколько могли): изводь руски (текстъ русскій), речи тврьди (слова твердыя), не по езику (не согласно съ нашимъ языкомъ)“. Писцы рекомендуютъ переписчику, если онъ „можеть исправляти рускіе рѣчи на свой езыкь,—добро и благо“ (то хорошо), а если не можетъ,—пусть ограничится простою перепискою ихъ рукописи (изъ «Отчета» Истрина).

Запись русскаго списка Словъ Григорія Богослова 1497 года (Погодина) сообщаетъ длинную исторію оригинала, привезеннаго въ Россію „изъ Сербскіе земли“ монахомъ Касьяномъ Румянцевымъ. Много лѣтъ прошло, но никто изъ интересовавшихся книгою „не можаше преписати“. Наконецъ двое монаховъ, „возложивши надежду на Бога и на Всенепорочную Его Матерь“, „вжелѣша (рѣшились) преписати сію книгу сербскаго письмени“ и „неудобьразумное исправиша и изъясниша“.

Запись хранящагося въ Арсеньевомъ монастырѣ (Вологодской губ.) Евангелія 1505 года говоритъ о томъ, что эта книга „писана бысть съ стараго списка съ Печенги, а добывалъ его князь Юрій Васильевичъ“. „И аще будетъ по грѣхомъ опись (описка) въ вѣдѣніи или невѣдѣніи, прибавляетъ писецъ, исправите Бога ради, зане многи пословицы (слова съ звуковыми особенностями) приходили новгородскія“.

Имѣя малопонятные оригиналы, даже лучшіе переписчики приходили въ недоумѣніе; что же могли давать въ своихъ спискахъ писцы ремесленники, относившіеся къ дѣлу механически, исправлявшіе, не углубляясь въ смыслъ переписываемаго, и не скупившіеся на ошибки и описки?

Между дошедшими до насъ древнѣйшими текстами, XI вѣка, есть уже не вполнѣ удовлетворительные, съ многочисленными искаженіями; разумѣется, тексты послѣдующаго времени, гдѣ къ древнимъ пропускамъ, ошибкамъ и опискамъ рядъ переписчиковъ прибавилъ новыя, въ значительной части вовсе неудовлетворительны.

Неисправность текстовъ.

Исправленія въ книгахъ XI—XIII вѣковъ, какъ южно-славянскихъ, такъ и русскихъ, совершенно незамѣтно; повидимому, и переписчики не свѣряли своихъ копій съ тѣми оригиналами, съ которыхъ списывали, и читатели или не обращали вниманія на погрѣшности, или даже ихъ не замѣчали. Знаменитое Остромирово Евангеліе, не смотря на тщательность работы, имѣетъ порядочное количество описокъ, иногда самыхъ ясныхъ и несомнѣнныхъ, и ни одна изъ нихъ не исправлена ни писцомъ, ни читателями.

Исправленіе книгъ у южн. Славянъ.

Впервые сознаніе неисправности текстовъ (по преимуществу богослужебныхъ книгъ), а вмѣстѣ и первыя попытки исправленія ихъ по греческимъ оригиналамъ, явились въ Болгаріи въ концѣ XIII вѣка. Мы знаемъ объ исправленіи книгъ въ Болгаріи мало; но исправленные здѣсь въ XIII и XIV вѣкахъ тексты до насъ дошли въ значительномъ числѣ; несомнѣнно, дѣло исправленія было поведено твердо и рѣши-

тельно, подъ руководствомъ авторитетныхъ людей. Мы знаемъ объ орѳографической реформѣ и о наказахъ („изъявленіяхъ“) патріарха Евѳимія пожалуй еще меньше; но фактъ существованія Евѳиміевской реформы и распространенія Евѳиміевской орѳографіи на лицо.

Сербія, вѣроятно, тотчасъ по исправленіи книгъ въ Болгаріи, получила ея исправленные тексты; можетъ быть, она и сама сдѣлала кое-что по дѣлу исправленія. Тѣмъ не менѣе Константинъ Философъ (о немъ на стр. 22) жалуется на состояніе книжнаго дѣла въ его время: „ни двѣ книги отъ (изъ) всѣхъ обрѣтаются едино (одно и то же), якоже подобаетъ, но .. елика суть разенства (сколько разности), толико варварства и развращенія и хулы“; онъ обвиняетъ писцовъ, считая ихъ заслуживающими жестокаго наказанія за плохую работу („потреба бы или огнь, или ина кая казнь подобна сей внезапу найти на пишущихъ и писанная сжещи“; онъ негодуетъ на своихъ современниковъ, вѣдящихъ и не обличающихъ

Россія въ XIV—XV вв получила исправленныя по греческимъ оригиналамъ книги, уже въ готовомъ видѣ, изъ Болгаріи. Честь введенія исправленныхъ богослужебныхъ книгъ въ общее употребленіе въ Россіи приписывается современниками выходцу изъ Болгаріи митрополиту Кипріану Церковь Божія, читаемъ мы въ записи рукописи 1403 года (Успенскаго собора), „исправленіемъ книжнымъ и ученіемъ его (Кипріана) свѣтлѣется паче солнечныхъ зарей и напаается яко отъ источника приснотекуща“. Впрочемъ едва ли роль Кипріана не ограничивается тѣмъ, что онъ взялъ подъ свое покровительство новыя, перенесенныя изъ Болгаріи книги и этимъ поспособствовалъ ихъ побѣдѣ надъ бывшими ранѣе въ употребленіи искаженными уже текстами.

Исправленіе книгъ въ Россіи

Со временъ Кипріана начинаютъ встрѣчаться русскія книги съ исправленіями писцовъ по своимъ оригиналамъ. За XIV и XV вѣка ихъ очень мало; онѣ всѣ почти на перечетъ; онѣ всѣ принадлежатъ сѣверо восточной Руси. Старшая рукопись, которая имѣетъ въ текстѣ поправки и вставки, свидѣтельствующія о сличеніи съ оригиналомъ, но въ которой тѣмъ не менѣе много ошибокъ и пропусковъ, — Апокалипсисъ Толковый XIV в (Рум. Муз.). Запись Тріоди 1410 года (М. Арх М. Ин. Дѣлъ) уже прямо говоритъ объ «исправленіи» списаннаго текста Писецъ Тактикона 1478 г. (Уварова) въ своей записи пишетъ: «Груба сіа книга, груба и всякого недоумѣнія полна, понеже *съ неисправлена списка* писана, а писавый (писавшій) — грубъ и неключимый убогый рабъ Федько». Приблизительно то же повторяется въ записи Минеи служебной 1501 г. (Троицк. Лавры): «Молю .., не покленте, понеже *съ неисправлена списка* писана» Нилъ Сорскій, одинъ изъ образованнѣйшихъ русскихъ людей конца XV и начала XVI вѣковъ, составляя сборникъ житій святыхъ, прибѣгъ къ сличенію нѣсколькихъ списковъ, чтобы найти хорошія чтенія: «съ разныхъ списковъ писахъ, говоритъ онъ, и обрѣтохъ не согласующихъ къ себѣ въ исправленіяхъ и елико по возможному, еже есть согласно разуму и истинѣ, то написахъ». «Многи труды старецъ Нилъ показалъ о сихъ писаніяхъ», добавляетъ современникъ.

Только въ XVI вѣкѣ вопросъ о книжномъ исправленіи получаетъ значеніе.

Въ первой половинѣ этого столѣтія въ сѣверо-восточной Руси Максимъ Грекъ утверждаетъ, что «богодохновенныя книги различно растлѣны отъ преписующихъ я», и дѣлаетъ попытку систематическаго исправленія богослужебныхъ книгъ какъ извѣстно, неудачную.

Бывшій въ Москвѣ въ 1551 г. Стоглавый соборъ, въ числѣ другихъ вопросовъ церковной и гражданской жизни того времени, останавливается на вопросѣ о «книжныхъ писцахъ». «Которые писцы по градамъ книги (богослужебныя) пишутъ, говорится въ его постановленіи, и вы (священники) бы имъ велѣли писать съ добрыхъ переводовъ (оригиналовъ), да написавъ правили, потомъ же бы продавали. А который писецъ, написавъ книгу, продастъ, не исправивъ, и вы бы тѣмъ возбраняли съ великимъ запрещеніемъ А кто такую не исправленную книгу купитъ, потому же бы возбраняли имъ, чтобы впредь такъ не творили. А впредь только учнутъ тако творити продавцы и купцы (покупатели), и вы бы у нихъ тѣ книги имали даромъ, безъ всякаго зазора; да исправивъ, отдавайте въ церковь, которыя будутъ скудны книгами».

Но это постановленіе, не смотря на угрозу, не имѣло послѣдствій. Въ выходной лѣтописи печатнаго московскаго Апостола 1564 года разсказывается, что царь Иванъ Грозный «повелѣ святыя книги на торжищихъ куповати и въ святыхъ церквахъ полагати, псалтыри и евангелія и апостолы и прочая святыя книги, въ нихъже мали (немногія) обрѣтошася потребни (годны), прочіи же вси растлѣни отъ препнсующихъ, не наученыхъ сущихъ и неискусныхъ въ разумѣ, ово же и неисправленіемъ пишущихъ».

Введеніе печатанія книгъ болѣе или менѣе свѣдущими людьми, по хорошимъ оригиналамъ, было однимъ изъ результатовъ неисправности рукописныхъ текстовъ

Черезъ весь XVII вѣкъ въ сѣверо-восточной Руси проходитъ вопросъ о книжномъ исправленіи, не разрѣшенный окончательно даже трудами Никона и распространеніемъ въ Москвѣ печатнаго дѣла

Царская грамота 1616 г. свидѣтельствуетъ, что „книга Потребникъ въ нашемъ царствующемъ градѣ Москвѣ и во всей Русской землѣ, въ градѣхъ и селѣхъ. въ переводѣхъ (въ спискахъ) рознится и отъ неразумныхъ писцовъ... во многихъ мѣстѣхъ не исправлено“ (*А. А Э.* III).

Въ изданной въ Москвѣ въ 1650 году Кормчей мы находимъ такое восклицаніе: „Обрящеши ли гдѣ правѣ списанную, безъ всякаго порока, въ церквахъ святыхъ книгу!“

Въ Словѣ на Никиту Пустосвята около 1684 г., патріархъ Іоакимъ говоритъ: „Егда не было... печати, и тогда книги писашася и отъ неискуса правописанія и познанія—реченія многая измѣнишася, иніи забвеніемъ, иніи же мнѣніемъ, яко бы лучше хощетъ написати, а разумомъ своимъ не можетъ ради неискусства познати,—реченія премѣнишася иная... А недописокъ реченій и приписокъ есть безчисленно“.

Противникъ патріарха, извѣстный расколоучитель протопопъ Аввакумъ въ главномъ съ нимъ вполнѣ соглашается относительно достоинства рукописныхъ текстовъ „Сегодня ли воруютъ (обманываютъ)? спрашиваетъ онъ. Мы такъ и вѣруемъ, какъ церковныя книги (печатныя) учатъ. А въ письменныхъ-тѣхъ всячину найдешь!“.

Въ XVI—XVII вѣкахъ юго западная (литовская) Русь также интересуется вопросомъ объ книжномъ исправленіи. но здѣсь, по мѣстнымъ обтоятельствамъ. онъ разрѣшается сравнительно легко и во всякомъ случаѣ не получаетъ остраго характера.

Юго-западно-русскіе писцы по своимъ качествамъ едва ли чѣмъ отличались отъ сѣверо-восточно-русскихъ, и вотъ что. напримѣръ, мы читаемъ въ печатномъ кіевскомъ Служебникѣ 1629 г.: „Вся книги славенскія отъ коликосотъ лѣтъ преписуются невѣждами, токмо черни-

ломъ мажущими, ума же не имущими, языка не умѣющими и силы словесъ не вѣдущими".

Трудность исправленія.

Конечно, при массѣ неисправленныхъ текстовъ XVI—XVII вѣковъ, написанныхъ писцами-ремесленниками, мы находимъ нѣкоторое число исправленныхъ, но ихъ по прежнему мало и записи ихъ писцовъ показываютъ, какъ трудно было исправлять и какъ иногда ничтожны были результаты труда по исправленію.

„Сія Минея правлена съ правленые Минеи, а не съ тое, съ которые писана. А правилъ старецъ Герасимъ .. да старецъ Зиновій". Это мы читаемъ въ Минеѣ служебной конца XVI в. Троицкой Лавры (№ 542).

„А писана сія святая книга Апостолъ Толковый съ добрыхъ переводовъ (оригиналовъ) честныхъ монастырей Каменскаго и Павловскаго и Корниліевскаго; а трудовъ и потовъ много положено, какъ правили сію святую книгу". Трудившійся надъ этимъ Апостоломъ (1603 г. Троицк. Лавры) ростовскій митрополитъ Іона оцѣнилъ ее въ огромную по тому времени сумму—въ 20 рублей

„Писахъ же (Канонникъ 1616 г. Троицкой Лавры № 281) съ разныхъ списковъ, тщася обрѣсти правая; и обрѣтохъ въ спискѣхъ онѣхъ многа не исправлена. Повѣдаю же и се, откуду изыскахъ многіа списки. Бѣ бо въ велицѣй обители сей (въ Троицкомъ монастырѣ) инокъ, именемъ Антоній, православенъ божественная писанія чтый и мысленѣ потяся къ разумѣнію сихъ и по премногу тщателенъ къ сихъ исправленію, емуже поручена служба—многостяжательная (богатая) божественныхъ книгъ... книгохранительница (библіотека) Той же богомудрый инокъ... хождаше въ многобогатую божественныхъ писаній книгохранительницу, овы убо мнѣ книги многи въ келью дая на исправленіе, овы же тамо многи, елико обрѣтохомъ люботруднѣ купно смотряхомъ, да обрящемъ правое и Богу угодное. И елика возможна моему худому разуму, сія исправляхъ; а яже невозможна, сіа оставляхъ, да имущіе разумъ больше насъ, тіи исправятъ неисправленная и недостаточная наполнятъ". Писецъ этой книги—Арсеній Глухой.

Текстъ твореній Діонисія Ареопагита, написанный въ половинѣ XVII вѣка въ Соловецкомъ монастырѣ (Рум. Муз.), весь испещренъ поправками, замѣтками и т. п. Но, говоритъ переписчикъ, „переводы (оригиналы) промежъ собою не сходятся, и сіе не вѣмы, чего ради". „Островской переводъ, продолжаетъ онъ, не правленъ; а сей писецъ молодъ былъ, много разума (смысла) и рѣчей (словъ) растерялъ въ точкахъ и запятыхъ". „А еже недописи въ переводахъ, поясняетъ онъ, и то бываетъ отъ неискусныхъ каллиграфовъ: написавъ книгу, да не потщится справити ея, и отъ того многими лѣты растлѣваются и добрые переводы".

Какъ видно изъ приведенныхъ выписокъ, исправленіе было дѣломъ труднымъ и лишь для немногихъ доступнымъ. Большинству писцовъ приходилось довольствоваться отысканіемъ „добраго" и авторитетнаго оригинала, что удавалось не всегда. „Здѣ въ матери книгѣ (оригиналѣ) сія тетрадь потеряна", отмѣчаетъ писецъ Бесѣдъ Іоанна Златоуста на Евангеліе, конца XVI вѣка (Тр. Л.), не будучи въ состояніи помочь бѣдѣ. Отсюда въ рукописяхъ указанія на хорошіе оригиналы, если таковые были: „переводъ кирилловскій" (Кириллова монастыря), „переводъ Ниловъ" (Нила Сорскаго) и т. п.; отсюда же нерѣдкое въ XVII вѣкѣ списываніе съ печатныхъ книгъ.

Писцы работали, какъ умѣли и хотѣли, смотря по своимъ способностямъ и добросовѣстности. Руководства у нихъ не было; они поль-

зовались (и то едва ли всѣ) лишь переходившею отъ старшихъ къ младшимъ традиціею. Только изрѣдка мы находимъ (по преимуществу у авторовъ) обращенія къ писцамъ, какъ они должны переписывать ту или другую книгу.

Наставленія писцамъ.

Въ такъ называемомъ Служебникѣ митрополита Кипріана XIV в. (это—копія съ принадлежавшей Кипріану рукописи) мы читаемъ такую просьбу, составленную едва ли не Кипріаномъ: „Аще кто восхощетъ сія книгы преписывати, сматряй (смотри) не приложити (прибавить) или отложити (убавить) едино нѣкое слово, или тычку (точку) едину, или крючькы, иже суть подъ строками въ рядѣхъ, ниже премѣнити слогню нѣкоторую, или приложити отъ обычныхъ, ихже (къ которымъ) первѣе (прежде) привыкъ.., но съ великимъ вниманіемъ... преписывати“ (Син. Библ.).

Зиновій Отенскій, ученикъ Максима Грека и авторъ сочиненія: «Истины показаніе», обращается къ писцу съ такимъ предисловіемъ: «Иже аще волитъ (желаетъ) кто коея ради потребы преписати что отъ книжиць сихъ, молю не премѣняти въ нихъ простыхъ рѣчей (словъ) на краснѣйшаа пословици (слова), но преписовати тако, якоже лежатъ здѣ рѣчи и точки и запятыя».

Авторъ Житія преп. Геннадія Костромскаго, жившій въ концѣ XVI в., проситъ о томъ же: «вы же, братія, тщитеся, наше писаніе прелагайте на новыя скрижали (переписывайте). Кто начнетъ писати, и онъ бы ся тщалъ на прямыя (вѣрныя) точки и запятыя, да не погрѣшитъ бы ся разумъ (смыслъ) писанію».

Посмотримъ на погрѣшности переписчиковъ.

Онѣ настолько часты въ рукописяхъ, что чѣмъ бы мы ни интересовались въ текстѣ, намъ необходимо помнить объ ихъ существованіи и имѣть ихъ въ виду.

Писцы, переписывая тексты, старались передавать ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ находили въ своихъ оригиналахъ. Но съ одной стороны они заботились о томъ, чтобы ихъ труды были удобочитаемы и потому намѣренно измѣняли буквы, формы, слова, обороты; съ другой стороны, при маломъ вниманіи къ работѣ, они дѣлали механическія ошибки и пропуски.

Подновленіе языка при перепискѣ.

Всего чаще мы встрѣчаемся въ рукописяхъ съ подновленіемъ языка. Писецъ, положимъ, работалъ въ XIV вѣкѣ, а его оригиналъ увидѣлъ свѣтъ въ XI вѣкѣ. За три столѣтія языкъ успѣлъ сильно измѣниться, и для писца и его читателей въ памятникѣ XI вѣка было уже много устарѣлаго или непонятнаго. Отсюда прежде всего опущеніе ъ и ь въ серединѣ словъ, или замѣна ихъ черезъ *о* и *е*. Писецъ нашелъ, напримѣръ, въ своемъ оригиналѣ крѣпъко, вьсе, славьно, съвѣдѣтель, съ лишними, на его взглядъ, ъ и ь, и въ своемъ спискѣ опустилъ ихъ, т. е. написалъ: крѣпко, все, славно, свѣдѣтель; или онъ встрѣтилъ сънъ, вьсь, съ мъною, съ ъ и ь тамъ, гдѣ онъ произносилъ *о* и *е*, и въ своемъ спискѣ замѣнилъ ъ черезъ *о*, ь черезъ *е*, т. е. написалъ: сонъ, весь, со мною. Отсюда же другія разнообразныя замѣны старыхъ особенностей языка позднѣйшими, обычными для писца. Обыкновенно, писцы справлялись съ ними удовлетворительно, и искаженія смысла отъ нихъ мы не замѣчаемъ; но бывали и исключенія. Такъ, въ Евангеліяхъ 1393 г. и 1397 г., на мѣстѣ древняго: съ (этотъ) лежитъ, мы читаемъ: слежитъ; въ Несторовой лѣтописи (во всѣхъ спискахъ), изъ первоначальнаго: бѣ Якунъ съ лѣпъ (= былъ Якунъ этотъ

красивъ), писцами сдѣлано: бѣ Якунъ слѣпъ (другой и неподходящій для даннаго мѣста смыслъ): въ очень многихъ текстахъ XIV—XV вѣковъ древнія формы *сь* (этотъ) и *тъ* (тотъ) превращены писцами въ дающія мало смысла формы *се* и *то*

Умышленныя измѣненія словъ.

Умышленныя измѣненія въ рукописяхъ принадлежатъ писцамъ черезчуръ усерднымъ и внимательнымъ.

Аѳанасій монахъ Сербъ, переписавшій въ 1408 г. Хронографъ Зонары, такъ говоритъ о себѣ: «навыкохъ не прежде преписовати, дондеже прочитаніемъ разумѣти въ книгѣ лежащая» Имъ приходилось догадываться, что значатъ непонятныя для нихъ слова и фразы оригинала, и замѣнять ихъ другими, сходными и, по ихъ мнѣнію, болѣе подходящими. Такъ, въ Евангеліяхъ 1339 г. и 1393 г. мы находимъ: зерну *горошну* (вмѣсто: гор*у*шну ; въ Евангеліи 1358 г.: услыша пѣнья и *клики* (вм.: лики): въ Кормчей ок 1282 г.: четверо*скудную* ризу (вм. — ску*т*ную = угольную); въ Мстижскомъ Евангеліи XIV в.: протешеть и *поломаеть* (вм. *полотьма* = пополамъ); въ Евангеліи 1393 г: дондеже въздаси послѣднюю *часть* (вм. *чату*, *цату* = монету); въ Паисіевомъ Сборникѣ нач XV в. (въ словѣ Григорія Богослова): *пелепелово* (отъ пелепелъ = перепелъ) темное мясо (вм. *Пелопово* — Пелопъ, Пелопсъ, лицо греческой миѳологіи—темное мясотвореніе); въ цѣломъ рядѣ рукописей XIV и XV вв. *егда* = когда (вм. *еда*, вопросит частица). Иногда писцы рѣшались поставить вмѣсто непонятнаго другое слово. Такъ, въ Евангеліи 1393 г. извѣстное *рака* евангельскаго текста, понятое писцомъ какъ ра̀ка = гробъ, было замѣнено синонимомъ послѣдняго: иже бо речеть брату своему *кърсто* (ф. зват. пад. отъ корста = гробъ); въ томъ же Евангеліи въ извѣстной фразѣ: довлѣеть дни *злоба* его, странное на первый взглядъ *злоба* замѣнено нѣсколько близкимъ къ нему по звукамъ *утроба;* и. т. п

Умышл. пропуски словъ.

Если эти усердные писцы не могли догадаться о значеніи неяснаго слова или мѣста, они не переписывали его въ свой текстъ, а оставляли для него въ послѣднемъ пустое мѣсто (имѣя въ виду справиться у свѣдущихъ людей или въ другомъ спискѣ). Такъ, напримѣръ, поступали писцы Ипатскаго списка лѣтописи. Слѣдующіе писцы обыкновенно уже писали все подрядъ и пропускъ дѣлался незамѣтнымъ.

Неумышленныя, механическія ошибки и пропуски (описки) въ рукописяхъ принадлежатъ писцамъ небрежнымъ и невнимательнымъ. Такихъ работниковъ было много. Паремейникъ 1271 г. написанъ двумя писцами, отцомъ и сыномъ. Отецъ въ своей записи проситъ «отцовъ и братію» не проклинать, «чи (если) гдѣ дѣтина *помялъ* (напуталъ)». И дѣйствительно, «дѣтина» не написалъ безъ погрѣшности почти ни одной строки.

Описки

Но механическія ошибки и пропуски довольно однообразны и ихъ легко узнавать

Одинъ изъ обычнѣйшихъ видовъ описокъ заключается въ повтореніи, вмѣсто нужной буквы, одной изъ сосѣднихъ буквъ. Такъ, въ Остромировомъ Евангеліи мы читаемъ: у*б*одобися (вм у*п*одобися), видят*я* вм. видят*ъ*; въ Пандектахъ Антіоха XI в.: отъ *я*рѣха; въ Стихирарѣ 1157 г.: Глѣ*г*а; въ Добриловомъ Евангеліи 1164 г.: источникъ воды чреплющ*ю* въ животъ; въ Златоструѣ XII в.: к*о*ко (= како), об*о*че (= обаче), не достоить съблажняти б*л*ата, послушая П*о*вьла; въ Патерикѣ Синайскомъ XII в.: быхъ цѣлов*о*лъ, и т. п. Въ виду этого необходимо очень осторожно относиться къ такимъ особенностямъ языка и орѳографіи, которыя могутъ быть легко объяснены какъ описки, какъ напримѣръ, н*и*ции (= н*ѣ*ции), исц*и*ли (= исц*ѣ*ли) въ Святославовомъ Сборникѣ

1073 г., нѣцѣи (= нѣции) въ Юрьевскомъ Евангеліи XII в., хлѣбы изиде (= изѣде, съѣлъ) въ Евангеліи 1393 г., до Днѣпрѣ въ Новгородской лѣтописи XIV в

Другой обычный видъ описокъ — пропускъ 1) одной изъ двухъ рядомъ стоящихъ тожественныхъ буквъ, 2) одной изъ двухъ тожественныхъ группъ буквъ и 3) одной изъ двухъ сходныхъ группъ буквъ. Напримѣръ, 1) въ Рязанской Кормчей 1284 г.: жити своими женами (вм.: *с* своими); въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи: своего стрыя рослава (вм. стрыя *Я*рослава); въ Ипатскомъ спискѣ лѣт.: иде Володимерь (вм. *в Вол*—), ѣхалъ бяше *у*гры (вм. *у Уг*ры); 2) въ Остромировомъ Евангеліи: тъкъ *мол*итвою (вм. тъкмо *мо*—); въ среднеболгарскомъ Слѣпченскомъ Апостолѣ XII в.: поклонитъсѧ въсѣ *колѣ*но (вм. въсѣ*ко колѣ*но); въ русскомъ Бучацкомъ Евангеліи XIII в.: власть имамъ пу*сти* тя (вм. пу*стити* тя); въ Чудовскомъ Евангеліи XIV в. № 2: за*не* покаяшася (вм. за*не не*—); въ Коломенской Палеѣ 1406 г.: пѣшьствовати (вм. пѣшьшь—), ско*ро*дишася (вм. ско*ро ро*дишася); въ Новгородской лѣтописи XIV в.: веде*ма* има (вм. веде*мома*); 3) въ Остромировомъ Евангеліи: въ и *мое* (вм. и*мя м*—), въ вьсе *мир*ѣ (вм въ вьсе*мь мир*ѣ), *нъ* здрадуется (вм. *нъ въ*здр—), пост*рати* (вм. пост*радати*); въ ср.-болг. Орбелльской Тріоди XII в.: и по*ложи* своемь (вм. по*ложи на ложи*—); въ Бучацкомъ Евангеліи: речеши бра *твоему*, на тор*жих*ъ (вм. бра*ту тв*—, на тор*жищих*ъ); въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи: што ся удѣ*яло* та си (вм. удѣ*яло в лѣ*та си).

Къ числу менѣе обычныхъ описокъ принадлежатъ тѣ, которыя произошли 1) отъ недописанія второй части сложной буквы (*у*, *ы*), 2) отъ опущенія знака сокращенія (титла), 3) отъ смѣшенія сходныхъ буквъ въ собственныхъ именахъ и въ рѣдкихъ словахъ. Вотъ примѣры: 1) въ Остромировомъ Евангеліи: *о*даришя (= уд—), не в*ъ* ли (= вы ли), р*ъ*бы (= р*ы*бы); въ Златоструѣ XII в.: свѣща многъ (= много); въ Ипатскомъ спискѣ лѣтописи: у Добна (вм. Дубна); 2) въ Словахъ Григорія Богослова XIV в.: елико во *ха* крестистеся; въ Тактиконѣ 1397 г.: о *дв*ахъ нѣкыхъ (= *дъв*ахъ); 3) въ Хронографѣ Амартола XV в: *пъ*вая (вм. пъв-, уповая), Ка*п*афа (вм. Ка*и*-), монастырь Ф*а*ора (вм. Ф*л*—).

Наконецъ есть погрѣшности, имѣющія своею причиною выноску почему-нибудь части текста на поле однимъ писцомъ и внесеніе ея въ текстъ другимъ не на то мѣсто, куда нужно. Такъ, въ Ипатскомъ спискѣ лѣтописи мы читаемъ: заграбиша *да* Игорева и Святославля *ста* въ лѣсѣ (вмѣсто: заграбиша *стада*—въ лѣсѣ), а въ Повѣсти объ Акирѣ XV в.: ослу голову возложили *на* злато блюдо и свалися (вм. *на* голову возложили злато блюдо).

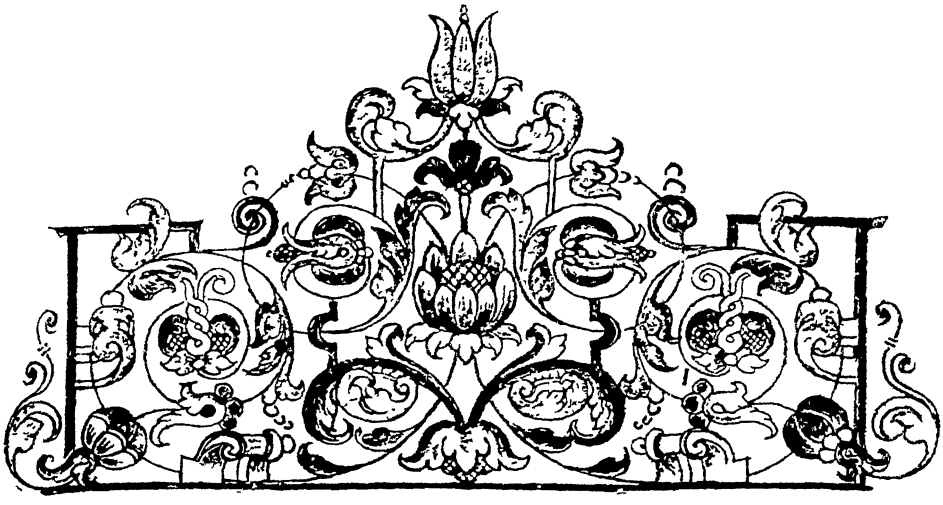
Ошибки въ цифрахъ.

Не излишне упомянуть, что писцы особенно легко ошибались въ цифрахъ, гдѣ смыслъ не давалъ имъ указаній. Іосифъ Волоцкій въ своемъ «Просвѣтителѣ» объясняетъ нѣкоторыя изъ цифровыхъ ошибокъ. «Если едина чертица сотрется, говоритъ онъ, то нѣсть (нельзя) разумѣти, твердо (*т*) ли есть было, или покой (*п*); и егда покой (*п*), верхняя ея черта сотрется, такоже не вѣдѣти, покой (*п*) ли есть, или иже (*и*). Да тѣмъ въ трисотномъ числѣ 80 мнится, и въ осмьдесятномъ 8 мнится». Особенно часты ошибки въ крупныхъ цифрахъ, но онѣ не рѣдкость и въ мелкихъ. Если мы возьмемъ, напримѣръ, Начальную лѣтопись подъ 852 годомъ, то мы увидимъ значительное разнорѣчіе въ цифровыхъ показаніяхъ ея списковъ. Лаврентьевскій списокъ говоритъ объ индиктѣ 15-мъ, а Академическій—объ индиктѣ 8-мъ. Лаврентьевскій списокъ считаетъ между Александромъ Македонскимъ и Рождествомъ Христовымъ 313 лѣтъ, а Академическій—333; въ Ла-

врентьевскомъ сп. время княженія Игоря опредѣляется въ 13 лѣтъ, въ Ипатскомъ—въ 33, въ Академическомъ—въ 83 года.

Критика текста.

Разсмотрѣніемъ погрѣшностей и возстановленіемъ подлинныхъ (первоначальныхъ) чтеній занимается *критика текста*. Если памятникъ дошелъ до насъ въ нѣсколькихъ спискахъ, то дѣло критики текста— или выбрать изъ нѣсколькихъ варіантовъ одинъ, имѣющій право на подлинность, или составить на основаніи всѣхъ наличныхъ варіантовъ новый варіантъ, также имѣющій право на подлинность; только при полной неудовлетворительности всѣхъ варіантовъ критика текста можетъ прибѣгнуть къ конъектурѣ, къ составленію новаго варіанта на основаніи какихъ-нибудь данныхъ языка или содержанія. Если же памятникъ дошелъ лишь въ одномъ спискѣ (какъ у насъ Слово о полку Игоревѣ, Поученіе Мономаха и др.), критика текста можетъ исправлять въ немъ испорченныя мѣста исключительно при помощи конъектуры. Такимъ образомъ критика текста является или *палеографическою*, дающею вообще цѣнные результаты, или *конъектуральною*, выводы которой лишь изрѣдка бываютъ счастливы.



IV.

Лѣтосчисленіе

Всѣ православные Славяне вели *лѣтосчисленіе* отъ сотворенія міра. Но рано появилось и лѣтосчисленіе отъ Рождества Христова. Послѣднее у южныхъ Славянъ было мало извѣстно. Только въ Босніи (жители которой были еретики богомилы) оно имѣло широкое распространеніе, и въ книгахъ, и въ грамотахъ; его имѣетъ старшая изъ дошедшихъ до насъ боснійская грамота 1189 года. Сверхъ того, въ сербскихъ печатныхъ книгахъ XV—XVI вѣковъ, начиная съ напечатаннаго въ Цетиньѣ Октоиха 1494 года,—обыкновенно двѣ даты—и отъ с. м., и отъ Р. Х. Молдавія, имѣвшая живыя связи съ южною Россіею, также иногда пользовалась счетомъ отъ Р. Х. Что до Россіи, то старшій памятникъ русскаго письма съ датою отъ Р. Х.—договоръ смоленскаго князя съ Ригою 1229 года, составленный на латинскомъ языкѣ повидимому въ Ригѣ и потомъ переведенный на русскій языкъ. Когда юго-западная Русь вошла въ составъ литовскаго государства, съ великими князьями католиками во главѣ, въ ней стало оффиціальнымъ лѣтосчисленіе отъ Р. Х.; начиная съ XIV вѣка, его мы очень часто видимъ въ грамотахъ. Рядомъ съ нимъ довольно долго держалось лѣтосчисленіе отъ с. м.; оно почти постоянно въ рукописяхъ юго-западнорусскаго письма XV вѣка (въ Каменецъ-Стромиловскомъ Евангеліи 1411 года дата — отъ Р. Х.) и первой половины XVI вѣка; но рядъ рукописей конца XVI вѣка: Евангеліе 1570 г., описанное Крыжановскимъ, Сборникъ 1580 г. Публичной Библ., Измарагдъ 1593 г. Виленской Публ. Библ., слѣдуютъ уже лѣтосчисленію отъ Р. Х. Печатныя книги юго-западной Руси конца XVI и всего XVII вв. (за немногими

От Р. Х.

Двойное лѣтосчисленіе.

исключеніями) имѣютъ по двѣ даты; между ними виленская Псалтырь 1575 г., острожская Книга о постничествѣ 1594 г кіевскій Агапитъ 1628 г, рукописи XVII в. нерѣдко слѣдуютъ примѣру печатныхъ изданій. Москва до второй половины XVII в. твердо держалась лѣтосчисленія отъ с. м.; счетъ отъ Р. Х. въ ней назывался счетомъ «поримски», «по-литовски», «въ польскихъ числѣхъ» Двойное лѣтосчисленіе, и отъ с. м., и отъ Р. Х., еще рѣдко въ первой половинѣ XVII в.; оно между прочимъ находится въ переведенной съ нѣмецкаго Воинской книгѣ 1606—1607 г. (переводчики были, несомнѣнно, нѣмцы) и въ печатномъ Евангеліи 1606 г. (печатникъ Родишевскій былъ родомъ, повидимому, изъ южной Руси); оно становится обычнымъ въ книгахъ во второй половинѣ XVII в.; документы его почти совсѣмъ не знаютъ. Петръ Великій указомъ отъ 20 декабря 1699 г. сдѣлалъ оффиціальнымъ лѣтосчисленіе отъ Р. Х.

Число лѣтъ между с. м. и Р. Х.

Время между сотвореніемъ міра и рожденіемъ Христа исчислялось разно. Обыкновенно цифра его лѣтъ опредѣлялась въ 5508 (по сентябрьскому счету). Но многіе въ Москвѣ, по примѣру Грековъ, принимали цифру 5500. Въ статейкѣ 1534 г. объ отношеніи русскаго лѣтосчисленія къ латинскому, принадлежащей едва ли не Максиму Греку, мы читаемъ: «по нашему русскому счету отъ созданія Адамля до воплощенія Христова лѣтъ 5500». Въ печатныхъ Потребникахъ патріарховъ Филарета и Іоасафа говорится, что Христосъ родился въ 5500 году по созданію міра. Въ Святцахъ Ундольскаго № 436 писецъ обозначилъ дату такъ: «въ лѣто 7131, а отъ Рождества Христова *гречески* 1631, *латински* 1623»; обычный счетъ здѣсь названъ латинскимъ Въ Сборникѣ гр Уварова № 1816 дата такова: «написася въ лѣто отъ созданія міра 7123, а отъ воплощенія Сына Божія 1623, совершися мѣсяца февраля 27»; она должна быть переведена на нашъ счетъ 1615 годомъ. Во второй половинѣ XVII в. извѣстный Спаѳарій (родомъ Румынъ, но греческаго образованія) держался цифры 5500. Но въ это время обычный счетъ получилъ преобладаніе, и наши старообрядцы держатся его, кромѣ впрочемъ Ѳедосѣевцевъ (у нихъ сохраняется цифра 5500). Не излишне упомянуть, что у насъ были люди державшіеся цифры 5506 (по примѣру нѣкоторыхъ отцовъ церкви); на нее указываетъ Дмитрій Толмачъ въ посланіи къ новгородскому архіепископу Геннадію (конецъ XV в.).

Мартовскій счетъ отъ с. м.

Всѣ православные Славяне въ древности *начинали гражданскій годъ* съ 1 марта. Можно предполагать, что они въ этомъ слѣдовали Грекамъ. Въ переведенномъ съ греческаго Хронографѣ Амартола мы читаемъ: «тако и нами аще и 1-й (мѣсяцъ) мартъ чтеться, 8-й же октябрь обрѣтаеться, а 10-й декябрь...». Въ полныхъ мѣсяцесловахъ, какъ рукописныхъ, такъ и печатныхъ, находятся такія слова: «мѣсяцъ мартъ... сей первый есть въ мѣсяцѣхъ мѣсяцъ...; сего ради отъ перваго числа его начало пріемлютъ вси кругзи солнечніи, и вруцѣлѣто, и високостъ» (= т. е. годъ, въ концѣ котораго прибавляется одинъ день). И южно-славянскіе, и русскіе писцы XI—XIV вѣковъ держатся мартовскаго счета. Такъ, попъ Упирь Лихый началъ писать свою книгу Пророковъ въ маѣ 1047 г. и кончилъ въ декабрѣ того же года (при сентябрьскомъ счетѣ 1047 годъ окончился бы 31 августа и декабрь принадлежалъ бы уже 1048 году). Остромирово Евангеліе начато въ октябрѣ 1056 г и кончено въ маѣ 1057 г. (при сентябрьскомъ счетѣ октябрь и май принадлежали бы одному и тому же году). Толковый Апостолъ 1220 г. начатъ въ августѣ 1220 г. и конченъ въ октябрѣ того же года (при сентябрьскомъ счетѣ октябрь былъ бы уже 1221 г.).

Русскіе лѣтописцы XII—XIV вѣковъ даютъ такія указанія, что въ употребленіи ими мартовскаго счета не можетъ быть сомнѣнія. Въ Начальной лѣтописи по Лаврентьевскому списку мы читаемъ, что въ 6479 г. Святославъ остался «зимовать» въ Бѣлобережьѣ, «веснѣ же приспѣвши», въ 6480 году. пошелъ «въ пороги». И такъ, съ наступленіемъ весны наступилъ слѣдующій годъ. Въ той же лѣтописи разсказывается о войнѣ Олега Святославича съ сыновьями Мономаха. Сообщивъ о томъ, что случилось послѣ «Ѳеодоровой недѣли» (т. е. первой недѣли великаго поста), лѣтописецъ прибавляетъ: «се же бысть исходящу лѣту 6604». Въ Суздальской лѣтописи находятся такія слова: Татары «взяша городовъ 14 во одинъ мѣсяцъ февраль, кончевающуся 15-му (=6745) лѣту».

Церковь искони держалась сентябрьскаго счета и праздновала церковное *новолѣтіе* 1 сентября. Тѣмъ не менѣе значительная часть ея книгъ изстари связана съ мартовскимъ счетомъ. Исчисленія Пасхаліи (руководства находить день пасхи) ведутся съ 1 марта. Богослужебныя Евангеліе, Апостолъ, Паремейникъ имѣютъ на первомъ мѣстѣ чтенія въ день пасхи. Тріодь начинается съ недѣли мытаря и фарисея, время которой находится въ зависимости отъ времени пасхи. Но Церковный Уставъ слѣдуетъ сентябрьскому счету. Въ русскомъ спискѣ Устава XII в. мы читаемъ: «начатъкъ (начало) сущихъ (настоящихъ) книгъ въ пьрвый (день) сентября мѣсяця есть; въ тъ (тотъ) бо дьнь начатъкъ всего лѣта (года) многыхъ ради винъ (причинъ) Грькомъ мьниться» (Греками признается). Минеи служебныя и четьи, Торжественникъ, Прологъ начинаются съ 1 сентября. Сентябрьскій счетъ отъ с. м.

Такъ какъ лѣтописцы были по большой части духовныя лица и пользовались сообщеніями по преимуществу также духовныхъ лицъ, то изрѣдка у нихъ попадаются извѣстія съ сентябрьскимъ счетомъ. Такъ, въ Кіевской лѣтописи по Лаврентьевскому списку мы читаемъ, что въ 6634 г. въ октябрѣ митрополитъ Никита поставилъ одно лицо епископомъ, а «въ то же лѣто» въ мартѣ умеръ. Ясно, здѣсь передъ нами сентябрьскій счетъ.

Мы не знаемъ, когда именно и почему мартовскій счетъ вытѣсненъ сентябрьскимъ изъ гражданскаго употребленія. Писцы начала XV вѣка слѣдуютъ еще мартовскому счету, между прочимъ писецъ Русскій Коломенской Палеи 1406 г. и писецъ Сербъ Книгъ царствъ 1416 г. Въ концѣ житія препод. Сергія (Троицк. Лавры № 264) мы читаемъ дату; «въ лѣто 6967, индикта 6», получающую наилучшее объясненіе по мартовскому счету (см. ниже). Впрочемъ писецъ Лаврентьевскаго списка 1377 г. держится уже сентябрьскаго счета: онъ началъ свою книгу въ январѣ и кончилъ въ мартѣ одного и того же года. Несомнѣнно одно,—что съ конца XV в. до 1700 г. московская Русь признавала первымъ днемъ гражданскаго года 1 сентября. По Карамзину, введеніе сентябрьскаго счета послѣдовало по постановленію московскаго собора 1492 г.; но наши источники не говорятъ объ этомъ постановленіи ничего яснаго.

Начало гражданскаго года *1 января* тѣсно связано съ лѣтосчисленіемъ отъ Р. Х.: гдѣ одно, тамъ и другое. Оно было оффиціальнымъ въ юго-западной Руси XV—XVII в. Вездѣ, гдѣ мы встрѣчаемъ двойное лѣтосчисленіе—отъ с. м. и отъ Р. Х.,—второе изъ нихъ слѣдуетъ январскому счету.

Мартовскій годъ (по Ундольскому, Кунику и друг.) *отстаетъ* отъ январскаго на два мѣсяца. 1902 январскій годъ начался 1 января и кончится 31 декабря, а 1902 мартовскій годъ начался только

1 марта 1902 январскаго года и кончится 28 февраля 1903 январскаго года. Въ виду этого, при переводѣ мартовскаго счета на январскій, нужно имѣть въ виду, что 10 мѣсяцевъ (мартъ—декабрь) имѣютъ въ мартовскомъ и январскомъ годахъ одну и ту же цифру года, а 2 мѣсяца (январь и февраль) мартовскаго года имѣютъ цифру январскаго года съ прибавленіемъ 1. Иначе говоря, переводя мартовскій годъ отъ сотворенія міра на январскій отъ Р. Х., мы должны для 10 мѣсяцевъ вычитать изъ цифры мартовскаго года 5508, а для 2-хъ мѣсяцевъ—5507

Переводъ мартовскаго счета на январскій.

Предложенное правило теперь общепринято (возраженія противъ него Хавскаго можно считать отвергнутыми).

Сентябрьскій годъ *предшествуетъ* январскому на 4 мѣсяца. 1902 сентябрьскій годъ начался 1 сентября 1901 январскаго года и кончится 31 августа 1902 январскаго года. При переводѣ сентябрьскаго счета на январскій слѣдуетъ помнить, что 8 мѣсяцевъ (январь—августъ) имѣютъ въ сентябрьскомъ и январскомъ годахъ одну и ту же цифру года, а 4 мѣсяца (сентябрь — декабрь) сентябрьскаго года имѣютъ цифру январскаго года безъ 1. То есть, переводя сентябрьскій годъ отъ с. м. на январскій отъ Р. Х., мы должны для 8 мѣсяцевъ вычитать изъ цифры сентябрьскаго года 5508, а для 4-хъ мѣсяцевъ—5509.

Переводъ сентябрьскаго на январскій.

Предложенное правило основано, между прочимъ, на тѣхъ упомянутыхъ выше датахъ XVI—XVII вѣковъ, гдѣ является двойное лѣтосчисленіе. Такъ, въ печатной острожской Грамматикѣ мы находимъ года 7095 и 1586, при мѣсяцѣ октябрѣ; разница—5509. Въ печатномъ московскомъ Житіи Варлаама и Іоасафа года 7189 и 1680, мѣсяцъ сентябрь; разница также—5509. Переводчикъ «Купели Душевной», жившій въ Москвѣ, датируетъ свой трудъ 7192 и 1684 годами, при мѣсяцѣ августѣ; разница—5508.

Если въ нашемъ источникѣ нѣтъ указаній на мѣсяцъ, то принято при переводѣ мартовскаго и сентябрьскаго годовъ на январскій вычитать 5508 и такимъ образомъ допускать завѣдомую неточность.

Кромѣ опредѣленія времени годами, у Славянъ (какъ и у Грековъ, какъ и на западѣ) было въ большомъ употребленіи опредѣленіе времени *индиктами*. Имъ пользуются писцы книгъ въ своихъ записяхъ; его знаютъ лѣтописцы; грамоты сербскихъ кралей (хрисовулы) обыкновенно имѣютъ лишь индиктъ (съ мѣсяцемъ и числомъ), безъ года; грамоты литовскихъ великихъ князей XIV—XV в. нерѣдко датируются также однимъ индиктомъ.

Индиктъ.

Индиктъ—циклъ въ 15 лѣтъ, *по сентябрьскому счету* (т. е. съ началомъ 1 сентября). При мартовскомъ счетѣ первый день года (1 марта) приходится какъ разъ по срединѣ индиктоваго года, и послѣдній имъ дѣлится пополамъ, «на полы», какъ выражается однажды Начальная лѣтопись (подъ 1096 г.). Такъ какъ сентябрьскій годъ предшествуетъ мартовскому на 6 мѣсяцевъ и его цифра въ первомъ его полугодіи больше на 1 цифры мартовскаго года, то цифра связаннаго съ сентябрьскимъ счетомъ индиктоваго года для мѣсяцевъ сентябрь—февраль не вполнѣ соотвѣтствуетъ цифрѣ мартовскаго года, а имѣетъ лишнюю 1. 7409 = 1901-му сентябрьскому году соотвѣтствуетъ 14-й индиктовый годъ; оба эти года лишь во второмъ своемъ полугодіи; совпадаютъ съ 7409 мартовскимъ годомъ, съ первымъ его полугодіемъ второе же полугодіе этого мартовскаго года соотвѣтствуетъ уже 7410-му сентябрьскому году (т. е. 7409 + 1) и 15-му (= 14 + 1) индиктовому

году. Иными словами—цифра мартовскаго года или (для мѣсяцевъ мартъ—августъ) соотвѣтствуетъ цифрѣ индикта вполнѣ, или (для мѣсяцевъ сентябрь—февраль) соотвѣтствуетъ цифрѣ индикта увеличенной на 1. Въ записи псковскаго Апостола 1307 г. мы находимъ 6815 годъ, мѣсяцъ августъ, индиктъ 5; первому полугодію 6815 мартовскаго года соотвѣтствуетъ 5 индиктъ. Запись о переводѣ Словъ Аѳанасія Великаго на аріанъ въ Болгаріи въ спискѣ 906 г. дастъ дату перевода—6414 годъ и 10 индиктъ; первому полугодію 6414 мартовскаго года соотвѣтствуетъ 9 индиктъ; второму полугодію того же года соотвѣтствуетъ уже 10 индиктъ; переводъ сдѣланъ именно въ второмъ полугодіи 6414 мартовскаго года Запись средне-болгарскаго Евангелія 1359 г. датирована 6867 годомъ и 13 индиктомъ; и здѣсь имѣется въ виду второе полугодіе 6867 мартовскаго года

Но рядомъ съ правильнымъ (согласно изложенному) опредѣленіемъ индикта, древніе памятники даютъ намъ другое, до сихъ поръ не разъясненное: цифра индикта соотвѣтствуетъ вполнѣ цифрѣ мартовскаго года во второмъ его полугодіи, и *меньше*, чѣмъ слѣдуетъ, на 1 въ первомъ полугодіи. Въ Начальной лѣтописи по Лаврентьевскому списку подъ 1096 годомъ находятся такія слова: «се же бысть исходящю лѣту 6604, индикта 4 на полы» (мы ожидали бы здѣсь индикта 5). Въ Суздальской лѣтописи по тому же списку мы читаемъ: «въ лѣто 6813, индикта 2, мѣсяца іюня въ 23» (мы ожидали бы 3 индикта). Въ записи Коломенской Палеи 1406 года дата слѣдующая: 6914 годъ, мѣсяцъ май, индиктъ 13 (мы ожидали бы 14 индикта). Въ записи сербской Книги царствъ 1416 года дата такова: 6924 годъ, индиктъ 8 (нуженъ бы 9 или 10 индиктъ).

Для опредѣленія индикта, нужно цифру сентябрьскаго года отъ с. м. раздѣлить на 15: остатокъ—цифра индикта (если въ остаткѣ 0, это указываетъ на 15-й индиктъ). При мартовскомъ счетѣ отъ с. м. необходимо имѣть въ виду изложенное выше. Если мы имѣемъ годъ отъ Р. Х., мы должны къ его цифрѣ прибавить 3 и уже послѣ этого дѣлить на 15. Какъ находить индиктъ

Нѣкоторые писцы въ своихъ запискахъ обозначаютъ не только годъ и индиктъ, но также вруцѣлѣто, кругъ солнца, кругъ луны и т. п. Напримѣръ, писецъ псковскаго Апостола 1307 г. сообщаетъ цифры года, индикта, года «пасхи законной», круга луны, числа мѣсяца, числа луны. Подобныя данныя заимствованы изъ пасхальныхъ таблицъ.

Сверхъ собственно хронологическихъ данныхъ, для опредѣленія времени написанія рукописи полезно пользоваться разнообразными фактическими указаніями, которыя находятся въ книгахъ. Хронологич. указанія

Это прежде всего—имена историческихъ лицъ (князей, митрополитовъ и т. д.); само собою разумѣется, нужно различать, говорится ли объ этихъ лицахъ, какъ о живыхъ, или какъ объ умершихъ.

Богослужебныя книги, написанныя въ сѣверо-восточной Руси, нерѣдко имѣютъ мѣсяцесловы и другіе *списки святыхъ*, какъ греческихъ, такъ и русскихъ. Относительно многихъ русскихъ святыхъ намъ извѣстно, когда они были канонизованы, иначе говоря, когда началось празднованіе ихъ памяти, и мы можемъ пользоваться этими датами. Если, напримѣръ, мы находимъ въ мѣсяцесловѣ подъ 31 марта имя митрополита Іоны, а подъ 30 августа имя Александра Свирскаго, признанныхъ святыми въ 1547 году, это значитъ, что рукопись писана

не ранѣе 1547 г. Должно замѣтить, что отсутствіе въ мѣсяцесловѣ имени того или другаго или вообще святыхъ, канонизованныхъ въ XVI в., не имѣетъ рѣшающаго значенія.

Въ тѣхъ же богослужебныхъ книгахъ, въ текстѣ молитвъ и эктеній, обыкновенно упоминается *князь*, *великій князь* или *царь*. Тѣ изъ нихъ, которыя относятся ко времени до XVI в., имѣютъ только *князь* или *великій князь*; въ тѣхъ, которыя написаны во второй половинѣ XVI в. и позднѣе, находится только *царь*; въ книгахъ около половины XVI в. оба титула могутъ быть рядомъ.

Богослужебныя книги нерѣдко говорятъ о московскомъ *митрополитѣ*, о новгородскомъ *архіепископѣ*, объ епископахъ разныхъ епархій сѣверо-восточной Руси. Эти книги должны быть относимы ко времени до 1589 г., когда московскій митрополитъ получилъ титулъ *патріарха*, когда новгородскій архіепископъ сдѣлался митрополитомъ, когда были основаны новыя архіепископіи и епископіи.

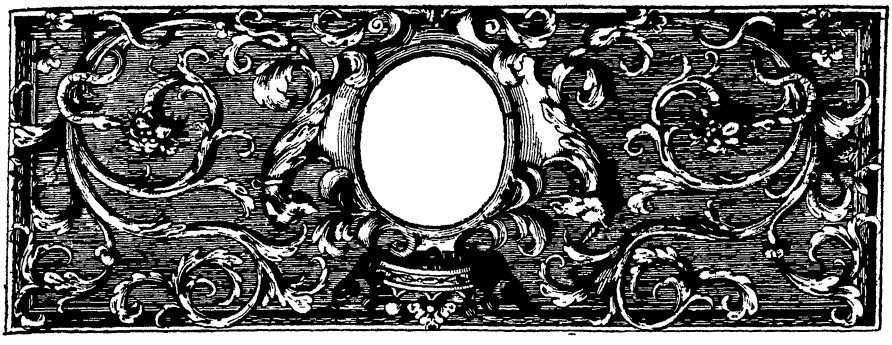
И богослужебныя, и не богослужебныя книги часто имѣютъ въ текстѣ имя Спасителя. Если оно написано въ видѣ *Іисусъ* (а не *Исусъ*, *Ісусъ*), то рукопись можетъ быть относима только къ времени патріаршества Никона или позднѣе. Конечно, форма этого имени *Исусъ*, *Ісусъ* (и теперь употребляемая старообрядцами) не имѣетъ значенія для хронологіи.

Нѣсколько мелкихъ замѣчаній.

Въ грамотахъ (изрѣдка и записяхъ книгъ) сѣверо-восточной Руси XVI—XVII вв. обычно опущеніе цифры 7000 или ⁘. Мы читаемъ: въ лѣто 50-е, въ лѣто 150-е и т. п., вмѣсто: въ лѣто 7050-е, въ лѣто 7150-е.

Въ разнаго рода текстахъ послѣ цифры года мы находимъ букву ѕ: въ лѣто 7050-е и т. п.; эта буква, которая не что иное какъ окончаніе числительнаго порядковаго, — при перепискѣ легко снабжалась титломъ и вслѣдствіе этого превращалась въ цифру ѕ = 5 (какъ и на оборотъ, цифра ѕ легко теряла титло и принималась за окончаніе числительнаго). Отсюда недоразумѣнія при опредѣленіи даты, напримѣръ, кончины препод. Сергія, значащейся въ его житіи: одинъ списокъ имѣетъ ея цифру въ видѣ 6905, другіе — въ видѣ 6900. Само собою разумѣется, подобнаго рода недоразумѣнія не всегда могутъ быть разрѣшены удовлетворительно.

Писцы иногда были мало знакомы съ рѣдко употреблявшимися крупными цифрами и въ нихъ могли дѣлать ошибки. Мы имѣемъ, напримѣръ, Хлудовскую Псалтырь № 2. Ея запись имѣетъ даты ѕѱк и ѕѱка, т. е. 1212 и 1213 годы, совершенно несогласимыя съ ея молдавскимъ письмомъ XV в. Повидимому, писецъ по ошибкѣ употребилъ ѱ = 700, вмѣсто ц = 900.



V.

Авторы и писцы въ своихъ запискахъ и припискахъ любили пользоваться *тайнописью*, или криптографіей, понятной для людей болѣе или менѣе образованныхъ и непонятной для ирофановъ. Тайнопись.

Древнѣйшій способъ тайнописи, очень распространенный у Грековъ, — *акростихъ*, или краегранесіе („грань“ въ старомъ языкѣ = стихъ). Онъ у Славянъ употребляется относительно мало. Писаніе стиховъ, съ которымъ онъ связанъ по преимуществу, сколько мы знаемъ, было еще нѣсколько распространено на славянскомъ югѣ въ IX—X вѣкахъ; въ Россіи оно было въ ходу лишь въ XVII в. Въ это именно время имъ воспользовался, между прочимъ, извѣстный монахъ Евѳимій. Вотъ его „Молитва, или заключеніе трудившагося въ дѣлѣ семъ“ (въ переводѣ твореній Симеона Солунскаго): Акростихъ

*Е*дине щедре, блаже, милости твоея
*Ѵ*ссопомъ очисти мя отъ злобы моея,
*Ѳ*ѵміамъ яко вонный пріимъ трудженіе,
*Ѵ*постасная мудрость, подаждь прощеніе, и т. д.

Начальныя буквы этого стихотворенія даютъ имя автора: Ενθνμιος.

Въ средніе вѣка акростихъ—величайшая рѣдкость. Мы знаемъ лишь одного русскаго писца, который сдѣлалъ попытку имъ воспользоваться. Въ записи Псковскаго Апостола 1307 г. мы читаемъ: а псалъ (писалъ) вв. нк. кк дд. вв. ъ. Давыдъ, органъ. мысль. истина. Писецъ сначала сообщилъ свое имя: Домидъ, числовой тайнописью; потомъ онъ написалъ четыре слова (пятаго не придумалъ), начальныя буквы которыхъ составляютъ большую часть его имени. Изъ южно-славянскихъ авторовъ акростихъ употребляли сербскій деспотъ Стефанъ Лазаревичъ и его біографъ Константинъ Философъ (XV в.).

Другой очень простой способъ тайнописи, благодаря своей простотѣ малоупотребительный, заключается въ писаніи буквъ въ обрат-

номъ порядкѣ, сзади напередъ. Мы встрѣчаемъ его, напримѣръ, въ Соловецкомъ спискѣ Словъ Исаака Сирина XIV в. (№ 227): ьданегиыншѣргъласипа = а писалъ грѣшный Генадь.

Полусловица

Такъ называемая *полусловица*, т. е. писаніе буквъ въ сокращенномъ видѣ (съ одной чертой вмѣсто двухъ, и т. п.), также мало распространена. Ею, между прочимъ, написана запись въ Сборникѣ XV в. Синод. Библ. № 251 (снимокъ у Горскаго и Невоструева, № 316). Полусловица употребляется для писанія цѣлыхъ книгъ и статей. Ею написана цѣлая Псалтырь съ дополнительными молитвами, принадлежащая русскому писцу, вѣроятно, XIV в. (Ватиканская библ., № VII); впрочемъ нѣсколько буквъ здѣсь сохраняютъ свой обычный видъ, а еще нѣсколько буквъ имѣютъ форму греческихъ скорописныхъ. Ею же были написаны Апостолъ, Евангеліе и Псалтырь осужденнаго за ересь троицкаго игумена Артемія, хранившіяся въ царскомъ архивѣ XVI в.

Буквы въ измѣненномъ видѣ.

Пользованіе буквами въ измѣненномъ видѣ мы встрѣчаемъ, между прочимъ, въ Евангеліи 1527 г. (снимокъ въ „Палеограф. снимкахъ, изданныхъ Археологическимъ Институтомъ“, табл. XXV); здѣсь нѣкоторыя буквы имѣютъ форму греческихъ скорописныхъ. Такого рода тайнопись извѣстна также у южныхъ Славянъ (въ средне-болгарскомъ Евангелии 1322 г., въ молдавскомъ Ирмолоѣ 1510—1515 г, въ сербской Минеѣ 1551 г): здѣсь нѣкоторыя буквы похожи на глаголическія. Сходное письмо было и у Грековъ Буквами въ измѣненномъ видѣ написаны цѣлыя страницы въ великолѣпной Псалтыри XV в. Тр. Л. (образцы письма которой изданы Общ. Др. Письм.).

Вязь

Употребленіе *вязи* мы видимъ, между прочимъ, въ записи Лѣствицы 1526 г. Тр. Л (вычурная скоропись). Вязью, съ вынесеніемъ гласныхъ буквъ вверхъ за строку, написаны нѣкоторыя (важныя) слова въ письмахъ митрополита Кипріана къ препод. Сергію и его брату Ѳеодору (изданныхъ въ Правосл. Собесѣдникѣ 1861 г.). Вязью, также съ вынесеніемъ за строку гласныхъ буквъ, написана приписка XIV в. въ Богословіи Іоанна Дамаскина XII—XIII в. Синод. Библ (снимокъ у у Калайдовича, Іоаннъ Экзархъ Болгарскій, № 12-й). Вязью, также съ вынесеніемъ нѣкоторыхъ буквъ за строку, написанъ весь текстъ Словъ Григорія Богослова XIV в. Чудова монастыря № 13 (снимокъ у Калайдовича, тамъ же, № 13).

Глаголица

Естественно, *глаголица* также встрѣчается въ качествѣ тайнописи. Это—особая славянская азбука, составленная на основаніи кириллицы, повидимому, въ Моравіи учениками первоучителя Меѳодія, послѣ смерти его, при началѣ гоненія на церковно-славянское богослуженіе, и потомъ перенесенная вмѣстѣ съ книгами въ западную Болгарію. Здѣсь она употреблялась рядомъ съ кириллицею въ IX—XI вв. и потомъ была вытѣснена кириллицею (у Хорватовъ католиковъ она сохраняется даже до нашихъ дней). Ее мы находимъ въ припискахъ русской апрѣльской Минеи XI в. Моск. Типогр. Библ., Церковнаго Устава XII в. той же библ. и нѣсколькихъ другихъ древне-русскихъ рукописей. Она (въ болѣе или менѣе искаженномъ видѣ) встрѣчается въ рукописяхъ XV—XVI в.: въ Словахъ Исаака Сирина, написанныхъ въ Псковѣ въ 1472 г. (Рум. Муз.), въ сербскомъ Апостолѣ 1377—1408 г. Сербской Академіи Наукъ, въ молдавскомъ Ирмолоѣ 1510—1515 г. и др.

Пермская азбука.

Пермская азбука, изобрѣтенная преп. Стефаномъ Пермскимъ въ XIV в, является въ тайнописи нѣсколькихъ русскихъ рукописей XV—XVI вв. (снимки въ брошюрѣ Некрасова).

Греческая и *латинская* азбуки употребляются съ тайнописными цѣлями въ русскихъ рукописяхъ, первая—XV—XVI вв, вторая—

XVII в. Въ Прологѣ 1431—1434 г. Публ. Библ. находится такая приписка 1456 г.: а ποδπισαλ ποπ γαυριλω ροζεστυενηι... πρι υεληκοм κνζη βασιλιη βασιλιεβηчη... Писецъ Пролога 1481 г. той же библ. пользуется греческими буквами въ „простой литореѣ“

Собственно тайнописное письмо (*риторское, риторійское* письмо, *риторія, литорея*, какъ его называли въ Россіи XVI—XVII вв.) состоитъ въ употребленіи однихъ буквъ славянской азбуки вмѣсто другихъ, по извѣстной системѣ, Русская рукопись Синод. Библ. XVII в. № 933 сообщаетъ о десяти видахъ „буквицы риторійской“, извѣстныхъ ея писцу. Позволительно думать, что по приведеніи въ извѣстность русскихъ и южно-славянскихъ данныхъ, это число можетъ быть нѣсколько увеличено. Едва ли не большинство видовъ риторскаго письма вполнѣ или отчасти заимствовано Славянами отъ Грековъ.

Наиболѣе распространена „*простая литорея*“, состоящая въ томъ, что согласныя буквы азбуки дѣлятся на двѣ половины и подписываются одна подъ другою въ такомъ порядкѣ: Простая литорея.

б	в	г	д	ж	з	к	л	м	н
ш	щ	ч	ц	х	ф	т	с	р	п.

Затѣмъ буквы перваго ряда употребляются вмѣсто соотвѣтствующихъ буквъ втораго ряда и на оборотъ. Гласныя буквы сохреняются. Старшая запись съ этою простою литореею находилась въ сгорѣвшемъ русскомъ Прологѣ 1229 г.: мацъ щыл(кь) томащсь нменсышви нугипу ромьлтую катохе и ниледь топгашви тъпичу лию арипъ, т. е. радъ быс(ть) корабль преплывши пучину... Однородныя записи и приписки и слово „арипъ“, т. е аминъ, мы встрѣчаемъ во многихъ русскихъ рукописяхъ XV—XVII вв. Вотъ, напримѣръ, запись Діоптры 1473 г. Троицк. Лавры: Въ лѣто 6979 сія книга написана бысть при благовѣрномъ великомъ князи Іоанѣ Васильевичи... замышленіемъ раба Божія цьятопа тасилкмака, а написалъ многогрѣшный... чмичомеи ятировъ сынъ. Онѣ имѣются (рѣже) и въ южно-славянскихъ книгахъ. Наши старобрядцы пользуются простою литореею, кажется, даже въ настоящее время.

Изъ ряда системъ „*мудрой литореи*“ (т. е. болѣе сложной, замысловатой) мы остановимся лишь на трехъ, наиболѣе распространенныхъ. Мудрая литорея.

1) Сербскіе и молдавскіе писцы XV—XVII вв. (а изрѣдка и русскіе) пользуются передѣлками греческой тайнописной системы такого рода:

α	β	γ	δ	ε	ζ	η	θ
θ	η	ζ	ѕ	ε	γ	β	α
ι	κ	λ	μ	ν	ξ	ο	π
q	π	ο	ξ	ν	μ	λ	κ
ρ	σ	τ	υ	φ	χ	ψ	ω
э	ω	ψ	χ	φ	υ	τ	σ

Въ основаніи этой системы лежитъ числовое значеніе буквъ. Если мы сложимъ буквы-цифры верхняго ряда съ соотвѣтствующими буквами-цифрами нижняго ряда, сумма первыхъ девяти паръ будетъ 10, вторыхъ—100, третьихъ—1000.

Передѣлка этои системы въ тайнописи молдавскаго Ирмолоя 1510—1515 г. такова.

а в г д к л м р с т у
ѳ и з ѕ п о ξ ц ѡ ѱ х

Остальныя буквы употребляются безъ перемѣны.

Передѣлка этой же системы въ одномъ сербскомъ сборникѣ Сербской Академіи Наукъ болѣе сложна:

а б в г д е ж ѕ з і и к л м
ѳ ь и з ѕ н ѿ д г с в п о ξ

н о п р с т ѱ у ф х ь ѿ ѡ
е л к ц ѡ ѱ т х ч у б ж с.

Она не совсѣмъ исправна: с передаетъ и і, и ѡ.

2) Русскіе (сѣверо-восточные) сборники XV—XVII вв. нерѣдко заключаютъ въ себѣ статью грамматическо-орѳографическаго содержанія, съ названіемъ: «Лаодикійское посланіе», и съ именемъ автора: Ѳедоръ Курицынъ. Главная ея часть состоитъ изъ таблицы, начало которой таково:

Начальное имя человѣкъ. прикладъ. слово. царь. апостровъ закрытая. варія. а ѱ душа. сила. женскому имени свершеніе.	Начало столпомъ. отрикаль. варія. б ξ плоть. сила.
Столпъ. число. кендема. варія. в ч плоть сила	Столпъ. число. отрикаль. титла. варія. г а плоть. сила.

Вся таблица издана, между прочимъ, въ «Описаніи Румянцевскаго Музеума», Востокова, № 2, и въ изслѣдованіи Карпова объ азбуковникахъ, стр. 53 сл.

Въ первомъ отдѣленіи мы читаемъ, что буква *а* начинаетъ собою слово: человѣкъ (греч. ἄνθρωπος), что она оканчиваетъ собою имена женскаго рода, что она—«прикладъ», «душа»=гласная, что надъ нею могутъ быть «сила»=удареніе, и значки: апостровъ, варія, что ей соотвѣтствуетъ въ тайнописи буква ѱ.

Во второмъ отдѣленіи буква *б* названа: «начало столпомъ»=начальная изъ согласныхъ буквъ; она—плоть=согласная; ей соотвѣтствуетъ въ тайнописи буква ξ.

Нельзя сказать, чтобы всѣ грамматическія и орѳографическія опредѣленія этой таблицы были достаточно точны и ясны. Тайнописная система ея такова:

а б в г д е ж ѕ з и і,ѵ к л м н о п р с т
ѱ ξ ч а б в г д е ж ѕ з и і к л м н о п

у ф х ѿ ц ч ш щ ъ ы ь ѣ ѿ ю ѫ ꙗ
р с т у ф х ѿ ц ч ш щ ъ ы ѣ ю ѫ.

Примѣръ: аломлбщ = Господь.

3) *Цифровая* тайнопись, особенно распросграненная въ XV в. въ Россіи, отличается простотою. Она основана на томъ, что значительное число буквъ азбуки употребляется также какъ цифры и что вмѣсто каждой почти буквы-цифры можно поставить двѣ, три цифры съ тѣмъ же въ суммѣ числовымъ значеніемъ. Мы привели уже (стр. 53) запись писца Апостола 1307 г.: а псалъ вв. нк. кк. вв. ъ. Здѣсь вв = 4 = д, нк = 70 = о, кк = 40 = м, вв = 4 = д. Итакъ, слѣдуетъ читать: Домидъ. Вотъ запись писца книги Іосифа Флавія 1503 г., внесенная въ февральскую книгу Макарьевскихъ Миней; мы въ ней, между прочимъ, читаемъ: повелѣніемъ ср. дд. кк. мл. тс. гв. я. ξм. нк. бв. дд. аа. мл. лк. мл. аа. а. рр. ы. пк. я. Это значитъ, Тимофея Родивонова сы*р*а (пк = р, вѣроятно, описка вмѣсто лк = н). Цифровая тайнопись.

Другой видъ цифровой тайнописи, *описательная цифровая тайнопись*, представляетъ нѣчто въ родѣ загадки или шарады. Древніе Греки и Римляне пользовались ею именно въ качествѣ загадки (въ игрѣ). Византійскіе Греки стали употреблять ее въ записяхъ и припискахъ; ихъ примѣру послѣдовали южные Славяне и Русскіе. Въ Россіи она сдѣлалась извѣстна повидимому не раньше конца XIV в.; здѣсь она вполнѣ обычна лишь въ XVI—XVII вв. Вотъ нѣсколько ея примѣровъ.

Южно-славянскій монахъ, переведшій ок. 1371 г. творенія Діонисія Ареопагита, сообщаетъ свое имя такъ (по русскому списку):

Имя же въ инокыхъ (въ инокахъ) мене худаго аще хощеши увѣдѣти, начало тому есть осмеричное число (8), среда же двосотное (200) и первое (1), конець же десято (10) со единѣмь (1) наконьчеваеться.

Указанныя цифры-буквы—Исаіа.

Сборникъ XV в. Спб. Дух. Ак. Кирилл. № 21—1098 имѣетъ такую запись:

Аще хощеши увѣдати имя писавшаго книгу сію, и то ти написую. Десятерица сугубая (20) и пятерица четверицею (20; сумма—40), и единъ (1); десятерица дващи (20) и единъ (1); десятьа четыре сугубо (80) и четыржи по пяти (20; сумма—100); дващи два съ единемъ (5); единица четворицею сугубо (8); въ семъ имени словъ седмерица, три столпы (согласныя буквы) и три души (гласныя) и царь. И всего же числа въ семъ имени рое (175).

Подставляя цифры-буквы, мы получаемъ: Макарей.

Въ „Посланіи къ нѣкоему другу“ по списку Синод. Библ. № 865, авторъ князь Семенъ Шаховской (XVII в.) такъ сообщаетъ свое званіе, имя и фамилію:

Есть убо сему снискатель, роду Ярославскаго исходатель, емуже званіе сице на три части пишемъ толице. Двадесятное (20) съ пятьдесятымъ (50) и по ряду (по порядку азбуки) внѣ числа тридцатьшестое слово (буква) и на конецъ седмое (буква). Еще двусотное (200) съ пятымъ (5) и четыредесятое (40) съ пятымъ (5) на конецъ покрыти

пятьдесятымъ (50). И еще на конецъ званія изящное вѣщаніе: пріими число отъ начала и паки доиди двадесятьшестаго слова (26-й буквы), отъ того пріими начало и къ тому приложи едино (1) и шестьсотное (600) съ седмьдесятымъ (70) и паки второе (2) со двѣмя сты (200) и двадцатое (20) съ седмьдесятымъ (70) и на конецъ осьмое (8).

Результатъ: князь Семенъ Шаховской.

Мы не можемъ похвалиться, что раскрыли всѣ подобнаго рода тайнописныя записи. Нѣкоторыя изъ нихъ такъ непонятны, что можно лишь догадываться о ихъ значеніи. Такова, напримѣръ, запись переводчика «Церковныхъ Лѣтописей» Баронія 1678 г.:

Преводившаго сію книгу имя его седмеролитерно, троесложено, въ немъже убо четыре гласныхъ и три согласныхъ, начало пріемлетъ отъ перваго гласнаго, число же его суть 8.

Скорѣе всего это имя—Игнатій. А вотъ черезчуръ краткая запись, остающаяся не раскрытою. Переводчикъ «Фацецій» 1679 г. и «Лебедя съ перьемъ» такъ говоритъ о себѣ:

Преведшаго же имя отъ б начинаемо, въ числѣ 1503 слагаемо.

Отъ тайнописи авторовъ и писцовъ надо отвѣчать *тайнопись дипломатическую.*

Дипломатич. тайнопись.

До XVI в. московское правительство ея не знало. Въ 1589 г. въ Москву прибылъ посолъ германскаго императора Николай Воркочъ; онъ, между прочимъ, сообщилъ, что ему велѣно обо всемъ писать своему государю «мудрою азбукою, которую (азбуку) онъ отъ себя въ науку далъ, чтобы опричь (кромѣ) цесарскаго величества никто не разумѣлъ». Въ Москвѣ немедленно переняли эту азбуку и стали пользоваться ею, разумѣется, съ значительными измѣненіями.

Въ XVII в. «затѣйное» или «закрытое» письмо разныхъ системъ было уже въ большомъ употребленіи въ перепискѣ русскихъ пословъ и гонцовъ съ царемъ и посольскимъ приказомъ. Образцы ея см. въ статьѣ А. Н. Попова.

Литература (на русскомъ языкѣ).

(Снимки, изданные Обществомъ Древней Письменности, не внесены).

Амфилохій архим. Описаніе Воскресенской Ново-іерусалимской библіотеки. Съ приложеніемъ снимковъ со всѣхъ пергаменныхъ рукописей и нѣкоторыхъ писанныхъ на бумагѣ. М. 1874.—Описаніе Архангельскаго Евангелія 1092 г. М. 1877.—Описаніе Юрьевскаго Евангелія 1118—1128 г. М. 1877.—Артлебенъ Н. А. Евангеліе 1544 г. Боголюбова монастыря. Древности, труды Моск. Археологич. Общ., т. I, стр. 104 (1865 г.).—Бодянскій О. М. Московскіе глагольскіе отрывки Чтенія М. Общ. ист. и древн. 1859 г., кн. 1.—Брикнеръ А. Частныя письма въ Россіи въ эпоху преобразованія (1675—1725). Новь 1885 г., т. I, кн. 4 и 5.—Буслаевъ Ѳ. И. Палеографическіе и филологическіе матеріалы для исторіи письменъ славянскихъ, собранные изъ XV рукописей Моск. Синодальной Библіотеки, съ приложеніемъ 22 снимковъ («Матеріалы для исторіи письменъ. Изготовлены къ столѣтнему юбилею Имп. Московскаго Университета. М. 1855).—Русское искусство въ оцѣнкѣ французскаго ученаго. Критич. Обозрѣніе 1879 г., №№ 2, 5.—Бутовскій В. Исторія русскаго орнамента съ X по XVI столѣтіе по древнимъ рукописямъ. М. 1870.—Histoire de l'ornement russe, du X au XVI siècle, d'après les manuscripts. Avec introduction. Paris, 1878 (срв. Собраніе сочиненій В. В. Стасова, т. II, Спб. 1894).—Бѣляевъ И. Д. Способъ возстановлять полинявшія и вытершіяся чернила въ древнихъ рукописяхъ, пергаменныхъ и бумажныхъ. Временникъ Моск. Общ. ист. и др., кн. IV.—О хронологіи Нестора. Чтенія 1847 г., № 4.—Васильевъ В. Исторія канонизаціи русскихъ святыхъ. Чтенія 1893 г., № 3.—Волковъ Н. В. Дѣйствительно ли безыменна была большая часть трудовъ древне-русскихъ переписчиковъ? Журн. Мин. Нар. Пр. 1897 г., № 11.—Статистическія свѣдѣнія о сохранившихся древне-русскихъ книгахъ XI—XIV вѣковъ и ихъ указатель (Памятники Древней Письм., № CXXIII). Спб. 1897.—Востоковъ А. Х. Филологическія разысканія. Спб. 1865.—Князь Гагаринъ Г. Г. Собраніе византійскихъ, грузинскихъ и древ-

не-русскихъ орнаментовъ и памятниковъ архитектуры (Спб. 1897).— Герцъ К. К. Миніатюры Остромирова Евангелія. Лѣтописи р. литературы и древн., изд. Н. Тихонравовымъ, т. III; «Собраніе сочиненій», вып. 6 (срв. Собраніе сочиненій В. В. Стасова, т. II, Спб. 1894).—Голубинскій Е Е. Исторія канонизаціи святыхъ въ русской церкви. Сергіевъ посадъ, 1894.—Голышовъ И. Альбомъ рисунковъ рукописныхъ Синодиковъ 1651, 1679, 1686 г. Голышовка, 1885.—Альбомъ рукописнаго Синодика 1746 года. Голышовка, 1889.—Горбачевскій Н. Календарь на двѣ тысячи лѣтъ (325—2324) по юліанскому счисленію и на 742 года (1583—2324) по григоріанскому счисленію. Вильна, 1869.— Де-Нунціо І. О славянской рукописи Ватиканской библіотеки № VII. Журн. М. Нар. Просв. 1892 г., № 11.—Дмитріевскій А. А. Способы опредѣленія времени написанія рукописей безъ опредѣленныхъ датъ вообще и богослужебныхъ рукописей въ частности. Правосл. Собесѣдн. 1884 г., № 1.—(Есиповъ Г. В.). Азбука и скоропись XVII вѣка для нагляднаго изученія. М. 1875. — Житіе преподобнаго и богоноснаго отца нашего Сергія Радонежскаго и всея Россіи чудотворца. 1853 г. Въ литографіи Свято-Троицкія Сергіевы лавры. — (Ивановъ П. И.). Сборникъ палеографическихъ снимковъ съ почерковъ древняго и новаго письма, разныхъ періодовъ времени, изданный для воспитанниковъ межеваго вѣдомства. М. 1844. — Иконниковъ В С. Опытъ русской исторіографіи. Томъ І. Кіевъ, 1891. — Калайдовичъ К. Ѳ. Іоаннъ Экзархъ Болгарскій Изслѣдованіе, объясняющее исторію словенскаго языка и литературы IX и X столѣтій. М. 1824. — Калайдовичъ К. Ѳ. и Строевъ П. М. Обстоятельное описаніе славяно-россійскихъ рукописей, хранящихся въ Москвѣ въ библіотекѣ графа Ѳ. А Толстова. М. 1825. Въ приложеніи: Палеографическія таблицы почерковъ съ XI по XVIII вѣкъ (числомъ 12).—(Каманинъ И. М.). Палеографическій Изборникъ. Матеріалы по исторіи южно-русскаго письма въ XV—XVIII вв., изданные Кіевской Комиссіей для разбора древнихъ актовъ. Вып. І. Кіевъ, 1899 (рецензіи: Отчетъ о присужденіи наградъ графа Уварова, А. И. Соболевскаго; Журн. Мин. Нар. Просв 1900 г., № 8, С. Л. Пташицкаго). — Карповъ А. Азбуковники, или алфавиты иностранныхъ рѣчей по спискамъ Соловецкой библіотеки. Казань, 1877. — Карскій Е. Ѳ. Очеркъ славянской кирилловской палеографіи. Варш., 1901. — Образцы славянскаго кирилловскаго письма съ X по XVIII вѣкъ. Варш., 1901. — Надпись Самуила 993 года. Русск. Филолог. Вѣстн. 1899 г., № 3. — Качановскій В. В. Училища и образованіе въ древней Сербіи. Вѣстникъ Славянства, кн. XI, 1896 г.—Кирпичниковъ А. И. Очеркъ исторіи книги. Двѣ публичныя лекціи. Изданіе журнала «Пантеонъ литературы». Спб. 1888.—Котляревскій А. А. Древняя русская письменность. Опытъ библіологическаго изложенія исторіи ея изученія. «Сочиненія», т IV. — Куникъ А. А. О признаніи 1223 года временемъ битвы при Калкѣ. Уч. Записки Имп. Ак. Наукъ по I и III отд., кн. II, (1854 г.), стр. 765.—Извѣстны ли намъ годъ и день смерти вел. князя Ярослава Владимировича? Спб. 1896 г.—Лавровскій П. А. Старорусское тайнописаніе. Древности, труды М. Археолог. Общ., т. II. — Лалошъ М. Времясчисленіе христіанскаго и языческаго міра, съ особенно подробнымъ исчисленіемъ русскаго лѣтосчисленія, съ приложеніемъ таблицъ и съ показаніемъ примѣненія ихъ къ повѣркѣ русскихъ лѣтописей. Спб. 1867. — Ламанскій В. И. Старинная русская картографія. Вѣстникъ Имп. Русск. Геогр. Общ., т. XXVII.—О нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ въ Бѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ. Спб. 1864 (За-

писки Имп. Ак. Наукъ, т. VI).—Лебедевъ А. Н. Надписи на старинныхъ книгахъ. Изъ журнала Книговѣдѣніе. М. 1896.—Лихачевъ Н. П. Палеографическое значеніе бумажныхъ водяныхъ знаковъ. Три части и приложеніе: Таблицы, поясняющія въ хронологическомъ порядкѣ измѣненія формата и строенія бумаги. Спб. 1899 г. Изданіе Имп. Общества Любителей Древней Письменности, № CXVI (рецензіи: Вѣстникъ Археологіи и Исторіи, вып. XIV, А. И. Соболевскаго; Русскій Филологическій Вѣстникъ 1900 г., № 1, Е. Ѳ. Карскаго).—Вновь найденная двинская грамота (со снимкомъ). Извѣстія Отд. русск. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ. 1901 г., № 3.—Молитва на дьявола. Церковно-славянскій текстъ западно-славянскаго происхожденія. Съ предисловіемъ проф. А. И. Соболевскаго. Фотолитографическое изданіе при Спб. Археологическомъ Институтѣ М. И и В. И. Успенскихъ. Спб. 1899.—Мурзакевичъ Н. Н. Псковская судная грамота (1397—1467). Изданіе второе. Од., 1868.—Напьерскій К. Грамоты, касающіяся до сношеній сѣверо-западной Россіи съ Ригою и Ганзейскими городами въ XII, XIII и XIV вѣкахъ. Найдены въ Рижскомъ Архивѣ. Спб. 1857.—Некрасовъ И. С. Пермскія письмена въ рукописяхъ XV вѣка. Одесса, 1890.—Новгородская лѣтопись по Синодальному харатейному списку. Изданіе Археологической Комиссіи. Спб. 1875.—Новый Завѣтъ Господа нашего Іисуса Христа. Трудъ святителя Алексія, митрополита Московскаго и всея Руси. Фототипическое изданіе Леонтія, митрополита Московскаго. М. 1892.—Остромирово Евангеліе 1056—1057 года, хранящееся въ Имп. Публичной Библіотекѣ Иждивеніемъ купца Ильи Савинкова. Спб. 1883. (Фотолитографированное изданіе).—(Перевощикокъ Д. М.). Правила времяисчисленія, принятаго православною церковью. М. 1850.—Повѣсть временныхъ лѣтъ по Лаврентьевскому списку. Изданіе Археологической Комиссіи. Спб. 1872.—Повѣсть временныхъ лѣтъ по Ипатскому списку. Изданіе Археологической Комиссіи. Спб. 1871.—Погодинъ М. П. Образцы славяно-русскаго древлеписанія. Двѣ тетради. М. 1840—1841.—Русскій историческій альбомъ. М. 1853.—О хронологіи въ русскихъ лѣтописяхъ. «Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о русской исторіи», т. IV. М. 1850.—Покровскій И. Русскія епархіи въ XVI—XIX вв., ихъ открытіе, составъ и предѣлы. Томъ I (XVI—XVII вв.). Казань, 1897.—Рукописи и приписки къ нимъ по существующимъ описаніямъ. Къ исторіи рукописной книги на Руси. Правосл. Собесѣдн. 1897 г., №№ 8, 9.—Поповъ А. Н. Дипломатическая тайнопись временъ царя Алексѣя Михайловича (въ книгѣ: Русское посольство въ Польшѣ въ 1673—77 годахъ. Спб. 1854.).—Прозоровскій Д. И. О старинномъ русскомъ счисленіи часовъ. Труды II-го Археологическаго съѣзда, т. II. Спб. 1881.—Пташицкій С. Л. и Соболевскій А. И. Сборникъ снимковъ съ славяно-русскихъ старопечатныхъ изданій. Матеріалы для исторіи славянскаго книгопечатанія. Часть I. XV и XVI вѣкъ. Часть II. XVII вѣкъ. Изд. Р. Р. Голике. Спб. 1895.—Савва, епископъ Можайскій. Палеографическіе снимки съ греческихъ и славянскихъ рукописей Московской Синодальной Библіотеки, VI—XVII вв. М. 1863.—Сахаровъ И. И. Образцы древней письменности. S. l. et a. Сборникъ палеографическихъ снимковъ съ древнихъ грамотъ и актовъ, хранящихся въ Виленскомъ Центральномъ Архивѣ и Виленской Публичной Библіотекѣ. Изданіе Виленской Археографической Комиссіи. Выпускъ I (1432—1548 гг.). Вильна, 1884 (рецензіи: Журн. Мин. Нар. Просв. 1885 г., № 7, А. И. Соболевскаго; Кіевск. Стар. 1885 г.,

№ 2, И. М. Каманина)—Смоленскій С. В. О древне-русскихъ пѣвческихъ нотаціяхъ. Историко-палеографическій очеркъ. Спб. 1901 (Памятники Древней Письменн., № CXLV).—Краткое описаніе древняго (XII—XIII вѣка) знаменнаго Ирмолога, принадлежащаго Воскресенскому, Новый Іерусалимъ именуемому монастырю. Казань, 1887.—Соболевскій А. И. Палеографическіе снимки съ русскихъ рукописей XII—XVII вѣковъ. Изданы С.-Петербургскимъ Археологическимъ Институтомъ. Спб. 1901.—Образованность Московской Руси XV—XVII вѣковъ. Изд. 2-е. Спб. 1894.—Древній церковно-славянскій языкъ. Фонетика. Изъ лекцій. М. 1891.—Лекціи по исторіи русскаго языка. Изд. 2-е. Спб. 1891.—Составъ черниломъ, како составливати добрая чернила (изъ рукописи XVII в.). Русск. Архивъ 1863 г., стр. 495.—Сперанскій М. Н. Златоустъ, рукопись XVI вѣка Тверскаго Музея. Замѣтка по русской палеографіи. Спб. (1890). Изданіе Общества Древн. Письм.—Списываніе книгъ въ древнія времена Россіи. Правосл. Собесѣдн. 1862 г., ч. I.—Срезневскій И. И. Славяно-русская палеографія XI—XIV вв. Лекціи, читанныя въ Имп С.-Петербургскомъ университетѣ въ 1865—1880 гг Спб. 1885.—Древніе памятники русскаго языка и письма (X—XIV вв.). Спб. 1863. Приложеніе. Снимки съ памятниковъ. Спб. 1866.—То же. Изданіе 2-е Спб. 1882 (безъ снимковъ).—То же. Снимки съ памятниковъ. Изданіе 2-е. Спб. 1898.—Древнерусскія книги. Христіанск. Древности (Прохорова) 1864 г., №№ 2, 3.—Замѣчанія о русскомъ тайнописаніи. Сборникъ Имп. Академіи Наукъ, т. VIII, стр. XXIV сл.—Обзоръ матеріаловъ для изученія славяно-русской палеографіи. Журн. Мин. Нар. Пр. 1867 г., № 1 (срв. Чтенія Моск. Общ. ист. и др. 1861 г., № 1, замѣтка Бодянскаго).—О русскомъ правописаніи. Журн. Мин. Нар. Просв. 1867 г., № 5.—Сказанія о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ. Сильвестровскій сборникъ XIV вѣка. Изданіе Имп. Русск. Археологич. Общ. (литограф.). Спб. 1860 — Палеографическій снимокъ Русской Правды по Новгородской Кормчей книгѣ XIII вѣка, скопированный съ подлинника... подъ руководствомъ И И. Срезневскаго. Спб. 1888.—Стасовъ В В. Славянскій и восточный орнаментъ по рукописямъ древняго и новаго времени. Спб. 1884—87 (рецензіи: Журн. Мин. Нар. Просв. 1884 г., № 5, Ѳ. И. Буслаева; Кіевск. Унив. Извѣстія 1887 г., № 5, А. И. Соболевскаго; Вѣстникъ изящн. исскуствъ 1888 г., т. VI, вып. 2, И. В. Ягича).—Картины и композиціи, скрытыя въ заглавныхъ буквахъ древнихъ русскихъ рукописей. Спб. 1884 Изд. Общ. Др. Письм.—Замѣчанія о миніатюрахъ Остромирова Евангелія Собраніе сочиненій В. В. Стасова, т. II. Спб. 1891.—Точные снимки съ двухъ знаменитыхъ памятниковъ древности (Евангелія Мстиславова и Евангелія Юрьевскаго) представляющіе свидѣтельство о правильномъ начертаніи .. имени... Іисусъ. М 1872.—Точные снимки съ первой страницы и съ подписей, изъ подлиннаго списка дѣянія Московскаго Большого собора 1667 года (списокъ хранится въ Синодальной Библіотекѣ подъ № 914). S. l. et a.—Туровское Евангеліе одиннадцатаго вѣка Изданіе Виленскаго учебнаго округа. Спб. 1868.—Успенскій Ѳ. И. и Флоринскій Т. Д. Надпись царя Самуила. Извѣстія Русск. Археол. Института въ Константинополѣ, т. IV, вып. I (1899 г.)—Ундольскій В. М. Альманахъ, индиктіонъ, кругъ міротворный, кустодія, матица, перекрой, пестредное ученіе, предрѣчіе, седмочисленникъ, форматъ. Архивъ историко-юридич. свѣдѣній, относящихся до Россіи (Калачова), кн. 1, 1850.—Изслѣдованіе о значеніи вруцѣлѣта въ Пасхаліи, способъ провѣрять имъ данныя, и рѣшеніе посредствомъ вруцѣлѣта того,

что годъ сентябрскій предшествуетъ 6-ю мѣсяцами. Временникъ М. Общ. ист, и др., кн. 4 (1849 г.).—Флейснеръ. Криптографія. Этюдъ. Газета Гатцука 1885 г., №№ 3, 4.—Хавскій П. В. Хронологическія таблицы въ трехъ книгахъ, предварительно разсмотрѣнныя Имп. Академіею Наукъ. М. 1848.—О тысячелѣтіи государства россійскаго и способахъ повѣрки и исправленія время счисленія, показаннаго въ русскихъ лѣтописяхъ. М. 1861.—Черухинъ Н. И. Календарь для хронологическихъ справокъ (о способѣ находить день недѣльный). Р. Стар. 1873 г, № 7.—О чтеніи книгъ въ древнія времена Россіи Правосл. Собес. 1858 г, кн. 2.—Графъ Шереметевъ С. Д. Грамоты съ подписями Бориса Димитрія и Степана Годуновыхъ. Чтенія М. Общ. ист. и древн. 1897 г., кн. 1.—Щербачевъ Ю. Н. Подписи царей Бориса Годунова и Алексѣя Михайловича. Чтенія 1894 г., кн. 4.—Ягичъ И. В. Четыре критико-палеографическія статьи. Приложеніе къ Отчету о присужденіи ломоносовской преміи за 1883 г. Спб 1884.—Яцимирскій А. И. Фотографія въ примѣненіи къ славяно-русской палеографіи Фотографич. Обозрѣніе 1901 г, № 3.

Академия наук СССР
Институт научной информации
[illegible]
13.4.70.